

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 3 / 2025

Том 31

Тема выпуска:

Влияние современности на социальные стратегии молодёжи

DOI: [10.19181/nko.2025.31.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3)

EDN: [WSNMBI](https://www.edn.ru/WSNMBI)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в РИНЦ, перечень ВАК (К2), Белый список/ЕГПНИ (Уровень 3).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2025

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirowa, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	6
----------------------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Богданов В. С.

Оценка студенческой молодёжью реализации практик общественного договора в сфере регионального и муниципального управления	9
--	---

Лебедев С. Д.

Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи	26
--	----

Ромашкина Г. Ф., Агафонова Д. Ю.

Волонтерство российской молодёжи в структуре занятости	41
--	----

Русакова М. М., Ткач С.

Есть ли в России третье потерянное поколение?	56
---	----

Швецова А. В., Казько А. С.

Социальные паттерны в визуальных новеллах: новые коммуникативные практики молодёжи	72
---	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вдовиченко Л. Н.

Историческая социология: перспективные направления исследований. . . .	83
--	----

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ланцев В. Л.

Профессиональные стратегии молодых российских учителей.	95
---	----

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

Багирова А. П., Соколова Е. Ю.

Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодёжи: поиск взаимосвязи . .	110
--	-----

Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П.

Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России	126
---	-----

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

Семь десятилетий и три трансформации:

к 70-летию М. Ф. Черныша.	142
-----------------------------------	-----

Высокое призвание социолога:

к 70-летию В. П. Бабинцева	145
--------------------------------------	-----

OPENING ADDRESS

To the reader	6
-------------------------	---

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

<i>Bogdanov, V. S.</i> Student youth evaluation of implementation of social contract practices in the sphere of regional and municipal administration	9
<i>Lebedev, S. D.</i> Religious and worldview strategies of Russian youth	26
<i>Romashkina, G. F., Agafonova, D. Yu.</i> Volunteering of Russian youth in the structure of employment	41
<i>Rusakova, M. M., Tkach, S.</i> Is there a third lost generation in Russia?	56
<i>Shvetsova, A. V., Kazko, A. S.</i> Social patterns in visual novels: new communicative practices of youth	72

THEORY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

<i>Vdovichenko, L. N.</i> Historical sociology: promising areas of research	83
--	----

SOCIOLOGY OF EDUCATION

<i>Lantsev, V. L.</i> Professional strategies of young Russian teachers	95
--	----

DEMOGRAPHICS AND MIGRATION

<i>Bagirova, A. P., Sokolova, E. Yu.</i> Perceptions of employer family support and reproductive intentions among university students: the search for a relationship	110
<i>Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P.</i> Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia	126

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

Seven decades and three transformations: on the 70th anniversary of M. F. Chernysh	142
The noble calling of a sociologist: on the 70th anniversary of V. P. Babintsev	145

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаем вашему вниманию очередной номер журнала, статьи в котором объединены темой: **«Влияние современности на социальные стратегии молодёжи»**.

Молодёжь как социально-демографическая группа играет ключевую роль в процессах социальной трансформации, выступая агентом изменений и одновременно объектом воздействия со стороны институциональных структур. В условиях усложняющейся социальной реальности, характеризующейся динамичными экономическими сдвигами, цифровизацией взаимодействий и трансформацией традиционных ценностных ориентиров, исследование социальных стратегий молодёжи приобретает особую значимость.

Актуальность данной проблематики обусловлена рядом факторов. Во-первых, социальные стратегии молодёжи отражают адаптационные механизмы к нестабильным условиям современного общества, включая прекаризацию занятости, рост конкурентности на рынке труда и фрагментацию социальных лифтов. Во-вторых, выбор стратегий (образовательных, профессиональных, миграционных, сетевых) детерминирован не только индивидуальными предпочтениями, но и структурными ограничениями, что позволяет выявить риски воспроизводства социального неравенства. В-третьих, в цифровую эпоху формируются новые формы социального капитала и солидарности, требующие осмысления в контексте трансформации идентичностей и коллективных практик.

Изучение социальных стратегий молодёжи имеет прикладное значение для разработки эффективной молодёжной политики, направленной на снижение рисков маргинализации и усиление инклюзивного потенциала социальных институтов. Анализ данных стратегий способствует не только углублению теоретических представлений о механизмах социальной мобильности, но и формированию научно обоснованных решений в сфере управления социальными процессами.

Для раскрытия темы влияния современности на социальные стратегии молодёжи особую значимость приобретают научные исследования, посвящённые изучению тех системных изменений, с которыми связывают понятие современности. Фундаментальные аспекты связи прошлого, настоящего и будущего, пролонгация исторических тенденций в реальность современности, могут быть прослежены при помощи исторической социологии. Именно такую форму анализа предлагает в своей статье **«Историческая социология: перспективные направления исследований»** Л. Н. Вдовиченко, обозначая, в том числе, и возможные новые направления социологических разработок и анализа. Историческая социология позволяет увидеть тот путь, которым шло современное общество, использованные и упущенные возможности, риски, трансформацию общественного сознания и мышления. Такой фундаментальный анализ наиболее востребован в изучении социальных стратегий молодёжи, рассматриваемых как отклик на современную реальность, самоорегуляционный и адаптивный результат рефлексии социальной ситуации.

Методологической основой для рассмотрения формирования и изменения социальных стратегий молодёжи могут выступить исследования, посвящённые генерационным портретам молодёжи. Современность, её черты, характеристики, формируют облик нового поколения молодёжи, который, с одной стороны, определяется воздействием социальной реальности, с другой — представляет собой результат интериоризации, адаптации и противодействия молодёжи современным смыслам. Специфические черты молодёжи в этом контексте рассматривают в своей статье «[Есть ли в России третье потерянное поколение?](#)» М. М. Русакова и С. Ткач. Риски современности формируют социальные условия, повышающие вероятность возникновения феномена «потерянности и отчуждённости» в молодёжной среде, что позволяет авторам выдвинуть гипотезу о существующей угрозе аномии и маргинализации современной молодёжи. Но результаты исследований авторов дают скорее оптимистичный результат — позиция молодёжи, которая могла бы свидетельствовать о «потерянности», пока является вариантом социального типа, особого образа мышления, имеющего право на своё существование.

Продолжением в исследовании специфики мировоззрения и сознания молодёжи становится статья С. Д. Лебедева «[Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи](#)», посвящённая духовно-нравственным стратегиям современных молодых людей. Автором определяется проблема комбинаторики разных направлений религиозно-мировоззренческих ориентаций в молодёжном сознании, что может определить в дальнейшем «сложную и поливариантную динамику мировоззренческих переходов».

Вызовы современности, связанные с тенденциями локализации, консолидации и потребностью в гражданской солидаризации, прежде всего отражаются на общественных стратегиях молодёжи. Практики общественной активности претерпевают определённые трансформации, сопряжённые с расширением спектра, форм и возможностей гражданского участия. В этой связи на волне актуальности остаются исследования, посвящённые включённости молодёжи в волонёрскую деятельность, и именно такое исследование представлено Г. Ф. Ромашкиной и Д. Ю. Агафоновой в статье «[Волонёрство российской молодёжи в структуре занятости](#)». Авторы поднимают проблемы, связанные с институализацией волонёрства, с использованием его ресурса для трудоустройства молодёжи, обозначают проблемы низкой включённости молодых людей в волонёрскую деятельность, одновременно делая акценты на структуре современного волонёрского сообщества, его новых формах деятельности.

Коммуникативные стратегии молодёжи становятся «зеркалом» социальных и технологических изменений, наиболее быстро реагируя на научно-технический прогресс и самые современные тенденции, связанные с цифровизацией и виртуализацией повседневности. В статье А. В. Швецовой и А. С. Казько «[Социальные паттерны в визуальных новеллах: новые коммуникативные практики молодёжи](#)» раскрывается потенциал «цифровой социализации», осуществляется попытка «дестигматизации» игровых форм досуга, определения их социальной функции формирования и коррекции коммуникативных практик и стратегий молодёжи.

В разрезе важности реализации национальных политик и демографических проектов, особое значение приобретают статьи, посвящённые этой проблеме. Не теряют своей актуальности результаты исследований, отражающие разные аспекты matrimониальных стратегий молодёжи, которые рассмотрены в ста-

тях «Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодёжи: поиск взаимосвязи» А. П. Багировой и Е. Ю. Соколовой и «Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России» С. Ю. Сивоплясовой и Е. П. Сigareвой. Авторы разделяют разные взгляды на проблемы матримониального поведения и выбора. Так С. Ю. Сивоплясова и Е. П. Сigareва рассматривают проблемы брачности и разводимости молодёжи разных поколений, определяя рискованные тенденции, связанные с сокращением брачного потенциала современной молодёжи, неопределённостью брачного статуса, повышением возраста вступления в брак. В статье А. П. Багировой и Е. Ю. Соколовой дан анализ необходимых условий для реализации желаемых репродуктивных стратегий молодёжью. Речь идёт, в том числе, и о той социальной ответственности, которую должны взять на себя корпорации в поддержке молодых семей и их репродуктивных планов.

Трансформация современного рынка труда отражается прежде всего на профессиональных и трудовых стратегиях молодёжи. В связи с этим зонами риска становятся социально-значимые профессии. Так, проблему выбора профессиональных стратегий молодыми учителями, поднимает в своей статье «Профессиональные стратегии молодых российских учителей» В. Л. Ланцев. Им определены эффективные и менее эффективные профессиональные стратегии данной сферы и важным научным результатом можно считать вывод автора о возможной их смене при условии формирования благоприятной среды сопровождения молодых учителей. В данной статье вновь поднимается вопрос социальной ответственности трудовых организаций за жизненный выбор молодёжи.

Приоритетность системы государственного и муниципального управления в формировании условий для реализации социальных стратегий рассматривается в статье В. С. Богданова «Оценка студенческой молодёжью реализации практик общественного договора в сфере регионального и муниципального управления». В этом исследовании условия среды проанализированы через показатели общественного договора, которые оцениваются студенческой молодёжью. Автор делает вывод о том, что молодёжь в целом «позитивно оценивают реализацию базовых элементов общественного договора, особенно в сфере образования, здравоохранения, духовного и физического развития», что позволяет предположить вероятность успешной реализации образовательных, самосохранительных и духовно-нравственных стратегий современными молодыми людьми.

В целом, тема формирования, трансформации и реализации социальных стратегий молодёжью в контексте современности, её рисков и возможностей, неисчерпаема — увидеть те изменения, которые могут вести к положительному или отрицательному эффекту, включить их в научный дискурс, было и остаётся важной задачей каждого учёного-социолога.

*Редактор тематического выпуска,
И. С. Шаповалова (НИУ «БелГУ»)*

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.1)
EDN [DRZGME](#)
УДК 316.77

В. С. Богданов¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ОЦЕНКА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема реализации общественного договора через оценки будущих специалистов в области государственного и муниципального управления (ГМУ). Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа условий и инструментов, обеспечивающих качественное воспроизводство общественного договора в региональной управленческой практике. В фокусе находятся оценочные позиции студенческой молодёжи как будущих субъектов управления, чьи оценки раскрывают не только ожидания от государства, но и потенциал к участию в трансформации управленческих практик. В работе используются данные массового анкетирования студентов ГМУ из 14 регионов Российской Федерации для проведения анализа: 1) оценки реализации базовых элементов общественного договора, 2) сложившихся практик и системных недостатков регионального и муниципального управления. Анализ опирается на концептуальные основания общественного договора, изложенные в работах Ж. Т. Тощенко, и антропосоциетальный подход Н. И. Лапина, в котором диспаритет в отношениях власти и граждан выступает интегральным индикатором напряжённости, требующей постоянного переналаживания системы управления. Результаты анализа оценок студентов — будущих специалистов ГМУ показывают, что в целом респонденты позитивно оценивают реализацию базовых элементов общественного договора, особенно в сфере образования, здравоохранения, духовного и физического развития. Положительные оценки получили и практики взаимодействия власти с населением — учёт мнений, коммуникация, активность в решении проблем. Однако одновременно выявлены серьёзные дисфункции: беспокойство вызывают 11 из 14 проанализированных недостатков, включая избыток согласований, формализм, командный стиль и имитацию деятельности. Многоступенчатый анализ (χ^2 , корреляции Пирсона) выявил латентные связи между социально-демографическими характеристиками и восприятием управленческих практик, а также отрицательные корреляции между дисфункциями региональных систем управления и элементами общественного договора. Это подтверждает тезис А. В. Тихонова о необходимости фундаментального научного сопровождения (включая социолого-управленческое) процессов формирования и реализации общественного договора.

Ключевые слова: социология управления, общественный договор, оценка управленческих практик, студенческая молодёжь, государственное и муниципальное управление, ГМУ, дисфункции управления

Для цитирования: Богданов В. С. Оценка студенческой молодёжью реализации практик общественного договора в сфере регионального и муниципального управления // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 9–25. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.1). EDN [DRZGME](#).

Введение. В последние годы в отечественной социологической теории конституируется категория «общественный договор». Этот процесс актуализирован в рамках изучения общественно-политической жизни российского общества в разные периоды его трансформации, а также в контексте осмысления гуманистической перспективы построения взаимоотношений власти и народа на современном этапе развития страны [1, с. 13]. На теоретическом уровне философами, историками, экономистами и социологами проведён глубокий анализ эволюции идей об общественном договоре (ОД) [1; 2; 3, с. 681; 4; 5]. На эмпирическом уровне пока прослеживаются лишь попытки конфигурирования его конструкта через определение концептуальных критериев, элементов и индексов изучения, направленных, с одной стороны, на установление в общественном сознании дифференциации проблем осмысления старых и новых *условий* реализации «общественного договора» [1], а с другой, — на организацию научного поиска путей разрешения, нивелирования социальных противоречий и деформаций от качества его реализации, выражающегося [4; 5]:

- 1) в оценке конкретных взаимодействий и социальных практик, формальных связей и институций, обеспечивающих баланс интересов между государством и обществом, органами власти и различными социальными группами;
- 2) в проработке регулятивных принципов управленческого типа на основе создания новых рационально-познавательных механизмов и корректировки деятельности структур управления, переориентации их на своевременное распознавание вызовов, проблем, на установление актуальных потребностей различных социальных групп и индивидов.

На наш взгляд, выделенные аспекты являются основополагающими для изучения содержания, условий и механизмов реализации ОД, а также складывающейся в ходе его реализации системной реальности межличностных и межгрупповых взаимодействий. В частности, в контексте конструирования формальных (нормативно заданных) и латентных (спонтанно организованных) отношений и формирующихся на их основе *оценочных позиций качества реализации ОД у различных субъектов*: стейкхолдеров из населения, социально-профессиональных групп, региональных сообществ и органов власти — от федерального до муниципального уровня. Последнее представляется наиболее важным с точки зрения определения характера участия и взаимодействия субъектов ОД: 1) по степени их вовлеченности; 2) их функций; 3) ожиданий от качества реализации. Как отмечает Ж. Т. Тощенко, значимость и действенность субъектов в ходе реализации ОД есть реальное отражение их участия «в социально-экономической, социально-политической и социально-культурной жизни...», на основе чего, собственно, «можно судить об уровне, причастности, заинтересованности и вовлечённости в решение актуальных проблем как общегосударственного, так и регионального и местного уровня» [1, с. 70]. Однако, «пока колебания в осуществлении функций субъекта общественного договора весьма значительны» [1, с. 70], а россияне, как главные субъекты ОД, оценивают свои возможности влияния на принятие государственных решений практически как «нулевые» [1, с. 71]. На этом фоне целесообразным представляется изучить современное видение реализации общественного договора представителями различных социальных групп. В нашем случае становится возможным изучение представлений молодого поколения, а именно студенческой молодёжи, которая сегодня прохо-

дит обучение по направлению «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ), а через несколько лет, став специалистами, будет отвечать за настройки ОД и разработку механизмов контроля, за определение составных (базовых) элементов и качество их реализации. По сути, активизация молодого поколения в рамках создания условий для реализации ОД корреспондируется с одной из главных задач Стратегии государственной молодёжной политики, закреплённой в документе «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹. Так, в качестве приоритетной задачи выделяется повышение «ответственности молодёжи за реализацию своих конституционных прав и обязанностей в сферах государственной и общественной жизни» [6, с. 8]. Такой социальный запрос на активизацию молодого поколения в общественно-политической жизни общества и государства, участие в настройке работы институтов, отвечающих за положения ОД и результаты его выполнения, позволяет выделить главную цель данного исследования — изучение оценочных позиций и установок будущих специалистов ГМУ в отношении уже сложившихся практик регионального и муниципального управления, направленных на качественную реализацию элементов ОД или, наоборот, деформирующих их выполнение. Постановка указанной цели обусловлена актуальной научной проблемой — получением с помощью социологических методов нового знания о позиции различных социальных групп, в частности, студентов ГМУ, в отношении сложившегося ОД: поддерживают ли они его в текущем виде или считают необходимым его корректировку.

Проблематика и методология изучения «общественного договора» в научных исследованиях. Современный анализ генезиса феномена ОД в большей мере осуществляется с применением структурного и исторического подходов, позволяющих сделать выводы о постоянных трансформациях форм, характеристик и содержания данного явления [1; 2]. Эволюция идей об общественном договоре свидетельствует о трансформации его сущности и о многообразии смыслов, вкладываемых в это понятие мыслителями и исследователями разных исторических эпох. Однако можно выделить базисные категории, которые сопряжены с основными смыслами его установления и реализации в (прото)государствах и государствах. Среди них «социальная справедливость», «социальный порядок», «социальная интеграция», «социальное доверие», «гражданское общество», «государство», «власть», «права человека», «политическая стабильность», «социально-экономические блага», «социальные группы» и др.

Как мы уже отметили, сегодня интерес к концепту «общественного договора» проявляют исследователи разных научных областей. В частности, предлагаются результаты нарративного анализа на основе исторических документов, фундирования философских работ, изучения биографических материалов. Выделяются качественные характеристики явления, предлагается достаточно большое количество его определений. Наиболее актуальные понятия, на

¹ Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 18.06.2025). Утратил силу в связи с утверждением Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/> (дата обращения: 18.06.2025).

наш взгляд, представлены А. Л. Субботиным, А. А. Аузаном, Е. В. Балацким и Н. А. Екимовой. Так, А. Л. Субботиным предлагается социально-философское трактование, «связанное с теорией установления и сущности государства как результата соглашения между людьми. По этой теории, люди, находясь в естественном состоянии, по свободному соглашению создают такой институт, который силой закона надёжно обеспечивает их естественные, данные им от рождения права и кладёт начало их собственно гражданской жизни» [3, с. 681].

Е. В. Балацкий и Н. А. Екімова, так же как и А. Л. Субботин, выделяют институциональную природу этого явления и указывают на его двойственную функцию: «общественный договор — это форма существования государства и интеграции верховной власти с обществом... Общественный договор является неформальным институтом... обладает свойством двойственности — стабилизации социальных отношений и стимулирования их изменений. Именно фактом двойственности внятного общественного договора объясняются изменения как самого понятия справедливости, так и потребность в периодическом пересмотре ОД» [2, с. 625].

А. А. Аузан предлагает отождествлять это явление с гражданским обществом и не разводить их: «общественный договор и гражданское общество — это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество — это и есть общественный договор... это всегда добровольная многосторонняя договорённость людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество — это модель договора» [7, с. 7].

Ж. Т. Тощенко провёл глубокий анализ эволюции научных идей об общественном договоре и вышел на научное обоснование его основных характеристик. При этом он поставил ряд принципиальных вопросов, своевременные ответы на которые необходимы для того, чтобы содержание и качество реализации ОД отвечали ожиданиям и потребностям различных социальных групп, его бенефициаров. Среди этих вопросов: «взаимоприемлемая общность идей развития, существование механизма взаимодействия между народом и государством; как и каким образом согласуются основные устремления, ценностные ориентации и интересы людей (народа) с политикой государственной власти, на чём базируется их согласие; обеспечивается ли баланс сил и баланс интересов, существует ли обратная связь, которая свидетельствует, насколько власть не только слушает, но и слышит народ» [1, с. 46]. Опираясь на эти характеристики, Ж. Т. Тощенко выделяет главные критерии формирования и реализации ОД, одним из которых является политико-управленческий контроль. Его осуществление становится возможным только при реализации принципов организации обратной связи между органами власти и населением, в частности, через возможность оценивания последствий и влияния различными стейкхолдерами «на *принятие решений* всех без исключения органов управления» [1, с. 88].

К схожим выводам приходит исследовательская группа Центра социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН под руководством профессора А. В. Тихонова, изучившая современные противоречия между государством и обществом в рамках теории «общественного договора». Анализ осуществлялся с учётом как внутреннего (внутрисистемного), так и внешнего (с субъектами организационного и территориального управления) функционирования элементов российской властно-управленческой вертикали. В рамках такого подхода становится возможной фиксация субъектного отношения пред-

ставителей различных социальных групп к деятельности всей иерархии органов власти и управления как одной из сторон подразумеваемого «общественного договора». По результатам анализа обобщённых данных общероссийского исследования² выявлен социальный запрос на осознание и конструктивное решение в ближайшие десятилетия важных вопросов, связанных с настройками условий и инструментальных средств реализации ОД. Эти вопросы требуют комплексного подхода: «1) в политическом отношении путём пересмотра концепции «гражданского договора» начала 90-х годов прошлого века, 2) в социально-организационном отношении путём поддержки со стороны гражданского общества и 3) в научном — путём фундаментального научного сопровождения, в том числе социолого-управленческого» [4, с. 347]. Отметим, что вопросы, поставленные по результатам проведённого исследования, содержательно связаны с концептуальными основаниями антропосоциетального подхода к управлению, разработанного Н. И. Лапиным. Данный подход подразумевает рассмотрение общества как системной реальности через призму отношений между социальными индивидами, группами и властью, сложившихся в определённый период социально-исторического развития. Интегральным индикатором измерения в этом контексте становится наличие диспаритета в обществе — «напряжённости в отношениях власти и граждан, постоянно требующих налаживания и переналаживания системы управления...» [8, с. 19]. В связи с этим актуальным и социально значимым представляется исследование сложившихся условий регионального управления с точки зрения реализации базовых элементов общественного договора через оценки будущих управленцев (студенческой молодёжи ГМУ). Именно они в ближайшем будущем, вероятно, будут отвечать за функционирование различных уровней отечественной системы управления, определять характер, формы и содержание взаимодействия органов власти и населения, оценивать разнообразные подходы к реализации ОД на местах, вырабатывать унифицированную стратегию его реализации.

Для проведения исследования была осуществлена вторичная концептуализация данных, поскольку проблематика исследования студенческой молодёжи ГМУ изначально не была ориентирована на изучение сложившихся условий формирования и осуществления ОД. Для проведения анализа были отобраны определённые референты (показатели), близкие по смыслу к ключевым критериям ОД, заложенным в концепции Ж. Т. Тощенко (учёт мнений населения в рамках разработки и принятия решений органами власти; политико-управленческий контроль на основе организации обратной связи между органами власти и населением; возможности осуществления гражданских прав, социальной справедливости в стране). Кроме того, в анализ включены оценочные показатели деятельности органов власти и управления, использованные в исследовании «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (грант РНФ № 15-18-30077, 2014–2017 гг.). Предикторы, отражающие связь оценок студентами направления ГМУ практик регионального и муниципального управления с качеством реализации общественного договора, представлены в таблице 1.

² Исследования по линии РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (грант РНФ № 15-18-30077, 2014–2017 гг.).

Таблица 1

Предикторы связи оценок студентами ГМУ практик регионального и муниципального управления с качеством реализации общественного договора

Группа показателей	Содержание вопроса анкеты
Базовые элементы, определяющие формирование и реализацию ОД	<i>Вопрос:</i> Как Вы оцениваете возможности, существующие у людей в нашей стране? («5» — если возможности отличные, «4» — хорошие, «3» — удовлетворительные, «2» — плохие, «1» — очень плохие; если Вы затрудняетесь дать оценку, поставьте «6». Заполняйте, пожалуйста, построчно) (<i>матрица свободных ответов</i>) <i>Значения вопроса:</i> 1. Осуществление гражданских прав, социальной справедливости. 2. Получение качественного образования, престижной профессии. 3. Получение работы по специальности. 4. Достижение материального благополучия, устроенного быта. 5. Создание здоровой семьи, рождение и воспитание детей. 6. Самосовершенствование, духовное развитие. 7. Физическое развитие, отдых, досуг. 8. Получение качественной медицинской помощи. 9. Создание здоровой природной среды обитания.
Показатели оценки деятельности органов власти и управления	<i>Вопрос:</i> Поставьте, пожалуйста, оценки местным органам власти за участие в решении проблем, волнующих население (В каждой строке поставьте «5», если оцениваете участие на отлично, «4» — хорошо, «3» — удовлетворительно, «2» — плохо, «1» — очень плохо. Если Вы затрудняетесь дать оценку, поставьте «6») (<i>матрица свободных ответов</i>) <i>Значения вопроса:</i> 1. За активность в решении общественных проблем в целом. 2. За осведомлённость о мнении населения о проблемах. 3. За учёт мнений населения в своей деятельности. <i>Вопрос (сложившиеся условия регионального управления, способствующие или деформирующие реализацию ОД):</i> Насколько Вы обеспокоены следующими недостатками системы управления вашим регионом? («1» — не вызывает беспокойство, «2» — скорее не вызывает беспокойства, «3» — в чем-то беспокоит, в чем-то нет, «4» — скорее беспокоит, «5» — очень беспокоит) (дайте, пожалуйста, ответ по каждой строке) <i>Значения вопроса:</i> 1. Наличие лишних управленческих звеньев (уровней, органов, служб и т.д.). 2. Избыток процедур согласования в ущерб конкретной работе. 3. Игнорирование мнений исполнителей при принятии решений. 4. Неспособность руководства своевременно учитывать новые обстоятельства, уклонение от принятия новаторских решений. 5. Постоянная нехватка материальных ресурсов для достижения высоких результатов. 6. Слабый контроль над реализацией принимаемых решений. 7. Преобладание интересов отдельных групп над общими.

Окончание таблицы 1

Группа показателей	Содержание вопроса анкеты
	8. Использование руководством ресурсов организации в личных целях. 9. Низкая профессиональная подготовка руководителей. 10. Отсутствие нужной квалификации. 11. Формальный характер должностных инструкций. 12. Административно-командный, силовой стиль управления. 13. Ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти. 14. Имитация деятельности вместо реального решения проблем.

Характеристика эмпирического исследования. Эмпирической базой для подготовки статьи стали результаты федерального исследования «Студенчество в управлении региональным развитием», проведённое с 15.05.2024 по 30.08.2024 г. среди учащихся факультетов «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» региональных ВУЗов (студенты 2–4 курса, магистратура, аспирантура). Главными организаторами исследования выступили Центр социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН и исследовательский комитет Российского общества социологов (РОС) «Социология управления и организаций».

Информационное письмо о проведении исследования распространялось через официальную рассылку РОС по высшим образовательным учреждениям. Всего было отправлено 79 официальных обращений в 62 региона РФ. 29 вузов из 24 регионов заинтересовались, но не активизировались в рамках сбора данных. Обратная связь отсутствовала со стороны 31 вуза из 24 регионов. Активное участие в опросе приняли 19 вузов из 14 регионов: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, а также следующие области: Белгородская, Брянская, Воронежская, Иркутская, Курская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Орловская, Пермский Край, Челябинская.

Методом электронного анкетирования с использованием сервиса «Анкетолог.Ру» по стандартизированному бланку опроса было опрошено 704 респондента. С учётом ответивших по 14 регионам было произведено нивелирование смещения пропорций по регионам. В итоге для анализа отобрано 502 анкеты.

Анализ социально-демографического состава опрошенной аудитории зафиксировал следующие характеристики:

- гендер: мужчины — 31%, женщины — 69%;
- возраст: группа «18–25 лет» — 94%, «26 лет и старше» — 6%;
- степень высшего образования: бакалавриат/специалитет — 86%, магистратура/аспирантура — 14%;
- занятость: работающие студенты — 44%, неработающие студенты — 56%;
- материальное положение: обеспеченная аудитория с доходом выше среднего — 19,1%, со средним доходом — 36,3%, нуждающиеся с доходом ниже среднего — 39,2%;
- место проживания: мегаполис — 27%, большой город — 28%, средний и малый город — 31%, село/деревня — 14%.

Общественный договор глазами будущих управленцев: оценки, зависимости и системные напряжения. Проведённый анализ оценок студенческой молодёжи — будущих специалистов ГМУ — сложившихся практик реализации ОД в сфере регионального и муниципального управления включал три последовательные аналитические процедуры: 1) *анализ общей оценки* уровня реализации базовых элементов ОД, практик регионального и муниципального управления, а также недостатков региональной системы управления, влияющих на формирование и осуществление ОД; 2) *выявление связей* между оценками практик регионального и муниципального управления, качества реализации элементов ОД и социально-демографическими характеристиками респондентов. Для анализа использовались таблицы сопряжённости с применением критерия Хи-квадрат Пирсона³; 3) *анализ корреляций* между оценками реализации базовых элементов ОД в нашей стране и восприятием недостатков региональных систем управления. Для этого рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона.

Для определения группы студенческой молодёжи, проходящей обучение на направлении «Государственное и муниципальное управление», в качестве основы используется определение студенческой молодёжи В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок: «Социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» [9, с. 387]. Добавим, что студенческая молодёжь ГМУ обучается в высших учебных заведениях, готовясь стать специалистами высокой квалификации по специальности «Государственное и муниципальное управление».

В рамках *первой аналитической процедуры* (см. табл. 2) установлено, что опрошенная студенческая аудитория по профилю ГМУ в целом положительно оценивает реализацию базовых элементов ОД в нашей стране. Так, по 8 из 9 элементов ОД более половины ответивших (в диапазоне 51–82%) указали, что сегодня созданы необходимые условия для их реализации. В частности, высокие оценки получили такие базовые возможности, как физическое развитие (82%), самосовершенствование и духовное развитие (76%), получение качественного образования и престижной профессии (71%), получение качественной медицинской помощи (56%) и др.

Положительно оценивается и осуществление гражданских прав (60%), что, по сути, является одним из ключевых оснований справедливого ОД, а также его поддержки со стороны всех заинтересованных сторон, субъектов реализации. Косвенно эти выводы подтверждаются и высокими оценками сложившихся практик регионального и муниципального управления. По трём оценочным позициям, а именно за активность органов власти в решении общественных проблем, за учёт мнения населения в своей деятельности, а также за коммуникации и общение с населением, большая часть респондентов поставила положительные оценки («хорошо» в диапазоне 60%–69%).

Однако при анализе оценок по сложившимся недостаткам региональных систем управления — как дисфункций управленческих практик и факторов, деформирующих условия реализации элементов ОД, — можно отметить обеспокоенность у 1/3 (и более) респондентов в отношении 11 из 14 предложенных к оценке недостатков. Среди них наиболее сензитивными являются: избыток процедур согласования в ущерб конкретной работе (34%), формальный характер

³ Воронина Н. С. Практикум по анализу данных в социологии в программе SPSS. Учебное пособие. М.: ИД «Городец», 2024. С. 171.

Таблица 2

**Оценка студентами ГМУ реализации базовых элементов общественного договора,
практик и системных недостатков управления, 2024 г., N=502, %**

Оценка реализации базовых элементов общественного договора			
Показатель	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
Осуществление гражданских прав, социальной справедливости	14	26	60
Получение качественного образования, престижной профессии	8	21	71
Получение работы по специальности	17	32	51
Достижение материального благополучия, устроенного быта	16	35	49
Создание здоровой семьи, рождение и воспитание детей	10	21	69
Самосовершенствование, духовное развитие	7	17	76
Физическое развитие, отдых, досуг	4	14	82
Получение качественной медицинской помощи	16	28	56
Создание здоровой природной среды обитания	12	26	62
Оценка практик регионального и муниципального управления			
Показатель	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
За активность в решении общественных проблем в целом	9	22	69
За учёт мнения населения в своей деятельности	13	27	60
За коммуникации и общение с населением	9	22	69
Оценка недостатков региональных систем управления			
Показатель	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
Наличие лишних управленческих звеньев (уровней, органов, служб и т.д.)	49	27	23
Избыток процедур согласования в ущерб конкретной работе	34	29	37
Игнорирование мнений исполнителей при принятии решений	30	30	40
Неспособность руководства своевременно учитывать новые обстоятельства, уклонение от принятия новаторских решений	30	29	41
Постоянная нехватка материальных ресурсов для достижения высоких результатов	25	23	52
Слабый контроль над реализацией принимаемых решений	30	26	44
Преобладание интересов отдельных групп над общими	30	23	47
Использование руководством ресурсов организации в личных целях	31	25	44

Окончание таблицы 2

Показатель	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
Низкая профессиональная подготовка руководителей	34	23	43
Отсутствие нужной квалификации	33	25	42
Формальный характер должностных инструкций	34	31	35
Административно-командный, силовой стиль управления	42	29	29
Ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти	28	25	47
Имитация деятельности вместо реального решения проблем	25	24	51

должностных инструкций из-за унифицированной структуры, порядка разработки и требований к исполнению (34%). Ещё два более серьёзных недостатка — чрезмерно раздутый аппарат управления (49%) и командно-административный стиль управления (42%) — указывают на связи и наследие, которые проявились на первых порах настройки постсоветской системы управления и являлись одними из главных причин, мешавших запуску перехода к демократическому стилю руководства и построению рыночных отношений в экономике, и в целом формированию новых принципов осуществления ОД.

Выявленные в рамках аудитории студентов ГМУ управленческие дисфункции — имитация деятельности, формализм, административно-командный стиль — перекликаются с результатами более широких социологических исследований. Так, по данным массового опроса населения [10], именно при авторитарном и клановом стиле управления в регионах фиксируется повышенная обеспокоенность населением такими же недостатками, включая манипуляцию информацией, закрытость власти и игнорирование инициатив снизу.

В рамках *второй аналитической процедуры* удалось установить ряд значимых связей между анализируемыми переменными (см. табл. 3)⁴. Так, среди проверяемых социально-демографических переменных⁵ именно материальное положение чаще всего связано с базовыми элементами ОД (связь значима с 7 из 9 элементов, в диапазоне асимптотической значимости 0,000* — 0,023*, критерий χ^2). Данные таблиц сопряжённости по переменным «Осуществление базовых элементов ОД» и «Материальное положение» указывают на положительные тенденции осуществления 6 элементов ОД. Так оценки «хорошо» зафиксированы во всех группах достатка («ниже среднего», «средний», «выше среднего») в диапазоне от 53% до 90%. Только в выделенной группе «ниже среднего» чуть более 1/3 (37%) считает, что в сложившихся условиях возможно достичь материального благополучия и устроенного быта.

⁴ Установлены связи (по критерию χ^2) между оценками анализируемых переменных и социально-демографическими характеристиками опрошенных студентов ГМУ (в диапазоне асимптотической значимости * $p < 0,05$).

⁵ На основе анализа данных опрошенной студенческой молодёжи — будущих специалистов ГМУ подготовлены социально-демографические переменные «занятость» (работающие, неработающие студенты), «материальное положение» (ниже среднего, среднее, выше среднего), «место проживания» (мегаполис, большой город, средний и малый город, село/деревня).

Что касается выявления значимых связей между переменной «Оценки сложившихся практик регионального и муниципального управления» с социально-демографическими переменными «Занятость», «Материальное положение», «Место проживания», то статистически значимая связь выявлена только с переменной «Место проживания» и двумя значениями первой переменной — за учёт мнений населения в своей деятельности (0,003*) и за коммуникации и общение с населением (0,049*). Данные таблиц сопряжённости по первой переменной и двум значениям второй переменной показывают *хорошие оценки за сложившиеся практики регионального и муниципального управления во всех рассматриваемых типах населённых пунктов*. Так, органам власти за учёт мнений населения в своей деятельности 49% опрошенных из группы «жители мегаполиса» ставят оценки «хорошо». Такие же оценки и у более 60% проживающих в крупных городах, средних и малых городах, посёлке и деревне. За коммуникации и общение с населением зафиксированы хорошие оценки от проживающих в мегаполисе студентов (57%), а также от студентов-жителей остальных типов населённых пунктов (более 70%).

Таблица 3

Критерий Хи-квадрат, установленные связи между оценками анализируемых переменных и социально-демографическими характеристиками опрошенных студентов ГМУ, 2024 г., N=502

Переменная «Осуществление базовых элементов ОД»			
Наименования элементов	Социально-демографическая переменная	Количество допустимых наблюдений	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Осуществление гражданских прав, социальной справедливости	-	-	-
Получение качественного образования, престижной профессии	Материальное положение	465	0,003*
Получение работы по специальности	-	-	-
Достижение материального благополучия, устроенного быта	Занятость	492	0,004*
	Материальное положение	467	0,000*
Создание здоровой семьи, рождение и воспитание детей	Материальное положение	468	0,020*
	Место проживания	467	0,014*
Самосовершенствование, духовное развитие	Место проживания	467	0,09*
Физическое развитие, отдых, досуг	Материальное положение	468	0,015*
Получение качественной медицинской помощи	Материальное положение	469	0,020*
Создание здоровой природной среды обитания	Материальное положение	467	0,023*

Переменная «Оценки сложившихся практик регионального и муниципального управления»			
Наименования практик	Социально-демографические переменные	Количество допустимых наблюдений	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
За активность в решении общественных проблем в целом	-	-	-
За учёт мнений населения в своей деятельности	Место проживания	463	0,003*
За коммуникации и общение с населением	Место проживания	460	0,049*
Переменная «Беспокоят недостатки региональной системы управления»			
Наименования недостатков	Социально-демографические переменные	Количество допустимых наблюдений	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Использование руководством ресурсов организации в личных целях	Место проживания	445	0,048*
Низкая профессиональная подготовка руководителей	Занятость	475	0,034*
	Материальное положение	453	0,021*
Формальный характер должностных инструкций	Место проживания	445	0,017*

Примечание: * Асимптотическая значимость $p < 0,05$ (двухсторонняя).

В рамках установления связи (по критерию χ^2) между переменной «Беспокоят недостатки региональной системы управления» и социально-демографическими характеристиками было выявлено только три статистически значимых недостатка. Первый — это формальный характер должностных инструкций (0,017*), проявляющийся чаще в большом городе (42%) и деревне (43%). Второй связан с низкой профессиональной подготовкой руководителей (0,034*), что прослеживается по группе достатка «выше среднего» (45%) и среди работающих студентов из опрошенной аудитории (40%). Третий касается использования руководством ресурсов организации в личных целях. Последний недостаток более характерен для большого города (42%) и деревни (43%).

В рамках *третьей аналитической процедуры* удалось выявить отрицательные корреляции⁶ между оценками базовых элементов ОД в нашей стране и недостатками региональных систем управления (см. табл. 4). Это значит, что при усугублении конкретных недостатков региональных систем управления менее осуществимой или деформированной становится реализация базовых элементов ОД, т.е. минимальными становятся базовые возможности населения.

⁶ Применение коэффициента корреляции Пирсона обоснованно нормальным распределением переменных, участвующих в анализе (проверено по тесту Колмогорова-Смирнова).

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Пирсона между оценками осуществления базовых элементов ОД в нашей стране и недостатками региональных систем управления, студенты ГМУ, 2024 г., N=502

Недостатки региональных систем управления	Осуществление базовых элементов ОД								
	Осуществление гражданских прав	Получение качественного образования	Получение работы по специальности	Достижение материального благополучия	Создание здоровой семьи	Самосовершенствование, духовное развитие	Физическое развитие, отдых, досуг	Получение качественной медицинской помощи	Создание здоровой природной среды обитания
Наличие лишних управленческих звеньев	-0,056	-0,084	-,094*	-0,063	-,093*	-0,085	-,111*	-0,074	-0,059
Избыток процедур согласования	-,148**	-,169**	-,127**	-,120**	-,159**	-,105*	-,189**	-,142**	-,131**
Игнорирование мнений исполнителей при принятии решений	-,128**	-,116*	-,134**	-,108*	-0,053	-0,081	-0,085	-0,089	-,120*
Неспособность руководства своевременно учитывать новые обстоятельства	-,184**	-,118*	-0,088	-,134**	-,124**	-,157**	-,132**	-,136**	-,168**
Постоянная нехватка материальных ресурсов	-,126**	-0,083	-,097*	-,182**	-,109*	-,092*	-0,078	-,114*	-,129**
Слабый контроль над реализацией принимаемых решений	-,105*	-0,035	-0,049	-,104*	-,149**	-,093*	-,121**	-,108*	-,098*
Преобладание интересов отдельных групп над общими	-,129**	-,117*	-0,079	-0,084	-0,082	-0,079	-0,048	-,107*	-0,087
Использование руководством ресурсов организации в личных целях	-,168**	-0,086	-0,046	-0,048	-0,061	-0,089	-,100*	-,101*	-,136**
Низкая профессиональная подготовка руководителей	-,111*	-0,088	-0,049	-0,057	-,107*	-0,076	-,173**	-,123**	-,156**
Отсутствие нужной квалификации	-,119*	-,124**	-0,034	-0,069	-0,078	-0,065	-,106*	-,104*	-,107*

Окончание таблицы 4

Недостатки региональных систем управления	Осуществление базовых элементов ОД								
	Осуществление гражданских прав	Получение качественного образования	Получение работы по специальности	Достижение материального благополучия	Создание здоровой семьи	Самосовершенствование, духовное развитие	Физическое развитие, отдых, досуг	Получение качественной медицинской помощи	Создание здоровой природной среды обитания
Формальный характер должностных инструкций	-,102*	-,142**	-0,058	-,150**	-,113*	-0,056	-0,091	-,111*	-0,090
Административно-командный, силовой стиль управления	-,130**	-0,070	-0,035	-0,079	-,185**	-,120*	-,158**	-,125**	-0,082
Ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти	-,162**	-,143**	-,128**	-,179**	-,123**	-0,080	-0,088	-,147**	-,139**
Имитация деятельности вместо реального решения проблем	-,168**	-,111*	-,098*	-,131**	-0,070	-,099*	-,108*	-,151**	-,135**

Примечание: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Среди 14 недостатков регионального управления 3 недостатка влияют на большее количество базовых элементов ОД. Чем более они будут усугубляться, тем менее будет возможностей осуществления конкретных элементов ОД. Так, на основе данных отрицательной корреляции на первое место по установленным связям (значимы на уровне ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$) с наибольшим количеством базовых возможностей (9 из 9) выходит недостаток, указывающий на избыток процедур согласования в ущерб конкретной работе. На втором месте — недостаток, связанный с неспособностью руководства своевременно учитывать новые обстоятельства. При таких условиях региональная система управления может негативно повлиять на реализацию 8 из 9 базовых элементов ОД. На третьей позиции по установленной значимости в рамках корреляции Пирсона стоит недостаток, влияющий на 7 из 9 базовых элементов ОД. Он указывает, что если руководство будет продолжать ориентироваться на сохранение своей власти, а не на достижение социальных эффектов в рамках формирования и реализации ОД, то осуществление конкретных элементов ОД будет стремиться к нулю. Отдельно отметим, что каждый из проанализированных недостатков сложившихся региональных систем управления *в разной мере и в разном количественном соотношении* влияет на реализацию конкретных элементов ОД.

Следует также сказать, что самым значимым по связи элемент ОД (на уровне ** $p < 0,01$), который зависит сразу от 13 из 14 рассмотренных недостатков,

является осуществление гражданских прав и социальной справедливости. Данный элемент ОД можно обозначить как основополагающий, системообразующий, т.к. без его поддержания и реализации невозможно будет совместно сконфигурировать и осуществить остальные элементы справедливого и разделяемого всеми участниками общественного договора.

Заключение. Проведённый анализ оценок студенческой молодёжи — будущих специалистов в области государственного и муниципального управления — позволяет сделать вывод о том, что, по их мнению, условия регионального управления в целом способствуют реализации базовых элементов общественного договора. Это подтверждается общими положительными оценками как осуществления базовых элементов ОД, так и таких практик органов власти как активность в решении общественных проблем, учёт мнений населения в своей деятельности и коммуникации с населением. Таким образом, можно констатировать, что отдельные базовые критерии формирования и реализации общественного договора, заложенные в концепции Ж. Т. Тощенко, сегодня в определённой степени воспроизводятся в сложившихся социокультурных условиях региона, в частности, в практиках регионального управления. В то же время сохраняются и недостатки таких практик. С одной стороны, они проявляются как дисфункции региональных систем управления, с другой — как факторы, деформирующие условия реализации элементов ОД. Об этом свидетельствует тот факт, что примерно у трети опрошенных студентов-управленцев вызывают беспокойство 11 из 14 проанализированных недостатков.

Многоступенчатый анализ оценочных позиций будущих специалистов ГМУ в отношении уже сложившихся практик регионального и муниципального управления показал, что для понимания условий реализации ОД необходимо выявлять латентные связи между оценочными позициями его участников, формирующиеся в ходе взаимодействия органов власти с различными социальными группами.

Особое значение такой подход приобретает при диагностике недостатков региональных систем управления, негативно влияющих на реализацию базовых элементов ОД. В ходе проведённого анализа на уровне общих оценок опрошенной аудитории выявлены ключевые управленческие дисфункции: наличие лишних управленческих звеньев (49%) и административно-командный стиль управления (42%). При дифференциации по социально-демографическим характеристикам проявились дополнительные проблемные зоны: использование руководством ресурсов организации в личных целях, низкая профессиональная подготовка руководителей и формальный характер должностных инструкций. В результате корреляционного анализа зафиксированы значимые отрицательные связи: усугубление этих недостатков сопряжено с ослаблением реализации и возможной деформацией базовых элементов ОД.

В этом контексте подтверждаются выводы профессора А. В. Тихонова, сделанные по итогам общероссийского исследования общественного договора, о том, что качественное формирование и реализация общественного договора требуют фундаментального научного сопровождения, включая социолого-управленческое измерение. В частности, такая поддержка должна быть направлена на настройку условий и инструментальных средств реализации ОД — именно в этих аспектах, как показал наш анализ, проявляются как позитивные тенденции, так и системные дисфункции, требующие целенаправленной коррекции.

Библиографический список

1. Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024). EDN [LXHHUK](#).
2. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 3. С. 604–636. DOI [10.15826/vestnik.2022.21.3.021](https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.3.021). EDN [USNCTD](#).
3. Субботин А. Л. Договор общественный // Новая философская энциклопедия : в 4 томах. Том 1. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. С. 681. EDN [QWVQIL](#).
4. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов, Е. М. Акимкин, В. С. Богданов [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. EDN [YNBRPS](#).
5. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Гречаная [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. EDN [YNARHI](#).
6. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688). EDN [KFHOU1](#).
7. Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14, № 3. С. 3–18. EDN [SAMHPE](#).
8. Лапин Н. И. Антропосоциальный подход к управлению // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь. М. : Красанд, 2015. С. 18–19. EDN [UJTTVV](#).
9. Социология молодежи: энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. 606 с. EDN [SBXXMR](#).
10. Шилова В. А. Управленческий стиль как индикатор характера взаимодействия региональных органов власти и населения // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 116–132. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8). EDN [IPRGSW](#).

Поступила: 18.06.2025. Доработана: 23.08.2025. Принята: 26.08.2025.

Сведения об авторе:

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. valarf@mail.ru
Author ID РИНЦ: [276478](#); ORCID: [0000-0003-0176-1007](#)

V. S. Bogdanov¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

STUDENT YOUTH EVALUATION OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL CONTRACT PRACTICES IN THE SPHERE OF REGIONAL AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Abstract. The article examines the problem of the social contract implementation through the evaluations of future specialists in the field of state and municipal governance (SMU). The relevance of the study is determined by the need to analyze the conditions and tools that ensure the high-quality reproduction of the social contract in regional governance practices. The focus is on the evaluative positions of student youth as future governance actors, whose assessments reveal not only expectations from the state but also their potential to participate in transforming governance practices. The study uses data from a mass survey of SMU students from 14 regions of the Russian Federation, covering assessments of the implementation of the basic elements of the social contract, established practices, and systemic deficiencies in regional and municipal governance. The analysis is based on the conceptual foundations of the social contract outlined in the works of Zh. T. Toshchenko and the anthroposocietal approach by N. I. Lapin, in which the disparity in relations between authorities and citizens serves as an integral indicator of tension requiring constant readjustment of the governance system.

The results of the analysis of assessments by students — future SMU specialists — show that, overall, respondents positively evaluate the implementation of the basic elements of the social contract, particularly in the areas of education, healthcare, spiritual and physical development. Positive evaluations were also given to practices of interaction between authorities and the population — consideration of public opinion, communication, and activity in solving problems. However, serious dysfunctions were also identified: 11 out of 14 analyzed deficiencies cause concern, including an excess of coordination procedures, formalism, authoritarian management style, and imitation of activity. A multistage analysis (χ^2 , Pearson correlations) revealed latent associations between socio-demographic characteristics and the perception of governance practices, as well as negative correlations between dysfunctions and elements of the social contract. This confirms A. V. Tikhonov's thesis on the necessity of fundamental scientific, including sociological and managerial, support for the processes of formation and implementation of the social contract.

Keywords: sociology of management, social contract, assessment of governance practices, student youth, state and municipal administration, SMU, governance dysfunctions

For citation: Bogdanov V. S. Student youth evaluation of implementation of social contract practices in the sphere of regional and municipal administration. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):9–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.1>

References

1. Toshchenko J. T. The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024).
2. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Social Contract Phenomenon: Evolution of Concepts and Modern Interpretations. *Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(3):604–636. (In Russ.). DOI [10.15826/vestnik.2022.21.3.021](https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.3.021).
3. Subbotin A. L. Public contract. In: New Philosophical Encyclopedia. Moscow: Mysl'; 2010. P. 681. Vol. 1. (In Russ.).
4. Tikhonov A. V., Akimkin E. M., Bogdanov V. S. [et al.] Russia: reforming the power-management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions. Moscow: FCTAS RAS; 2017. (In Russ.).
5. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S., Grechanaya A. A. [et al.] Reforming the power-management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous group formation processes. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.).
6. Zubok Yu. A. Youth: life strategies in a new reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):4–12. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
7. Auzan A. A. Social contract and civil society. *Universe of Russia*. 2005;14(3):3–18. (In Russ.).
8. Lapin N. I. Anthroposocietal approach to management. In: Sociology of management: Theoretical and applied explanatory dictionary. Moscow: Krasand; 2015. P. 18–19. (In Russ.).
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (eds) Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Academia; 2008. (In Russ.).
10. Shilova V. A. Managerial style as an indicator of the nature of interaction between regional authorities and the population. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):116–132. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8).

Received: 18.06.2025. Corrected: 23.08.2025. Accepted: 26.08.2025.

Author information:

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia. valarf@mail.ru
ORCID: [0000-0003-0176-1007](https://orcid.org/0000-0003-0176-1007)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.2)
EDN [CRMDWE](#)
УДК 316.7

С. Д. Лебедев¹

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет. Белгород, Россия

РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В статье концептуально и эмпирически обосновывается изучение феномена мировоззренческой стратегии. Мировоззренческая стратегия определяется как осознанное, предполагающее длительную перспективу следование человека определённым комплексом базовых ценностных ориентаций и жизненных смыслов, переживаемых им как истина и благо. На примере комплекса религиозно-мировоззренческих стратегий российской молодёжи анализируется их количественная репрезентация и качественное содержание. Автором предлагается типология таких стратегий, включающая 6 таксонов: религиозные, атеистические, агностические, «духовные», эклектические и парадоксальные. Указанные идеальные типы религиозно-мировоззренческих стратегий содержательно верифицируются с помощью показателей, репрезентирующих три основные измерения мировоззрения: эмоционально-оценочное (ценности), когнитивное (представления) и деятельностное (практики). Показывается, что поле религиозно-мировоззренческих ориентаций российской молодёжи сегодня определяется стратегиями религиозного и эклектического характера, при некотором влиянии агностических, атеистических и парадоксальных ориентаций. Формулируются основные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: религиозно-мировоззренческие стратегии, жизненные стратегии молодёжи, молодёжь российских регионов, отношение к религии, смысложизненные установки

Для цитирования: Лебедев С. Д. Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 26–40. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.2). EDN [CRMDWE](#).

Введение. Изучение жизненных стратегий молодёжи представляет актуальное и перспективное направление социологических исследований, получившее развитие в последнее десятилетие. В целом период молодости (от 14 до 30–35 лет) можно считать временем кристаллизации фундаментальных ориентиров поколения, которые в значительной мере определяют жизнь общества на стратегическую перспективу в несколько десятилетий. Социологами изучаются социальные, экономические, политические, демографические, образовательные, самосохранительные стратегии молодых людей [1; 2; 3].

В этом ряду значимое и в известном смысле особое место занимают мировоззренческие стратегии. Мировоззрение — очень весомое измерение субъектности, определяющее направленность и качество ключевых жизненных решений. Молодёжный возраст — время интенсивной саморефлексии, первой значительной переоценки ценностей и «обкатки» мировоззренческих ориентаций. Если с базовым комплексом ценностей основная масса людей, как правило, определяется к 18–20 годам [4, с. 48], то конкретные позиции миропонимания и определения своего места в реальности через выстраивание сложно-составной структуры идентичностей формируются ещё довольно длительное

время, проходя испытание новыми ролями, функциями (семья, профессия) и жизненными кризисами.

Множественность, полифоничность типов мировоззрений, сложность и многофакторность путей их формирования, противоборство тенденций системной самоорганизации и эклектической фрагментации делает изучение мировоззренческого измерения общественного сознания одним из значимых проблемных направлений исследований. В многомерном смысловом пространстве мировоззренческих ориентаций особое место занимают ориентации, связанные с оценкой и осмыслением религиозных ценностей и установок, динамика которых определяется конкуренцией религиозных и секулярных мировоззренческих акторов [5, с. 66]. Применение к данному полю исследований концепта «стратегии» представляется эвристичным для ситуации современности с её доминантами рефлексивности, процессуальности, множественности и персонализированного выбора.

Методология и методы. Мировоззрение мы условимся понимать как «ценностно-смысловое ядро образа мира, несущее на себе отпечаток личностных особенностей человека; знания о мире образуют при этом сплав с убеждениями, не всегда отчётливыми представлениями и бессознательными схематизмами и стереотипами. Содержащаяся в М. система идеалов задаёт представления о том, каким мир должен быть или стать, и служит критерием оценки существующего положения вещей. М. человека выступает основой при выборе мотивов, формировании планов и постановке жизненных целей»¹. За основу дефиниции жизненной стратегии примем определение Ю. А. Зубок, согласно которому она являет собой «идеализированное отражение будущего жизненного пути вступающих в жизнь молодых граждан» [6, с. 147]. Рамку понимания мировоззренческой стратегии молодёжи образуют следующие три концепции.

1. Концептуальное положение Э. Гидденса о биографии современного человека как его рефлексивном проекте. «В основе самоидентичности в условиях современной жизни лежит автобиографическое повествование» [7, с. 58]. Последнее может рассматриваться как персональная стратегия жизненного пути. В соответствии с этим подходом ключевые направления и аспекты жизненных ориентаций личности тоже могут быть представлены как её проекты «конструирования» самой себя в соответствующих измерениях и подпространствах жизненного мира. Выстраивание человеком собственного мировоззрения в соответствии с выбранными им ключевыми ориентирами имеет характер такого проекта.

2. Положение «социологии жизни» Ж. Т. Тощенко, согласно которому основополагающим для человеческого жизненного проекта является поиск смысла жизни, который «направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия» [8, с. 199]. Смысл жизни означает осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки, и активное участие в его реализации [8, с. 202]. Поиск, осознание и утверждение этого смысла является мотивацией и основной задачей мировоззренческой стратегии личности. Здесь важно замечание Н. А. Селивёрстовой и Ю. А. Зубок о том, что регулирующий потенциал жизненных смыслов «имеет терминальные основания. Отдельные терминальные ценности (познание, любовь, семья и т.д.) могут совпадать со смыслами жизни» [9, с. 131].

¹ Леонтьев Д. А. Мировоззрение // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 437. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2217191> (дата обращения: 20.06.2025).

3. Положение Ч. Тейлора о множественном характере современных мировоззренческих позиций, где отправной точкой диверсификации мировоззрений выступают религия и её критика. Согласно концепции Тейлора, «модерное миропонимание не отрицает существования Бога и иных духов, но выносит подобные верования в такую область, где они становятся открытыми для сомнения, оспаривания, опосредующих объяснений и т.п.» [10, с. 40]. Наивный выбор какой-либо позиции «по умолчанию» становится практически невозможен [10, с. 16]. Такой выбор осуществляется человеком рефлексивно и в дальнейшем поддерживается определёнными усилиями, подкрепляющими и углубляющими соответствующие убеждения, что может рассматриваться как реализация мировоззренческой стратегии.

Исходя из приведённых выше определений и охарактеризованных теоретико-методологических подходов, *мировоззренческая стратегия* — это осознанное, предполагающее длительную перспективу следование человека определённому комплексу базовых ценностных ориентаций и жизненных смыслов, переживаемых им как истина и благо. В основу каждой такой стратегии положен единый принцип, направляющий ценностную и смысловую рефлексию личности и конфигурирующий соответствующие структуры сознания определённым, отличным от других, образом. Стратегии в течение жизни могут меняться, но в каждый её конкретный момент человек склоняется к конкретному варианту мировоззренческой ориентации. В религиозно-мировоззренческой стратегии референтом, в отношении которого происходит позиционирование субъекта, выступает религия («отношение к религии» понимается здесь как осмысленная позиция личности/группы в соотношении ею себя с комплексом социально значимых проявлений религиозного характера [11, с. 70]).

В первом приближении мы имеем достаточные основания предложить следующую типологию основных современных религиозно-мировоззренческих стратегий. Каждый из представленных типов являет собой укрупнённый таксон, включающий несколько сходных разновидностей (например, в случае стратегий религиозного типа — это набор конфессиональных версий мировоззрения). К ним могут быть отнесены:

Религиозные — ориентированные на сверхценность (сакральный характер) сверхъестественного начала, понимаемого в рамках конкретной вероисповедной традиции. Религиозная мировоззренческая стратегия предполагает следование соответствующей религии и конфессии как комплексному ориентиру для выстраивания собственного образа мысли и образа жизни. В опроснике ей соответствует позиция (вариант ответа) «Я активно слеую определённой религии и принимаю её учения и обряды».

Атеистические — ориентированные на убеждение в отсутствии сверхъестественного начала в какой бы то ни было его версии. В данном случае предполагается «расширенная» версия атеизма, как правило, тесно сопряжённая с материалистическими и рационалистическими ориентациями [12, с. 14]. В опроснике ей соответствует позиция «Я отвергаю религиозные учения и взгляды».

Агностические — ориентированные на принципиальную непознаваемость существования либо не существования сверхъестественного, с допущением как той, так и другой возможности. Соответствующие стратегии мировоззрения тесно связаны с рационализмом и сциентизмом. В опроснике им соответствует позиция «Я не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать».

«Духовные» — ориентированные на ценность веры в сверхъестественное начало при отрицании истинности любых конфессиональных версий его представления (ложность «готовых форм»). Е. Д. Руткевич относит сюда «неформальные и неортодоксальные практики и организации, личный опыт, индивидуальное творчество, “рынок религиозных/духовных товаров”, религиозные дискурсы», для чего науке «потребовалась отличная от “религии” концептуализация» [13, с. 41]. В опроснике данной группе стратегий соответствует позиция «Я ищу личный смысл жизни и связь с высшими силами, не привязываясь к конкретной религии».

Эклектические — ориентированные на ценность веры в сверхъестественное начало при частичном и избирательном признании конфессиональных форм его представления (конструирование «собственной традиции»). Как диагностирует Д. Эрвьё-Леже, «сегодня индивиды “пишут” свои религиозные нарративы, используя понятия и символы, которые “выпали” из неких устойчивых систем смыслов, связанных с той или иной многовековой религиозной традицией» [14, с. 255]. В опроснике этим стратегиям соответствует позиция «Я творчески комбинирую элементы различных философских и религиозных традиций в своём мировоззрении».

Парадоксальные — ориентированные на ценность религии/конфессии как таковой или её отдельных проявлений (культурных, гражданских, политических) при отсутствии ориентации на ценность сверхъестественного начала [15, с. 356–361]. Здесь религиозный *sacrum* выступает «ценностью инструментальной, как “стабилизатор” — средство для достижения цели» [16, с. 354]. Данный тип стратегий формируется в светской системе мировоззренческих координат и являет собой результат парадоксального перевода религиозных ценностей на секулярный язык модерна (который, по формулировке П. Донати, «не имеет, не представляет и не может предложить адекватного символического комплекса для трактовки реальности Бога и представления о Нём» [17, с. 174]. В опроснике ему соответствует позиция «Я ценю некоторые аспекты религиозной традиции, хотя не верю в Бога и сверхъестественные силы».

Соответствующие формулировки берутся при анализе данных в качестве вариаций независимой переменной, представленной в анкете в форме закрытого вопроса «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?».

Главным методом сбора и анализа эмпирической информации выступило массовое анкетирование молодёжи 13 российских регионов, входящих в 4 федеральных округа, с последующей статистической обработкой данных в программе SPSS. Опрос был проведён лабораторией «Социология религии, культуры и коммуникаций» НИУ «БелГУ» посредством электронной Яндекс-формы в апреле — мае 2025 г. среди молодых людей 14–34 лет по квотной выборке ($n=601$), нормированной по признакам пола (М/Ж) и возраста (14–18, 19–24, 25–29 и 30–34 полных лет). Основную часть выборочной совокупности составила молодёжь Белгородской области, Свердловской области, Республики Татарстан и Тюменской области.

Структура и консолидированность религиозно-мировоззренческих стратегий в молодёжной среде. Статистическое распределение ответов на вопрос «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» показало, что в сознании современной российской молодёжи предположительно присутствуют все шесть основных мировоззренческих стратегий (см. табл. 1). Наиболее часто

встречаются стратегии «религиозные»: соответствующую формулировку ответа выбрали почти 1/3 респондентов. На втором месте «эклектические» стратегии: «творчески комбинировать» элементы различных традиций склонны 19,0% опрошенных молодых людей. Третье место — по 14,8% — поделили приверженцы «агностических» и духовных» стратегий. Четвёртое место заняли атеисты (10,0%), и пятое, с незначительным отрывом от них, досталось «парадоксалистам» (9,3%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?», %

Ранг	Значения	Соответствующая стратегия	% от числа ответивших
1	Я активно слеую определённой религии и принимаю её учения и обряды	Религиозная	31,8
2	Я творчески комбинирую элементы различных философских и религиозных традиций в своём мировоззрении	Эклектическая	19,0
3	Я не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать	Агностическая	14,8
3	Я ищю личный смысл жизни и связь с высшими силами, не привязываясь к конкретной религии	«Духовная»	14,8
4	Я отвергаю религиозные учения и взгляды	Атеистическая	10,0
5	Я ценю некоторые аспекты религиозной традиции, хотя не верю в Бога и сверхъестественные силы	Парадоксальная	9,3
Итого ответивших:			100,0

Рассмотрим далее содержательное наполнение каждого типа стратегий. В качестве зависимых переменных были отобраны несколько показателей, репрезентирующих три основные измерения мировоззрения: эмоционально-оценочное (ценности), когнитивное (представления) и деятельностное (практики). С учётом религии, как ключевого референта, эмоционально-оценочное измерение представлено ценностным отношением к религиозной вере, когнитивное — восприятием идеи «жизни после смерти», деятельностное — характером вовлечённости в культовые практики (религиозные ритуалы и обряды). Критерием подтверждённости социального факта мировоззренческой стратегии представляется соответствие её содержания минимум двум показателям из трёх, логически соответствующих ей.

1. *Ценностная рефлексия религиозной веры.* Согласно нашей методологической концепции, она выступает ключевой характеристикой отношения субъекта к религии [18, с. 91–92; 19, с. 138–140; 20, с. 7]. Терминальный характер ценностной ориентации на веру в сверхъестественное начало с очень большой ве-

роятностью указывает на религиозный выбор личности; её инструментальный характер — на прагматическое, секулярное в своей основе осмысление религии как социально одобряемого и функционально «полезного» явления; отсутствие такой ценностной ориентации свидетельствует об арелигиозном, сугубо светском состоянии сознания. Эпизодический, или «вероятностный», характер, когда религиозная вера воспринимается как то, что «может пригодиться», может говорить о ценностно неустойчивом отношении к религии, когда потенциальный выбор может быть сделан как в сторону секулярных, так и в сторону религиозных ценностей и воззрений. К этим четырём основным позициям была добавлена версия «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий», соответствующая «духовной» мировоззренческой ориентации.

Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и ценностной рефлексии ими религиозной веры приведены в таблице 2.

Таблица 2

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Насколько значима для Вас в Вашей жизни религиозная вера?», %

Религиозная вера	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно следуя определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Цено некоторые аспекты (парадоксальная)
Одна из важнейших	79,1	9,6	11,2	5,6	11,7	3,6
Значима для...	6,8	22,8	23,6	10,1	6,7	16,1
Может оказаться значимой	9,4	39,5	32,6	40,4	15,0	39,3
Очень значима без привязки	3,1	19,3	18,0	12,4	10,0	3,6
Совершенно не значима	1,0	8,8	14,6	30,3	55,0	37,5
Другое	0,5	0,0	0,0	1,1	1,7	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Среди предполагаемых представителей религиозного типа мировоззренческих стратегий о терминальном для себя характере религиозной веры («значима как одна из важнейших ценностей») заявили почти 4/5 — 79,1% опрошенных. Из числа оставшихся 9,4% выбрали «бифуркационный» вариант: «может оказаться значимой»; ещё 6,8% в отношении религиозной веры оказались «инструменталистами» («значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры»). В рамках статистической погрешности оказались варианты ответов «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий» (3,1%) и «совершенно не значима» (1,0%).

Противоположная религиозной — атеистическая — мировоззренческая ориентация обнаружила заметно большие расхождения на уровне ценностных ориентаций. 55,0% «отвергающих религиозные учения и взгляды» выбрали в отношении религиозной веры логически наиболее ожидаемый вариант «совершенно не значима». Однако, помимо этого, для 15,0% молодых «атеистов» религиозная вера «может оказаться значимой»; ещё для 11,7% она выступает «одной из важнейших» (!) ценностей; для 10,0% — «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий» и для ещё 6,7% «значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры». Если последний вариант вписывается в логику секуляристского подхода (атеист вполне может признавать полезными и одобрять конкретные функциональные проявления религиозной жизни, не разделяя соответствующего мировоззрения), то более 20% других «отвергающих религиозные учения и взгляды» делают это сугубо декларативно, фактически обнаруживая религиозные или «духовные» ориентации. Ещё 15% допускают возможную значимость для себя религиозной веры, что говорит об открытости их выбора в будущем.

Ценностные позиции «агностиков» распределились следующим образом. 40,4% молодых людей, выбравших вариант «не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать», полагают, что религиозная вера для них «может оказаться значимой», а для 30,3% она «совершенно не значима». Ещё 12,4% предполагаемых сторонников этой стратегии фактически обнаружили «духовную» ориентацию («очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий») и 10,1% — «инструментальную» ориентацию на религиозную веру; интересно, что для 5,6% эта ценность выступила «одной из важнейших».

Молодые люди, предположительно выбравшие «духовные» стратегии, также придерживаются существенно различных ценностных ориентаций в отношении религиозной веры. Для трети из них (32,6%) последняя «может оказаться значимой»; для почти четверти (23,6%) она носит характер инструментальной ценности. Только 18,0% из них выбрали вариант «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий», логически соответствующий собственно «духовной» установке. Ещё для 14,6% религиозная вера не имеет ценности («совершенно не значима»), и для сопоставимого количества (11,2%) — напротив, является «одной из важнейших».

Для подгруппы «эклектиков», творчески комбинирующих в своём мировоззрении нравящиеся им элементы религиозных и мировоззренческих традиций, в 39,5% случаев религиозная вера также «может оказаться значимой»; ещё 22,8% в отношении неё оказались «инструменталистами». 19,3% определили её для себя как «очень значимую, но без привязки к догмам каких-либо религий»; 9,6% — как «одну из важнейших» и 8,8% — как «совершенно не значимую».

Наконец, категория «парадоксалистов» в их подавляющем большинстве почти поровну поделилась на тех, для кого религиозная вера «может оказаться значимой» (39,3%) и тех, для кого она «совершенно не значима» (37,5%). Только 16% из них, вопреки ожиданиям, в отношении этой ценности оказались «инструменталистами», выбрав вариант «значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры». Остальные варианты набрали каждый статистически незначительное количество в 3,6%.

Приведённые цифры характеризуют саморефлексию религиозной мировоззренческой подгруппы как в целом осознанную и последовательную, ценностно фундированную в необходимой и достаточной степени, чтобы говорить о ре-

лигиозной мировоззренческой стратегии как факте её сознания. Атеистическая подгруппа представляется имеющей «твёрдое ядро» в лице своего абсолютного большинства, хотя, в сравнении с религиозной, менее последовательной и ценностно консолидированной. В основе агностических мировоззренческих стратегий прослеживаются две логически соответствующие им ценностные платформы: «вероятностная» («бифуркационная»), допускающая возможность религиозного обращения, и «арелигиозная», где любая мотивация к религии отсутствует; также присутствует инструментальная позиция, когда религиозная вера «значима для» других ценностей. Сходную ситуацию демонстрирует подгруппа «эклектиков», среди которых почти 30% ценностно ориентированы на религиозную веру и почти 40% допускают свой мировоззренческий поворот в эту сторону. Парадоксальные стратегии на уровне ценностной рефлексии продемонстрировали большое сходство с агностическими, её основание составили «вероятностная» и «арелигиозная» платформы при некотором влиянии «инструментальной». Наименее ценностно оторефлексированным и консолидированным оказался «духовный» тип мировоззренческих стратегий.

2. *Когнитивный критерий — «жизнь после смерти»*. Соответствующий индикатор оценочного отношения к «сверхчувственной и сверхразумной» (П. А. Сорокин) реальности, находящейся за пределами общепризнанного чувственно и рационально постигаемого мира, выбран как более «чувствительный» по сравнению с самооценкой «веры в Бога», «существование ада и рая» и некоторыми другими формулировками вопроса. Д. Е. Фурман и К. Каарияйнен справедливо отмечали, что «взятое вне конкретных систем религиозных верований, понятие Бога становится предельно неопределённым и соответственно, и ответ “да” на вопрос, верите ли Вы в Бога, становится относительно простым» (22, с. 45). Аналогичное можно утверждать в отношении таких меметических понятий, как рай, ад, бессмертие души, которые имеют не только многообразные «потусторонние», но и вполне позитивистские интерпретации. Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и отношения их к вопросу «жизни после смерти» приведены в таблице 3.

Из представителей религиозного типа мировоззренческих стратегий 67,5% выбрали ответ «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом». 14,7% из них «не знают, есть ли жизнь после смерти, и считают это вопросом без окончательного ответа». Ещё 7,3% «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки»; 5,2% «верят в продолжение духовного существования, но не связывают это со стереотипами конкретной религии» и 4,2% «не верят в жизнь после смерти и считают это мифом».

Представители атеистических стратегий в относительном большинстве (46,7%) выбрали логически соответствующий вариант: «Я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом». Но при этом значительные доли среди них выбрали агностический и религиозный ответы: «Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа» — 28,3% и «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом» — 18,3%.

Более последовательными в когнитивном плане оказались «агностики». Абсолютное большинство из них — 51,7% — выбрали логически соответствующий агностической установке вариант «я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа». Ещё 21,3% «не верят в жизнь после физической смерти и считают это мифом», 13,5% «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки».

Таблица 3

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Как Вы воспринимаете вопрос жизни после смерти?», %

«Жизнь после смерти»	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно слеую определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Ценю некоторые аспекты (парадоксальная)
Я верю и принимаю вероучение	67,5	14,0	9,0	6,7	18,3	3,6
Я рассматриваю и выбираю	7,3	21,9	22,5	13,5	1,7	17,9
Я верю, но не связываю	5,2	13,2	25,8	3,4	3,3	14,3
Я не знаю, есть ли жизнь после смерти	14,7	42,1	30,3	51,7	28,3	39,3
Я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом	4,2	7,9	11,2	21,3	46,7	25,0
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Соответствующая «духовным» стратегиям подгруппа на 30,3% представлена «не знающими, есть ли жизнь после смерти, и считающими это вопросом без окончательного ответа», лишь на 25,8% — «верящими в продолжение духовного существования, но не связывающими это со стереотипами конкретной религии», и на 22,5% теми, кто «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки». Ещё 11,2% из неё выбрали ответ «я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом» и 9,0% — «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом».

Подгруппа «эклектиков» в 42,1% случаев выбрала агностический вариант «Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа»; вдвое меньше (21,9%) продемонстрировали выбор собственно эклектической формулировки: «я рассматриваю различные взгляды на жизнь после смерти и выбираю те, которые мне близки». Ещё 14,0% из них «верят в жизнь после физической смерти и принимают конкретное вероучение об этом», и 13,2% «верят в продолжение духовного существования, но не связывают это со стереотипами конкретной религии».

Представители «парадоксальных» стратегий в 39,3% случаев предпочли агностический («Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа») и в 25,0% случаев — арелигиозный («я не верю в жизнь после физической смерти и считаю это мифом») варианты ответа. Остальные поделились в основном между вариантами «рассматриваю раз-

личные взгляды на жизнь после смерти и выбираю те, которые мне близки» — 17,9% и «верю в продолжение духовного существования, но не связываю это со стереотипами конкретной религии» — 14,3%.

В соответствии с когнитивным критерием, «религиозная» подгруппа опрошенных в целом подтвердила осознанность и последовательность своей мировоззренческой установки. Атеистическая подгруппа также подтвердила наличие «твёрдого ядра» своего мировоззрения, при относительно меньшей последовательности и консолидированности в сравнении с религиозной стратегией. Это же следует констатировать в отношении представителей агностических стратегий, а также «эклектиков» и «парадоксалистов», основная часть которых представляют две различные когнитивные платформы. Представления же «духовно» ориентированных молодых людей, как и в случае с ценностным критерием, видятся нам наиболее противоречивыми и неконсолидированными.

3. Деятельностный критерий — религиозные ритуалы. Вовлечённость в институционализированные культовые религиозные практики традиционно рассматривается в социологии религии как принципиально значимый показатель степени религиозности / религиозной активности / «воцерковлённости» личности [21, с. 54; 20, с. 14]. К другим типам мировоззренческих стратегий также могут быть подобраны логически соответствующие им варианты отношения к таким практикам. Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и отношения их к ритуально-обрядовым религиозным практикам приведены в таблице 4.

Таблица 4

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Как Вы относитесь к обрядам и ритуалам, связанным с религией?», %

Ритуалы	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно слеую определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Ценю некоторые аспекты (парадоксальная)
Важны, активно участвую	64,4	3,5	6,7	1,1	8,3	3,6
Выбираю близкие	10,5	33,3	27,0	11,2	13,3	19,6
Нахожу смысл в некоторых	5,8	12,3	18,0	2,2	1,7	12,5
Не знаю, но открыт(-а)	13,6	39,5	31,5	60,7	26,7	32,1
Считаю ненужными	3,1	9,6	12,4	23,6	50,0	30,4
Другое	2,6	1,8	4,5	1,1	0,0	1,8
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Молодые люди, склонные к религиозным мировоззренческим стратегиям, в абсолютном большинстве — 64,4% — выбрали логически соответствующий вариант «они (ритуалы) важны для меня, и я активно участвую в них». Ещё 13,6% из них «не знают, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыты к обсуждению» и 10,5% «выбирают те ритуалы, которые им близки и нравятся, независимо от их источника».

Представители атеистических стратегий на 50,0% ожидаемо «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах». Ещё 26,7% «не знают, имеют ли они действительное значение, но открыты к обсуждению», и 13,3% «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника».

Позиции «агностиков» в их абсолютном большинстве — 60,7% — описываются логически соответствующей формулировкой «не знаю, имеют ли они действительное значение, но открыт(-а) к обсуждению». Ещё 23,6% этой подгруппы «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах».

«Духовные» мировоззренческие стратегии на треть представлены теми, кто «не знают, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыты к обсуждению» (31,5%). 27,0% «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника», и 18,0% респондентов этой подгруппы «находят в некоторых ритуалах глубокий смысл, даже если они не связаны с определённой религией». Ещё 12,4% «считают их (ритуалы) ненужными» и не принимают участия в них. При всей разнородности этих ориентаций, все они, так или иначе, могут считаться соответствующими «духовной» мировоззренческой установке.

Подгруппа «эклектиков» склонна выбирать варианты ответов «не знаю, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыт(-а) к обсуждению» (39,5%) и «выбираю те ритуалы, которые мне близки и нравятся, независимо от их источника» (33,3%). Ещё 12,3% из них «находят в некоторых ритуалах глубокий смысл, даже если они не связаны с определённой религией», и 9,6% «считают их (ритуалы) ненужными» и не принимают в них участия.

Наконец, представители парадоксальных стратегий в отношении к институциональным религиозным культовым практикам также в основном поделились между теми, кто «не знает, имеют ли они действительное значение, но открыты к обсуждению» (32,1%) и теми, кто «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах» (30,4%). Ещё 19,6% этой подгруппы «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника».

Критерий отношения к институциональным религиозным практикам также в целом подтвердил осознанность и последовательность мировоззренческой установки «религиозной» подгруппы опрошенных и подгруппы «агностиков», а также наличие «твёрдого ядра» мировоззрения, при относительно меньшей последовательности и консолидированности, у подгруппы «атеистов». В отношении представителей агностических стратегий, а также «эклектиков» и «парадоксалистов» подтвердилась множественность ориентаций, тяготеющая к бинарности. «Духовная» подгруппа тоже обнаружила поливариантность отношения к ритуальной стороне религии с той оговоркой, что все эти варианты логически с ней совместимы.

Таким образом, можно говорить о том, что в первом приближении социальным фактом можно считать наличие в молодёжном сознании религиозных, эклектических, агностических, атеистических и парадоксальных мировоззренческих стратегий. В качественном отношении религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи делятся на две категории. Первую характеризуют

мировоззренческие установки с выраженной по всем показателям доминантой: таковы религиозные, атеистические и агностические стратегии. Из них наиболее осмысленными и консолидированными выступают стратегии религиозной группы; к ним близки показатели «агностиков»; атеистические установки несколько более размыты и противоречивы. Вторую категорию стратегий характеризуют множественные установки, смысловое основание которых составляют различные, сопоставимые по влиянию, платформы ценностей, представлений и практик. К ним относятся эклектические и парадоксальные стратегии. Эти стратегии предположительно менее устойчивы, и в перспективе их последователи могут перейти на более определённые и целостные позиции. «Духовные» мировоззренческие стратегии по двум критериям из трёх не обнаружили достаточной степени консолидированности и внутренней последовательности, кроме того, по всем содержательным параметрам характеристики установок этой подгруппы близки к эклектическим; их статус как самостоятельного социального факта пока не может считаться подтверждённым. В количественном плане относительно преобладают стратегии религиозные и эклектические (в сумме более 50%); заметные ниши занимают атеистические, агностические и парадоксальные стратегии.

Заключение. По итогам нашего исследования выяснилось, что в сознании молодых граждан России предположительно присутствуют все 6 типов религиозно-мировоззренческих стратегий; из них наиболее (и с большим отрывом от остальных) распространены стратегии собственно религиозного типа (31,8%), наименее — стратегии атеистического (10,0%) и парадоксального (9,3%) типа. Вторую ранговую позицию заняли эклектические стратегии (19,0%); третью позицию поделили агностические и «духовные» стратегии (по 14,8%).

В содержательном плане религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи поделились на те, которые характеризуются выраженной доминантой (религиозные, атеистические и агностические стратегии) и те, основание которых составляют сопоставимые по влиянию ценности, представления и практики (эклектические и парадоксальные стратегии). Из них наиболее осмысленными и консолидированными выступают стратегии религиозно ориентированной группы. «Духовные» стратегии не подтвердили статус самостоятельного социального факта, по всем показателям тяготея к эклектической установке.

В целом, поле религиозно-мировоззренческих ориентаций российской молодёжи сегодня определяется стратегиями религиозного и эклектического характера, при некотором влиянии агностических, атеистических и парадоксальных ориентаций. Потенциально количественные и качественные соотношения между ними обещают сложную и поливариантную динамику мировоззренческих переходов. Ближайшими задачами социологических исследований в данном поле представляются уточнённое и полное описание каждой из стратегий с применением количественных и качественных методов, проверка гипотезы их сравнительной устойчивости и составление социального портрета последователей каждой из них.

Библиографический список

1. Кисilenко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодёжь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94. DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6). EDN [ODCAGO](https://www.edn.ru/ODCAGO).
2. Шаповалова И. С. Общественные стратегии региональной молодёжи: ответ на вызовы сложного времени // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 4(153). С. 73–83. DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83). EDN [BSMHRE](https://www.edn.ru/BSMHRE).

3. Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1(97). С. 124–142. DOI [10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142](#). EDN [YYKEUN](#).
4. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. Ф. Наумова, А. Г. Здравомыслов. М. : УРСС, 1996. 224 с. EDN [OSRDLL](#).
5. Богатова О. А., Чуйкова О. Г. Динамика религиозности провинциального студенчества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 63–84. DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5](#). EDN [JYLSRK](#).
6. Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147–162. EDN [YLZCTN](#).
7. Гидденс Э. Последствия Современности. М.: Праксис, 2011. 352 с. ISBN 978-59015-7490-4.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответов на научные и общественные вызовы // Социологическая мозаика-2018 / А. В. Дмитриев, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко. М. : КноРус, 2018. С. 147–221. EDN [YLDIEH](#).
9. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 127–144. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10](#). EDN [ORQFED](#).
10. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с. ISBN 978-5-89647-307-7.
11. Шаповалова Л. В. Отношение к религии: социологические контексты анализа // Социология религии в обществе позднего модерна. 2022. Т. 11. С. 68–76. EDN [VIGMOC](#).
12. Кублицкая Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](#). EDN [XIPWEA](#).
13. Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблема становления // Вестник Института социологии. 2014. № 2(9). С. 36–65. EDN [SGIVRT](#).
14. Эрве-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33, № 1. С. 254–268. EDN [UIXFLH](#).
15. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити, 2008. 543 с. EDN [QONCJV](#).
16. Лем С. Философия случая. М. : АСТ, 2007. ISBN 978-5-9762-3132-0.
17. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М. : ПСТГУ, 2019. ISBN 978-5-7429-1200-2.
18. Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. 2010. № 12(320). С. 85–93. EDN [NCHJLH](#).
19. Лебедев С. Д. Ценностно-рефлексивный (системно-динамический) подход к обоснованию критерия современной религиозности // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества : сб. ст. / Под ред. С. Ю. Глазьева, С. В. Рязанцева, Е. А. Кублицкой. М. : Экон-Информ, 2018. С. 129–143. EDN [VSRYLS](#).
20. Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 160–180. EDN [KFNWNN](#).
21. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб : Летний сад, 2007. 399 с. EDN [QUFDAF](#).

Поступила: 24.06.2025. Доработана: 29.07.2025. Принята: 06.08.2025.

Сведения об авторе:

Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук, доцент, руководитель лаборатории «Социология религии, культуры и коммуникаций» кафедры социологии и организации работы с молодёжью Института общественных наук и массовых коммуникаций (ИОНиМК), Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия.

serg_ka2001-dar@mail.ru

Author ID РИНЦ: 250950; ORCID: 0000-0002-2545-4055

S. D. Lebedev¹¹ Belgorod State University. Belgorod, Russia

RELIGIOUS AND WORLDVIEW STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article conceptually and empirically substantiates the study of the phenomenon of worldview strategy. Worldview strategy is defined as a conscious, long-term adherence of a person to a certain set of basic value orientations and life meanings experienced by him as truth and good. Using the example of a set of religious and worldview strategies of Russian youth, their quantitative representation and qualitative content are analyzed. The author proposes a typology of such strategies, including 6 taxa: religious, atheistic, agnostic, "spiritual", eclectic and paradoxical. The specified ideal types of religious and worldview strategies are meaningfully verified using indicators representing three main dimensions of worldview: emotional-evaluative (values), cognitive (ideas) and activity (practices). It is shown that the field of religious and worldview orientations of Russian youth today is determined by strategies of a religious and eclectic nature, with some influence of agnostic, atheistic and paradoxical orientations. The main directions of further research are formulated.

Keywords: religious and worldview strategies, youth life strategies, youth of Russian regions, attitudes toward religion, life-meaning orientations

For citation: Lebedev S. D. Religious and worldview strategies of Russian youth. *Science. Culture. Society.* 2025;31(3):26–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.2>

References

1. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. Designing the course of life or how do youth see their future? *Sociological Studies.* 2023;(2):83–94. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6).
2. Shapovalova I. S. Social strategies of regional youth: response to the challenges of difficult times. *Social Policy and Sociology.* 2024;23(4):73–83. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83).
3. Shapovalova I. S. Self-realization strategies of regional youth: dispositions, life plans and stratification. *Central Russian Journal of Social Sciences.* 2025;20(1):124–142. (In Russ.). DOI [10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142).
4. Lapin N. I., Belyaeva L. A., Naumova N. F., Zdravomyslov A. G. Dynamics of the values of the population of reformed Russia. Moscow: URSS; 1996. (In Russ.).
5. Bogatova O. A., Chujkova O. G. The dynamics of religiosity among provincial students. *Research Result. Sociology and Management.* 2025;11(2):63–84. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5).
6. Zubok Yu. A. Risk in the social development of youth. *Social and humanitarian knowledge.* 2003;(1):147–162. (In Russ.).
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Moscow: Praksis; 2011. (In Russ.). ISBN 978-59015-7490-4.
8. Toshchenko Zh. T. Sociology of life: the search for answers to scientific and social challenges. In: Dmitriev A. V., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. Sociological mosaic-2018. Moscow: KnoRus; 2018. P. 147–221. (In Russ.).
9. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Religious identity in the semantic self-regulation of youth. *Research Result. Sociology and management.* 2023;9(2):127–144. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10).
10. Taylor Ch. A secular age. Moscow: BBI; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-89647-307-7.
11. Shapovalova L. V. Attitude to religion: sociological contexts of analysis. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna.* 2022;11:68–76. (In Russ.).
12. Kublitskaya E. A. Methodological and methodical analysis of the correlation of religious and confessional self-identification (on the example of the studied subjects of the Russian Federation). *Research Result. Sociology and Management.* 2024;10(1):11–27. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2).
13. Rutkevitch E. D. "Sociology of spirituality": problems of creation. *Bulletin of the Institute of Sociology.* 2014;(2):36–65. (In Russ.).

14. Hervieu-Léger D. In search of certainties: The paradoxes of religiosity in societies of high modernity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2015;33(1):254–268. (In Russ.).
15. Toshchenko Zh. T. Paradoxical man. 2nd ed. Moscow: Yuniti; 2008. (In Russ.).
16. Lem S. *Filozofia przypadku*. Moscow: AST; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-9762-3132-0.
17. Donati P. Relational theory of society: social life from a perspective of critical realism. Moscow: PSTGU; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-7429-1200-2.
18. Lebedev S. D. Paradox of religiousness in the world of Late Modernity. *Sociological Studies*. 2010;(12):85–93. (In Russ.).
19. Lebedev S. D. Value-reflexive (system-dynamic) approach to the justification of the criterion of modern religiosity. In: Glazyev S. Yu., Ryazantsev S. V., Kublitskaya E. A. (eds). *Secularization in the context of religious changes in modern society: col. of art*. Moscow: Ekon-Inform; 2018. P. 129–143. (In Russ.).
20. Kublitskaya E. A., Lebedev S. D. Religious situation in Belgorod region (monitoring research). *Social and humanitarian knowledge*. 2019;(6):160–180. (In Russ.).
21. Kaariainen K., Furman D. (eds). *New churches, old believers — old churches, new believers. Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow, St Petersburg: Letnij sad; 2007. (In Russ.).

Received: 24.06.2025. Corrected: 29.07.2025. Accepted: 06.08.2025.

Author information:

Sergey D. Lebedev, Candidate of Sociology, Associate professor, Head of the Laboratory “Sociology of Religion, Culture and Communications” of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth of the Institute of Social Sciences and Mass Communications (IONiMK), Belgorod State University. Belgorod, Russia.

serg_ka2001-dar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2545-4055

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.3)
EDN [CXILJM](https://edn.ru/CXILJM)
УДК 316.35

Г. Ф. Ромашкина¹, Д. Ю. Агафонова¹

¹ Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия

ВОЛОНТЕРСТВО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию волонтерской деятельности российской молодежи как особой формы занятости и её роли в формировании человеческого капитала. Исследование основано на микроданных выборочного обследования рабочей силы Росстата (2024) и охватывает репрезентативную подвыборку молодого населения (15–35 лет). В качестве аналитических методов использованы сравнение средних (критерии Фишера и Стьюдента) и пошаговая логистическая регрессия для оценки влияния предикторов на вероятность участия в четырёх основных формах волонтерства: сбор средств, благоустройство территорий, помощь животным и социальные работы. Основные результаты показывают, что доля молодых волонтеров составляет 4,3% от общей численности молодежи в стране. В структуре преобладают нерегулярные и неформальные формы участия. Активность молодых волонтеров повышается в старших молодежных группах. Анализ подтверждает гипотезу о смене функций волонтерства на разных этапах социализации российской молодежи. Выявлено, что сельская молодежь чаще вовлечена в благоустройство территорий и помощь животным, а городские молодые люди — в сбор средств. Женщины чаще участвуют в социальных формах волонтерства, а мужчины — в фандрайзинге. Гибкие виды занятости среди молодежи (удаленная, неформальная работа) повышают шансы участия в фандрайзинге, благоустройстве и помощи животным. Среднее и среднее профессиональное образование чаще ассоциируется с участием в социальных и территориальных проектах, а высшее — с фандрайзингом. Гипотеза о прямой связи молодежного волонтерства с накоплением человеческого капитала не подтверждается эмпирическими данными. Показаны ограничения и барьеры исследовательских и социальных практик молодежного волонтерства.

Ключевые слова: волонтерство, молодежь, человеческий капитал, занятость, социальная активность

Для цитирования: Ромашкина Г. Ф., Агафонова Д. Ю. Волонтерство российской молодежи в структуре занятости // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–55. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.3). EDN [CXILJM](https://edn.ru/CXILJM).

Введение. Волонтерская деятельность — это важное явление в социальной жизни и в экономике. Волонтерство восполняет нехватку ресурсов в социальном секторе, негосударственных организациях, муниципальном, региональном управлении, научных исследованиях и инновациях, а его эффекты не исчерпываются социальной сферой¹. Российское государство признало волонтерство приоритетной частью социальной и молодежной политики, приняв «Концепцию развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года». По оценкам Минэкономразвития, активное вовлечение волонтеров обеспечивает ощутимый экономический эффект, вклад добровольческого труда в ВВП России состав-

¹ Сергеева Д. Выгорание и героизм: как устроено волонтерство в России // РБК Тренды. 15.12.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61e922c59a79477514c2b9ca> (дата обращения: 03.06.2025).

ляет около 1,5%². По данным Росстата и Роспатриотцентра, в России число волонтеров активно растёт. В 2023 году их число превысило 13 млн человек³, при этом большинство активных волонтеров — люди в возрасте 35–44 лет⁴. Данный факт проявляет одно из противоречий между устоявшимся общественным мнением и данными статистики. Кроме того, наблюдается явное противоречие между официальными и неофициальными данными. Рост волонтерской активности подкреплён государственными программами поддержки, но последние три года он в основном обеспечен приростом фандрайзинга. Социальные формы активности остаются весьма устойчивыми в своём объёме и структуре. Представления о волонтерстве в массовом сознании не всегда соответствуют эмпирическим реалиям. Данная статья призвана восполнить недостаток эмпирически подкрепляемых знаний.

Мы сфокусируемся на молодёжном волонтерстве как специфическом социально-экономическом явлении. Молодые люди, как правило, ещё только выходят на рынок труда, они активно наращивают свой человеческий капитал и вовлекаются в волонтерскую активность со своими специфическими мотивами. Проблема нашего исследования заключается в выявлении взаимосвязей между этими процессами в российской действительности. Целью исследования является анализ волонтерской деятельности молодёжи как особой формы занятости и выявление влияния различных видов волонтерской деятельности на развитие человеческого капитала.

Обзор научных источников. В данной статье мы опираемся на определение волонтерства, предложенное Дж. Уилсоном, согласно которому волонтерство рассматривается как «любая деятельность, выполняемая добровольно во благо другого человека, группы или организации», при этом такая деятельность «не исключает извлечения выгоды самими волонтерами» [1, с. 215]. Теоретической основой для анализа выступает концепция человеческого капитала Г. Беккера, согласно которой навыки и опыт, приобретаемые индивидом, являются формой капитала, повышающей его продуктивность [2]. Волонтерская деятельность может рассматриваться как форма инвестиций в человеческий капитал. В исследовании [3] обнаружили, что волонтеры приобретают «мягкие» навыки, такие как социальные и гражданские компетенции, обучение или чувство инициативы и предпринимательства. Недавние исследования подтвердили, что волонтерство повышает и «жесткие» навыки (управление бизнесом, специфические навыки ИТ) [4; 5]. Литература о влиянии волонтерства на индивидуальные результаты на рынке труда сосредоточена на трех механизмах, с помощью которых волонтерство улучшает перспективы трудоустройства: приобретение навыков и опыта, связанных с работой; доступ к широким социальным сетям; информирование работодателей о наличии профессиональных компетенций [6; 7]. Мета-анализ западных исследований [8] показывает, что общий эффект волонтерства на трудоустройство

² Татьяна Илюшникова: вклад сектора НКО и волонтерства в экономику страны составляет порядка 1,5% ВВП // Министерство экономического развития РФ. 25.06. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_vklad_sektora_nko_i_volonterstva_v_ekonomiku_strany_sostavlyayet_poryadka_15_vvp.html (дата обращения: 03.06.2025).

³ Число добровольцев в России // Роспатриотцентр. URL: <https://rospatriotcentr.ru/dobro/social/> (дата обращения: 03.06.2025).

⁴ Воспринимаемые эффекты и потенциал развития добровольчества в Российской Федерации // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/aa7/zk7gicwd34aohsnyiky2ldbbk8kyueya.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).

относительно небольшой, поскольку лишь часть добровольцев непосредственно получает работу благодаря специализированным программам, а значимость опыта зависит от его соответствия потребностям рынка труда.

Исследования факторов вовлечённости в волонтерскую деятельность выявляют ряд устойчивых закономерностей. Образование демонстрирует стабильное положительное влияние на волонтерскую активность [9]. Внутренняя мотивация выступает значимым предиктором вовлечённости, способствуя добровольному участию вне зависимости от внешних условий [10]. Трудовая занятость, особенно на полной ставке, как правило, снижает частоту волонтерской активности [11].

Т. Г. Нежина и соавторы [12], изучая мотивы участия в волонтерском движении, выделили не только альтруистические, но и прагматические мотивы, такие как самореализация и приобретение профессионального опыта. Л. А. Беляева и коллеги [13] на основе опросов выпускников вузов выделили три мотивационные модели волонтерства: «промоционную» (карьерно ориентированную), «капитальную» (увеличение человеческого и социального капитала) и «ценностную» (альтруистическую). Авторы сделали вывод, что именно «капитальная» модель наиболее релевантна для молодого поколения. Н. В. Узумова и Н. И. Киселева [14] на примере студенческой молодежи показали, что молодые добровольцы рассматривают волонтерские акции как эффективный инструмент формирования профессиональных и коммуникационных компетенций. В исследовании М. В. Певной и соавторов установлено, что мотивация к волонтерству у молодежи изменяется с возрастом: у старшеклассников она основана на альтруизме и стремлении к приобретению уверенности в себе, у студентов колледжей — на поиске социальных связей и карьерных возможностей, а в вузах — на стремлении к профессиональной или общественно-политической самореализации [15]. В работе М. Н. Федоровой корпоративное волонтерство рассматривается как нерыночный инструмент развития человеческого потенциала. Для сотрудников компаний оно выступает способом самореализации, развития коммуникативных навыков и укрепления внутрикорпоративных связей [16].

В структуре занятости населения волонтерство занимает своё место не только как инструмент накопления навыков, но и как способ самореализации вне рамок оплачиваемой работы [17; 18]. Типология волонтерской деятельности во многом пересекается с существующими классификациями различных форм занятости (например, сезонная, периодическая, формальная, неформальная и другие виды волонтерства).

Учёт волонтерской активности важен при анализе рынка труда и человеческого капитала. Росстат и другие национальные статистические службы внедряют в обследования модули по измерению объёмов волонтерского труда. Такая методика разработана при поддержке Международной организации труда, что позволяет получать сопоставимые данные о масштабах и структуре волонтерской работы населения.

Данные и методика. Исследование опиралось на микроданные обследования рабочей силы (ОРС) Федеральной службы государственной статистики за 2024 год в разрезе всероссийской выборки населения от 15 лет и старше⁵.

⁵ Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

В данной статье для анализа использована подвыборка 263 654 (без взвешивания) респондентов молодого возраста (15–35 лет), репрезентативно отражающая структуру молодёжи России по основным социально-демографическим характеристикам. При анализе данных применялись методы сравнения средних по критерию F Фишера, t-критерия Стьюдента. Была проведена оценка влияния предикторов на вероятность участия в четырёх основных видах волонёрской активности: (1) сбор средств на благотворительность; (2) благоустройство территорий; (3) помощь животным; (4) социальные работы на основе пошаговой логистической регрессии (метод Вальда). Для обеспечения валидности результатов регрессионного анализа каждая модель была построена отдельно по видам деятельности. Точность моделей оценивалась с использованием стандартных метрик классификации и псевдо-R-квадрата (Nagelkerke R). Для модели, связанной со сбором средств на благотворительность, достигнута чувствительность 87,7% при специфичности 24,3%, что свидетельствует о высокой способности выявлять участников, но ограниченной точности в определении невовлечённых лиц. Значение псевдо-R = 8,1% соответствует среднему уровню объяснённой дисперсии для данного типа моделей: благоустройство территорий 75,2% (псевдо-R = 6,4%); помощь животным 75,2% (псевдо-R = 8,3%); социальные работы 55,9% корректных классификаций (псевдо-R = 3,2%). Согласно оценкам, метод Вальда эффективен для выявления значимых социально-демографических и экономических предикторов, но слабая объяснительная сила моделей (особенно для социальных работ) требует учёта дополнительных качественных факторов. Основное внимание уделялось содержательной интерпретации коэффициентов регрессии и проверке статистической значимости на уровне $p < 0,001$. Анализ данных осуществлялся в IBM SPSS Statistics 26, Python Data Analysis Library.

Структура и динамика молодёжного волонёрства. Волонёрское движение охватывает порядка 1,53 млн молодых людей, что составляет 4,3% от общей численности молодёжи в стране. При этом преобладают нерегулярные формы, 60% привлечены к волонёрству лишь несколько раз в год или время от времени. Большинство молодых добровольцев (73%) действуют неформально, то есть вне организационных структур. Если рассматривать общую численность, наиболее значим вклад молодёжи 15–19 лет и 30–35-летних (см. рис. 1). Однако, по доле волонёров от каждой из когорт, мы наблюдаем снижение активности с возрастом, см. линию на рис. 1.

В течение относительно короткого периода между 15 и 35 годами молодёжь проходит практически все ключевые этапы социализации, в рамках которых волонёрская деятельность выступает не только как форма социальной практики, но и как специфический вид занятости, зачастую играющий значимую роль в формировании профессиональных и гражданских компетенций. Резкое «сжатие» экономически неактивной группы начинается сразу после завершения обучения в школе. К 25 годам уровень занятости возрастает в 17 раз, это эмпирически подтверждает, что для российской молодёжи основной выход на рынок труда приходится на период завершения формального образования. Представители младших возрастных когорт (15–24 года) вовлечены в добровольческие практики преимущественно при отсутствии формальной занятости. Волонёрская деятельность младшей молодёжной когорты реализуется преимущественно в рамках институционализированных форм через государственные и муниципальные

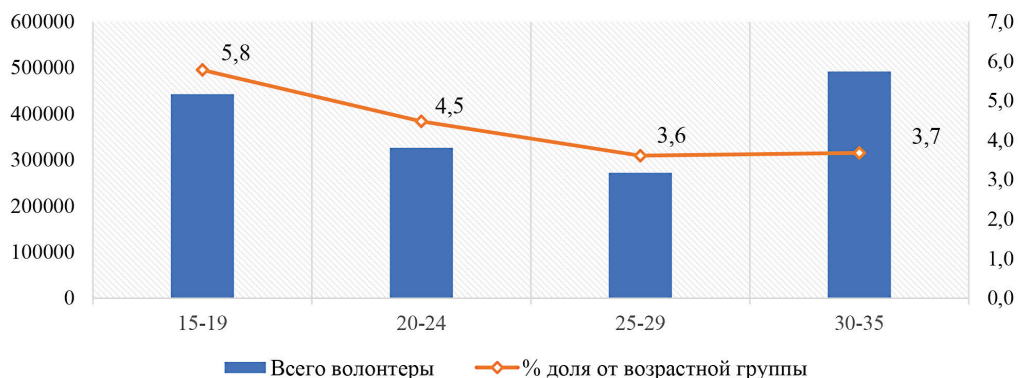

Рисунок 1. Распределение численности волонтеров и доля в составе групп населения 15–35 лет (левая шкала — количество человек, правая шкала — %), 2024 г.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

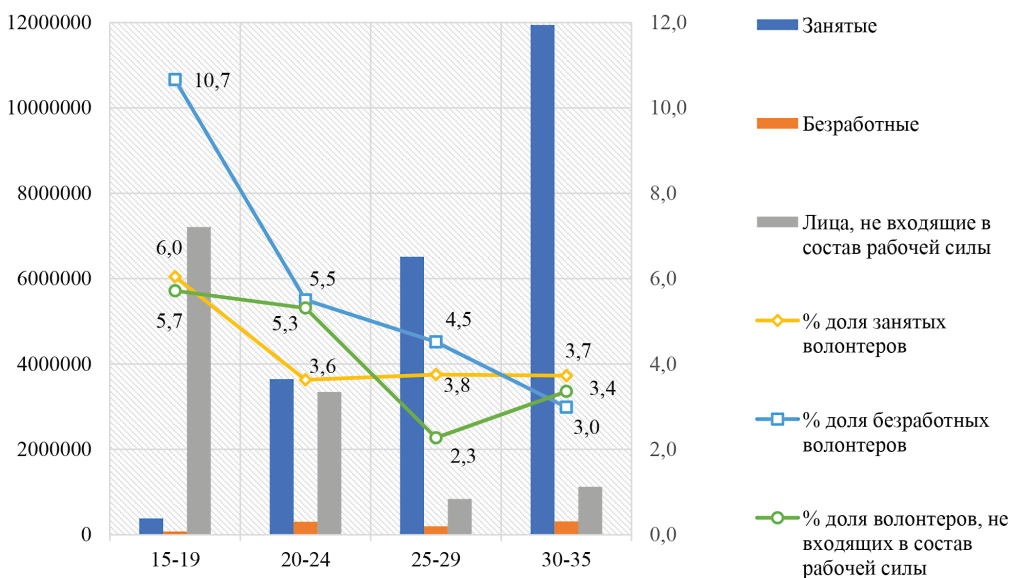

Рисунок 2. Структура населения по экономической активности (участие молодёжи в рабочей силе) и доля волонтеров (левая шкала — количество человек, правая шкала — %), 2024 г.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

организации, где добровольческая активность становится элементом образовательных траекторий. Данная модель существенно отличается от добровольческих практик старших возрастных групп, где преобладают самостоятельные инициативы. Среди тех, кто старше 20 лет, доля добровольцев среди занятых стабилизируется на уровне 3,6–3,8%, однако абсолютное число участников растёт экспоненциально (см. рис. 2). Среди экономически неактивных групп доля добровольцев с возрастом снижается.

Такие данные приводят нас к предположению, что при нивелировании общих тенденций занятости эффекты вовлеченности молодёжи в волонтерство слабо зависят от возраста. Однако дальнейшее исследование опровергает данную промежуточную гипотезу.

Если рассмотреть количество часов волонтерской активности, максимальная интенсивность (7,55 ч/мес) наблюдается в группе 20–24 лет, что совпадает с фазой профессионального самоопределения и частичной занятости. При этом сохраняется высокая вариативность временных затрат, отражающая разнообразие моделей участия, от систематического до ситуативного. В старших возрастных группах (25–35 лет) снижение средних показателей (6,45–6,56 ч/мес) при росте стандартного отклонения (до 9,294 ч/мес) свидетельствует о различии волонтерских траекторий, одна часть населения сохраняет высокую вовлечённость, а другая ограничивается формальным участием. Такая динамика подтверждает гипотезу о трансформации функций волонтерства в процессе социализации: от инструмента первичной профессионализации к механизму поддержания социального капитала.

Результаты ($F=1445$; $p < 0,001$) подтверждают статистическую значимость различий во временных затратах на волонтерство в зависимости от экономической активности, однако практическая значимость ($\eta^2=0,013$) остаётся крайне низкой — экономический статус объясняет лишь 1,3% дисперсии волонтерской активности. Несмотря на максимальное среднее значение у безработных (8,92 ч.), медианный показатель (6 ч.) и экстремальное стандартное отклонение (9,7) опровергают тезис о систематическом характере их участия. Реальная картина предполагает существование узкой группы «профессиональных волонтеров» (15–20% выборки) и большинства, чьё участие остаётся эпизодическим. Группа лиц вне рабочей силы (преимущественно учащиеся) демонстрирует относительно высокое среднее — 6,85 ч. — при медиане 5 ч. Занятые: 65% участников с минимальной активностью (≤ 4 ч.) и 10% «корпоративных волонтеров» (более 15 ч.).

Анализ волонтерской активности среди различных категорий занятости позволил выявить структурные особенности вовлечённости молодёжи в волонтерскую деятельность. По классификации Росстата, отдельную категорию составляют работники волонтерских организаций, на долю которых приходится 13,6% всего молодёжного волонтерства (см. табл. 1). Из них 89% сосредоточены в когорте 15–24 лет. Среди занятой молодёжи наёмные работники формируют основной ресурс волонтерства, обеспечивая 55% всех волонтеров. Однако их интенсивность участия (доля волонтеров внутри категории) остаётся сравнительно низкой — около 3,7%. Этот количественный перевес объясняется структурным доминированием наёмных работников на рынке труда. Интенсивность волонтерства наёмных работников остаётся относительно стабильной вне зависимости от возраста.

Самозанятые демонстрируют более высокую интенсивность волонтерства (14,2%) и формируют почти треть от общего числа волонтеров (28,9%) в России. Такой дисбаланс между интенсивностью и удельным весом в общей массе волонтеров может быть интерпретирован как проявление специфики самозанятости, предполагающей большую гибкость в распределении времени и возможностей для участия в добровольческих инициативах. Наиболее интенсивно участвуют самозанятые и неоплачиваемые стажёры. Экстремальная интенсивность работодателей (45,5% в 15–19 лет) при ничтожной численности группы (0,2% занятых) демонстрирует эффект статистического артефакта, однако даже с учётом малой базы данные указывают на конвертацию бизнес-навыков в социальные проекты для укрепления репутации.

Таблица 1

Структура волонтерской активности молодежи

Категория занятости	Всего занятых, чел.	Всего волонтеров, чел.	Интенсивность волонтерства (% доля волонтеров в категории)	Доля категории в общей массе волонтеров, %
Работодатели	225582	13010	5,8	1,0
Самозанятые	2789135	395291	14,2	28,9
Зависимые подрядчики	138648	4449	3,2	0,3
Наёмные работники	20648613	756219	3,7	55,4
Помогающие члены семьи	81661	7497	9,2	0,5
Неоплачиваемые стажёры	35309	3922	11,1	0,3
Работники волонтерских организаций	185403	185403	100	13,6

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Волонтерство и человеческий капитал. Для выявления специфики вовлечённости в волонтерские практики были построены четыре модели логистической регрессии. В таблице 2 приведена первая модель оценки фандрайзинга, в который в 2024 году были вовлечены 19,7% молодежи.

Таблица 2

Результаты логистической регрессии
(зависимая переменная: сбор средств на благотворительность)

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (женщины)	-0,591	0,007	6261,073	0,554
Тип населённого пункта (село)	-0,565	0,010	3477,268	0,268
Состоит в браке (да)	-0,141	0,008	329,525	0,568
Завершил проф. переподготовку (да)	-0,245	0,022	123,411	0,868
Связь с профессией (да)	-0,167	0,009	309,182	0,847
Удалённая работа (да)	0,100	0,016	40,46	1,106
Дополнительная работа (да)	0,404	0,019	434,496	1,498
Неформальная работа (да)	0,413	0,012	1199,537	1,511
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,002	0,0	13,043	1,002

Окончание таблицы 2

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Возраст (полных лет)	0,061	0,001	4053,873	1,063
Образование: основное общее и ниже	0,138	0,033	17,738	1,148
Образование: среднее общее	-0,498	0,02	610,662	0,608
Образование: среднее проф.	-0,097	0,012	62,583	0,908
Образование: высшее (бак./спец.)	-0,242	0,012	406,69	0,785
Константа	-3,458	0,044	6301,1	0,031

Примечание: * **B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **Exp(B)** — отношение шансов.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Как показало исследование, мужчины, городские жители и не состоящие в браке респонденты статистически значимо чаще вовлечены в подобные практики. Возраст выступает значимым фактором: каждый дополнительный год жизни увеличивает вероятность участия на 6,3%, что согласуется с гипотезой о накоплении социальных и экономических ресурсов, необходимых для благотворительной активности. Участие в сборе средств статистически значимо чаще встречается среди лиц, имеющих дополнительную, удалённую или неформальную работу. Гибкость трудовых режимов и отсутствие жёсткой формализации занятости способствуют вовлечённости в волонёрские практики. В то же время завершённая профессиональная переподготовка и работа по специальности ассоциируются с меньшей вероятностью участия. Повышение уровня образования выступает одним из ключевых предикторов участия.

Далее рассмотрим логистическую регрессионную модель детерминантов волонёрской активности в сфере благоустройства территорий (табл. 3). Вторая модель имеет иную структуру, здесь наиболее сильным предиктором выступает тип поселения. Жители сёл более чем в два раза с большей вероятностью будут вовлечены в благоустройство территорий, чем городские жителей. Результат объясняется более тесными горизонтальными связями сельских сообществ и меньшей доступностью альтернативных форм гражданской активности. Гендерный фактор, напротив, демонстрирует обратную тенденцию: женщины участвуют в благоустройстве достоверно чаще, чем мужчины. Состоящие в браке участвуют чаще, тогда как наличие дополнительной работы снижает шансы на участие, указывая на ресурсные ограничения. Удалённая и неформальная занятость положительно коррелируют с вовлечённостью. Профессиональная переподготовка и работа по специальности также позитивно связаны с участием. Наиболее отчётливое различие выявляется по уровню образования: молодёжь с практико-ориентированным или средним образованием демонстрирует более высокую вовлечённость по сравнению с обладателями более высокого уровня образования.

Таблица 3

**Результаты логистической регрессии
(зависимая переменная: благоустройство территории)**

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (женщины)	0,093	0,010	80,584	1,098
Тип населённого пункта (село)	0,794	0,011	5551,85	2,213
Состоит в браке (да)	0,141	0,011	170,46	1,152
Завершил проф. переподготовку (да)	0,135	0,025	28,133	1,145
Связь с профессией (да)	0,335	0,012	752,059	1,398
Удалённая работа (да)	1,383	0,037	1422,671	3,988
Дополнительная работа (да)	-0,249	0,021	134,708	0,779
Неформальная работа (да)	0,305	0,016	360,34	1,357
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	-0,002	0,001	12,792	0,998
Возраст (полных лет)	-0,012	0,001	83,452	0,989
Образование: основное общее и ниже	1,352	0,038	1248,071	3,864
Образование: среднее общее	0,524	0,03	301,446	1,689
Образование: среднее проф.	0,565	0,024	555,596	1,760
Образование: высшее (бак./спец.)	0,821	0,024	1211,743	2,272
Константа	-3,942	0,064	3788,336	0,019

Примечание: * **B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **Exp(B)** — отношение шансов.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Третья логистическая регрессионная модель объясняет структуру вовлечённости в помощь животным, третьего по значимости и наиболее устойчивого в динамике вида волонтерства (табл. 4).

Наиболее значимым предиктором помощи животным среди молодёжи оказался тип населённого пункта: жители сёл участвуют в 3,7 раза чаще, чем горожане. Мужчины вовлечены на 56,4% реже женщин, а состоящие в браке — на 31,4% чаще. Дополнительная работа повышает вероятность участия почти вдвое, тогда как неформальная занятость и удалённый формат работы её снижают. Завершённая профпереподготовка и связь работы с профессией положительно связаны с вовлечённостью. С возрастом участие снижается (на 2,8% за каждый год), а продолжительность рабочей недели оказывает слабый, но положительный эффект. Уровень образования остаётся устойчивым фактором повышения активности.

Таблица 4

Результаты логистической регрессии (зависимая переменная: помощь животным)

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (мужчины)	0,830	0,011	5916,125	2,293
Тип населённого пункта (село)	-1,318	0,017	6123,196	0,268
Состоит в браке (да)	0,273	0,01	703,96	1,314
Завершил проф. переподготовку (да)	0,221	0,024	83,856	1,247
Связь с профессией (да)	0,143	0,012	135,065	1,154
Удалённая работа (да)	-0,114	0,02	34,365	0,892
Дополнительная работа (да)	0,659	0,028	535,074	1,933
Неформальная работа (да)	-0,26	0,013	380,246	0,771
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,007	0,001	138,38	1,007
Возраст (полных лет)	-0,028	0,001	508,388	0,972
Образование: основное общее и ниже	0,012 (p=0,756)	0,039	0,097	1,012
Образование: среднее общее	-0,387	0,025	230,686	0,679
Образование: среднее проф.	-0,22	0,016	184,465	0,802
Образование: высшее (бак./ спец.)	-0,101	0,016	41,211	0,904
Константа	-1,173	0,057	430,194	0,31

Примечание: * **B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **p** — уровень значимости; **Exp(B)** — отношение шансов; **df**=1.
Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).
Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$, кроме варианта с указанием иного значения **p**.
Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Четвертая логистическая регрессионная модель объясняет структуру социальных видов волонтерства (табл. 5). Одним из наиболее значимых факторов выступает тип населённого пункта: молодые респонденты, проживающие в сельской местности, демонстрируют более высокую вероятность участия. Значимым предиктором выступает и уровень образования. Наибольшая вероятность участия в волонтерстве наблюдается у респондентов со средним профессиональным образованием, в то время как наличие только начального либо основного общего образования статистически значимо снижает вероятность вовлечённости. Семейное положение также оказывает влияние: не состоящие

в браке молодые люди чаще вовлечены в волонтерство. Кроме того, завершённая профессиональная переподготовка и занятость в удалённом формате ассоциированы с меньшей вероятностью участия в социальной волонтерской деятельности. Дополнительная оплачиваемая работа и увеличение нагрузки (в частности, по числу рабочих часов) также снижают вероятность волонтерской активности. Небольшое, но статистически значимое влияние на участие в волонтерстве оказывает связь между родом занятости и полученным образованием. Работа по специальности ассоциирована с большей вероятностью вовлечённости. Вопреки распространённому мнению о большей вовлеченности женщин в социальные работы, гендерные различия в социальном волонтерстве молодежи оказались минимальными.

Таблица 5

Результаты логистической регрессии (зависимая переменная: социальные работы)

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (мужчины)	0,021 (p=0,013)	0,008	6,179	1,021
Тип населённого пункта (село)	0,487	0,009	2791,714	1,627
Состоит в браке (да)	-0,297	0,009	1170,847	0,743
Завершил проф. переподготовку (да)	-0,383	0,025	244,16	0,682
Связь с профессией (да)	0,043	0,01	18,528	1,044
Удалённая работа (да)	-0,464	0,016	885,267	0,629
Дополнительная работа (да)	-0,189	0,018	113,527	0,827
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,005	0,001	94,268	1,005
Возраст (полных лет)	-0,006	0,001	38,805	0,994
Образование: основное общее и ниже	-0,371	0,037	100,015	0,69
Образование: среднее общее	0,457	0,02	531,319	1,58
Образование: среднее проф.	0,097	0,014	46,753	1,102
Образование: высшее (бак./ спец)	-0,269	0,014	356,856	0,765
Константа	-0,683	0,043	247,942	0,505

Примечание: ***B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **p** — уровень значимости; **Exp(B)** — отношение шансов; **df**=1.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$, кроме варианта с указанием иного значения **r**.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Полученные результаты указывают на сложную, многомерную природу вовлечённости в благотворительную волонтерскую деятельность, где социально-демографические, профессиональные и образовательные характеристики опосредуются институциональными и мотивационными механизмами.

Социальные контуры молодёжного волонтерства. Масштабы молодёжного волонтерства остаются невысокими, несмотря на активную государственную поддержку. Волонтерская деятельность охватывает около 4,3% российской молодёжи, при этом преобладают нерегулярные формы участия. Большинство добровольцев (73%) действуют неформально, вне организационных структур. Наибольшая активность наблюдается среди возрастных групп 15–19 и 30–35 лет, но с возрастом вовлечённость снижается.

Волонтерство тесно связано с экономической активностью молодёжи. Самозанятые демонстрируют высокую интенсивность участия (14,2%), тогда как наёмные работники, несмотря на их численное преобладание, вовлечены меньше (3,7%). Безработные и учащиеся также активно участвуют в волонтерстве, что подчёркивает его роль как инструмента социализации и накопления навыков.

Факторы вовлечённости выделяют социально-демографические характеристики и компоненты человеческого капитала. Городская молодёжь чаще участвует в сборе средств, а сельская — в благоустройстве территорий и помощи животным. Женщины более активны в социальных работах и помощи животным, а мужчины — в фандрайзинге. Уровень образования значимо влияет на вовлечённость. Например, молодые люди с более высоким уровнем образования чаще участвуют в сборе средств, а среднее профессиональное образование повышает участие в социальных работах. Гибкие формы занятости (удалённая работа, неформальная занятость) способствуют участию в волонтерстве, тогда как полная занятость и профессиональная переподготовка могут снижать его вероятность.

В российской молодёжной среде преобладает «капитальная» модель волонтерства, направленная на увеличение человеческого и социального капитала, что отражает прагматические мотивы молодых людей. Волонтерство выступает как форма инвестиций в человеческий капитал, развивая «мягкие» и «жёсткие» навыки. Однако его влияние на трудоустройство остаётся ограниченным и зависит от соответствия опыта требованиям рынка труда. Наши результаты подтверждают низкую эффективность волонтерства как инструмента трудоустройства. Российские исследователи отмечали, что волонтерство улучшает перспективы трудоустройства через приобретение навыков и расширение социальных сетей. Однако мета-анализ западных исследований [8] и наши результаты показывают, что общий эффект невелик. Это противоречие требует дальнейшего изучения, особенно в контексте российского рынка труда, где связь между волонтерством и занятостью может быть опосредована институциональными факторами.

Государственные программы поддержки волонтерства способствуют его росту. Эмпирические данные показали преобладание неформальных практик, что указывает на слабую институционализацию волонтерства. Это порождает дискуссию о том, насколько государство может регулировать добровольческую деятельность, тем более при условии и желательности сохранения её спонтанного и альтруистического характера.

Отметим важные методологические ограничения данного исследования. С одной стороны, мы опираемся на представительные и репрезентативные регулярно проводимые статистические обследования. Это делает устойчивыми

количественные оценки вовлечённости молодежи в основные виды волонтерства. С другой стороны, объяснительная сила регрессионных моделей, особенно для социальных работ, остаётся низкой, подтверждая необходимость учёта качественных факторов, таких как личные мотивы и культурные нормы, которые не были включены в анализ.

Заключение. Волонтерство российской молодежи представляет собой сложное социально-экономическое явление, играющее значительную роль в структуре занятости и формировании человеческого капитала. Оно служит инструментом социализации, профессионального развития и самореализации, особенно для молодых людей, находящихся на этапе выхода на рынок труда. Однако его влияние на трудоустройство и карьерный рост остаются слабыми, что указывает на разрыв с реальными социально-экономическими практиками.

Выводы исследования подчёркивают, во-первых, необходимость развития институциональной поддержки волонтерства, особенно для формализации нерегулярных и неформальных практик. Во-вторых, дальнейшее развитие институциональной поддержки требует учёта региональных и социально-демографических особенностей. Волонтерство, будучи важным элементом социальной и экономической жизни, требует дальнейшего внимания со стороны исследователей и общественных организаций для максимизации его положительного воздействия на общество.

Библиографический список / References

1. Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*. 2000;26:215–240. DOI [10.1146/annurev.soc.26.1.215](#). EDN HEYVET.
2. Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago : University of Chicago Press; 1964.
3. Rego A., Zóximo R., Correia M. J., Ross A. Bridging volunteering and the labour market: a proposal of a soft skills matrix. *Voluntary Sector Review*. 2016;7(1):89–99. DOI [10.1332/204080516X14537236936186](#).
4. Cook P., Jackson N. Valuing volunteering: a route to professional development: views from VSO volunteers and managers. London: Chartered Management Institute; 2006. ISBN 9780859464406.
5. Souto-Otero M., Ulicna D., Schaepkens L., Bogner V. Study on the impact of non-formal education in youth organisations on young people's employability. Brussels: European Youth Forum; 2013.
6. Bruno B., Fiorillo D. Voluntary work and wages. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2016;87(2):175–202. DOI [10.1111/apce.12090](#).
7. Wilson J., Mantovan N., Sauer R. M. The economic benefits of volunteering and social class. *Social Science Research*. 2020;85:102368. DOI [10.1016/j.ssresearch.2019.102368](#). EDN YKTIAZ.
8. Kamerade D., Paine A. E. Volunteering and employability: implications for policy and practice. *Voluntary Sector Review*. 2014;5(2):259–273. DOI [10.1332/204080514X14013593888736](#).
9. Taniguchi H. Men's and women's volunteering: gender differences in the effects of employment and family characteristics. *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*. 2006;35(1):83–101. DOI [10.1177/0899764005282481](#). EDN JOOFUR.
10. Bruno B., Fiorillo D. Why without pay? Intrinsic motivation in the unpaid labour supply. *The Journal of Socio-Economics*. 2012;41(5):659–669. DOI [10.1016/j.socrec.2012.05.020](#).
11. Downward P., Hallmann K., Rasciute S. Volunteering and leisure activity in the United Kingdom: a longitudinal analysis of males and females. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2020;49(4):757–775. DOI [10.1177/0899764020901815](#). EDN DKNSXE.
12. Нежина Т. Г., Петухова К. А., Чечеткина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71. EDN SPWLQH.

- Nezhina T. G., Petukhova K. A., Chechetkina N. I., Mindarova I. S. Motivation of youth participation in the volunteer movement. *Public Administration Issues*. 2014;(3):49–71. (In Russ.).
13. Беляева Л. А., Зеленов И. А., Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 825–838. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838). EDN [WBYMHU](https://www.edn.ru/WBYMHU).
Belyaeva L. A., Zelenov I. A., Prokhoda V. A. Volunteering in Russia: History and attitudes of the contemporary youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(4):825–838. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838).
 14. Узюмова Н. В., Киселева Н. И. Волонтерская деятельность (добровольчество) как фактор профессионального развития студентов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2. Порядковый номер: 68. (In Russ.). EDN [REYTOR](https://www.edn.ru/REYTOR).
Uzyumova N. V., Kiseleva N. I. Volunteer activity as a factor of professional students' development. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(S2):68.
 15. Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 53–68. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2). EDN [IQADBG](https://www.edn.ru/IQADBG).
Pevnaya M. V., Minchenko D. V., Belov A. A. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):53–68. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2).
 16. Федорова М. Н. Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 146–157. DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157). EDN [JPIHCD](https://www.edn.ru/JPIHCD).
Fedorova M. N. Volunteering as a non-market form of the development of human potentiality. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(3):146–157. (In Russ.). DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157).
 17. Трохина А. В. Волонтерство как особая форма занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 12(178). С. 111–120. EDN [PGRCIV](https://www.edn.ru/PGRCIV).
Trokhina A. V. Volunteering as a special form of employment. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2012;(12):111–120. (In Russ.).
 18. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И., Вега А. Ю. Волонтерство как новая форма занятости // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 2. С. 775–786. DOI [10.18334/et.6.2.40692](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40692). EDN [ZRHYKD](https://www.edn.ru/ZRHYKD).
Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I., Vega A. Y. Volunteering as a new form of employment. *Russian Journal of Labour Economics*. 2019;6(2):775–786. (In Russ.). DOI [10.18334/et.6.2.40692](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40692).

Поступила: 06.06.2025. Принята: 14.07.2025.

Сведения об авторах:

Ромашкина Гульнара Фатыховна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. g.f.romashkina@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [181220](https://elibrary.ru/181220); ORCID: [0000-0002-7764-5566](https://orcid.org/0000-0002-7764-5566)

Агафонова Дарья Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия.
d.y.agafonova@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [1258562](https://elibrary.ru/1258562); ORCID: [0009-0008-1848-1646](https://orcid.org/0009-0008-1848-1646)

G. F. Romashkina¹, D. Yu. Agafonova¹

¹ University of Tyumen. Tyumen, Russia

VOLUNTEERING OF RUSSIAN YOUTH IN THE STRUCTURE OF EMPLOYMENT

Abstract. The article is devoted to the study of volunteer activities among Russian youth as a special form of engagement and its role in the formation of human capital. The analysis is based on microdata from the 2024 Sample Survey of the Labour Force conducted by the Federal State Statistics Service (Rosstat) and covers a representative subsample of the young population (aged 15–35). Analytical methods include mean-comparison tests (Fisher's and Student's criteria) and stepwise logistic regression, aimed at estimating the influence of predictors on the probability of participation in four main forms of volunteering: fundraising, territory beautification, animal assistance, and social work. The key findings indicate that young volunteers constitute 4.3% of the total youth population in the country. Irregular and informal forms of participation prevail. Volunteering activity increases among older youth groups. The analysis supports the hypothesis of a shift in the functions of volunteering at different stages of socialization. Rural youth are more frequently involved in environmental improvement and animal assistance, while urban youth are more active in fundraising. Women are more likely to participate in social forms of volunteering, whereas men are more involved in fundraising. Flexible employment types among youth (remote or informal work) increase the likelihood of participation in fundraising, environmental, and animal-related activities. Secondary and vocational education are more commonly associated with participation in social and environmental projects, whereas higher education correlates more with fundraising. Empirical evidence does not support the hypothesis of a direct link between youth volunteerism and the accumulation of human capital. The article also highlights the limitations and barriers in research and social practices related to youth volunteering.

Keywords: volunteering, youth, human capital, employment, social activity

For citation: Romashkina G. F., Agafonova D. Yu. Volunteering of Russian youth in the structure of employment. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):41–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.3>

Received: 06.06.2025. Accepted: 14.07.2025.

Author information:

Gulnara F. Romashkina, Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen. Tyumen, Russia. g.f.romashkina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-7764-5566

Daria Yu. Agafonova, Postgraduate Student,
Assistant of the Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen. Tyumen, Russia. d.y.agafonova@utmn.ru
ORCID: 0009-0008-1848-1646

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.4)
EDN [BDSNHJ](https://www.edn.ru/BDSNHJ)
УДК 316.3

М. М. Русакова¹, С. Ткач¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ТРЕТЬЕ ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

Аннотация. В недавней истории России принято выделять два «потерянных поколения» — молодость которых пришлась на рубеж 1960–1970-х и на 1980-е годы XX века. Ряд современных исследователей выдвигают гипотезы о возможном формировании нового, третьего потерянного поколения. В числе оснований для таких предположений — рост отчуждения в условиях цифрового общества, трансформация ценностей и трудности социальной самореализации. Для проверки обозначенной гипотезы авторы провели эмпирическое исследование в количественной парадигме: в июле–сентябре 2022 года был осуществлён репрезентативный телефонный опрос жителей России (N=2500). Для анализа были отобраны анкеты респондентов в возрасте от 18 до 35 лет (n=840). Результаты кластерного анализа выявили три устойчивые группы молодёжи. Первый кластер (56,9% респондентов) характеризуется оптимистичной оценкой современных условий как наиболее благоприятных для самореализации; его представители оценивают молодёжь как трудолюбивую, стремящуюся к знаниям и высоким идеалам, а проблемы в окружении встречаются, по их оценкам, редко. Второй кластер (29,4% респондентов), напротив, испытывает отчуждение от современного ему общества: молодёжь воспринимается как безынициативная и безыдейная, а окружение респондентов, по их мнению, сталкивается с широким спектром трудностей, прежде всего связанных с жильём и материальным благополучием. Третий кластер (13,7% респондентов) полагает, что современное общество предоставляет молодёжи наилучшие возможности для развития, однако считает, что молодёжь не стремится ими воспользоваться, проявляя абсентеизм. Сравнительно небольшой объем второго кластера не позволяет говорить о становлении нового потерянного поколения. Полученные результаты вносят вклад в существующую академическую дискуссию о возможных причинах радикализации молодёжи, а также о распространённости феномена выученной беспомощности.

Ключевые слова: молодёжь, жизненный мир, саморегуляция, жизненные неудачи, жизненные стратегии, потерянное поколение, отчуждение

Для цитирования: Русакова М. М., Ткач С. Есть ли в России третье потерянное поколение? // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 56–71. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.4). EDN [BDSNHJ](https://www.edn.ru/BDSNHJ).

Введение. Молодость — период, который значительно влияет на итог жизненного пути человека и даже, как пишут некоторые авторы, предопределяет его. Г. Элдер детерминирующую роль молодости объясняет тем, что на неё приходится практически все трансформирующие жизнь человека события: получение образования, выбор профессии, сепарирование от родительской семьи, приобретение собственного жилья, заключение брака, рождение детей [1]. Решения, которые принимаются молодёжью, выражают одновременно и личные устремления по поиску себя, и устоявшиеся ожидания, созданные многими поколениями молодёжи до них. Это определяет ориентир уровня жизни, необходимых достижений, получаемых званий — от поддержания семейной традиции выбора профессии [2] до обеспечения себя жильём и благами определённого

качества и объёма. В научной и экспертной литературе упоминаются опасения, что нынешнее поколение ввиду экономических трудностей, с которыми оно сталкивается сегодня, может оказаться первым за долгие десятилетия, которое не сможет преодолеть и даже достигнуть уровня жизни предыдущих [3]¹. Вторым ориентиром выступает соотнесение собственного успеха со сверстниками. Е. Труфанова пишет, что сегодня такое сопоставление может быть фрустрирующим для молодёжи из-за искажений, накладываемых на него цифровым обществом [4]. Социальные сети представляют достижения окружающих в более выгодном свете, а парасоциальные отношения, характерные для современной молодёжи, заставляют ориентироваться на наиболее успешных и знаменитых людей в той же мере, в какой молодёжь ориентируется на своих знакомых и друзей [5]. Как пишут Ю. Зубок и А. Любутов: «...организующая и направляющая сила разделяемых молодёжью жизненных смыслов и ценностей задавала вектор и формы саморегуляции» [6, с. 341]. В условиях динамических изменений современного российского общества, трансформации ведущих ценностей [7] и ухода от устоявшихся моделей построения жизненного пути молодёжь сталкивается с необходимостью поиска новых приемлемых моделей жизни и, что особенно важно в условиях неопределённости, все чаще с поиском стратегий объяснения собственных возможных неудач. Молодёжь чаще отказывается от полагаемого прежде более престижного высшего образования [8]², чаще оказывается в числе прекариата [9], чаще сдаётся на пути к профессиональному успеху³.

Потерянное поколение: сущность и понятие. Стратегии объяснения собственных неудач варьируют и нередко сводятся к обращению к личному невезению, персональным ошибкам и просчётам. Однако в ситуациях социальных кризисов и трансформаций молодёжь может обращаться к пониманию себя как части большой массы «потерянного поколения». Так, по результатам проведённого опроса Л. Ждановой и Ш. Ван, при описании потерянного поколения респонденты в возрасте от 16 до 23 лет (опрос проводился в 2023 г.) чаще всего к нему относили именно себя. При этом респонденты преимущественно не связывали это понятие с конкретными историческими событиями, а апеллировали к чертам современников, акцентируя лишь свойства «неприкаянности и отчуждённости от общества» [10, с. 2].

Изначально понятие «потерянное поколение» было введено Г. Стайн и популяризовано Э. Хемингуэем применительно к молодым фронтовикам, вернувшимся после Первой мировой войны и оказавшимися неспособными адаптироваться к

¹ Luhby T. Many millennials are worse off than their parents – a first in American history // CNN. 11.01.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/11/politics/millennials-income-stalled-upward-mobility-us/index.html> (accessed: 27.11.2024); Onge P. St. Killing the golden goose: millennials earn less than their parents did // Mises Institute. 05.06.2024. URL: <https://mises.org/power-market/killing-golden-goose-millennials-earn-less-their-parents-did> (accessed: 07.08.2025); Gale W. G. [et al.]. The wealth of generations, with special attention to the millennials // National Bureau of Economic Research. May 2020. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/05/Generations-Working-Paper-2.pdf> (accessed: 07.08.2025).

² Филимонов С. Конкурент вуза: почему все больше людей хочет учиться в колледжах // РБК. 21.11.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6734df4b9a7947794bbee1a2> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Жандарова И. На рынке труда новое явление: сотрудники уходят на обед и не возвращаются // Российская газета: [сайт]. 04.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/04/poshli-v-gosting.html> (дата обращения: 27.11.2024); Интерес соискателей к вакансиям со свободным графиком вырос на 46% // ИА ТАСС. 03.03.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17186991> (дата обращения: 27.11.2024).

мирной жизни [11]. В дальнейшем определение «потерянного поколения» расширилось и стало означать поколение, заставшее «неблагоприятные... внешние условия (война, эпоха перемен)» и поколение, у которого «отсутствует цель», а в жизни их сопровождает «неуспех» [10, с. 9]. Жданова и Ван приводят данные определения применительно к обыденной речи, однако и в научном дискурсе можно встретить такую интерпретацию, что будет продемонстрировано далее.

Эту дефиницию можно встретить в самоопределении поколения, молодость которого пришлось на 70-е годы XX века. В октябре 1961 года XXII съезд КПСС принимает «Программу построения коммунизма» [12], а спустя пять лет Ф. Бурлацкий публикует в газете «Правда» статью «О строительстве развитого социалистического общества», идеи которой нашли отклик в докладе Л. Брежнева к 50-летней годовщине Октябрьской революции о построении развитого социализма [13]. Оба события становятся стимулом для новых надежд, как пишут А. Слезин [12] и Ф. Сеницын [13]. С наступлением эпохи застоя сменяются общественные настроения. Этот период принято относить, как замечает Л. Гогина, к «эпохе безвременья» [14]. Согласно периодизации Б. Константа, после периода острых трансформаций, участниками которых были отцы представителей «потерянного поколения», возникает период без знаковых социальных потрясений. Молодёжь переживает разочарование в доминирующих общественных идеях, оказывается склонна к нигилизму, теряет интерес к труду и саморазвитию, ощущает себя отчуждённой [14, с. 146]. На этот период приходится рост самоопределения молодёжью себя как потерянного поколения. Режиссёр М. Захаров «причислял себя к “новому потерянному поколению”» — молодёжи 70-х годов XX века [15, с. 126], то же можно услышать применительно к писателю В. Макаину [14]. Л. Аннинский пишет о желании молодёжи семидесятых сепарироваться от молодёжи 50-х и начала 60-х годов через именование себя: «мы все — потерянное поколение» [16, р. 12]. То же можно встретить и у А. Вампилова: «[зарубежные писатели] пишут о потерянном поколении? Разве мы тоже не потеряны?» [17, р. 13].

Вторым потерянным поколением после поколения, обозначенного Г. Стайн [18], в научной литературе называют молодёжь второй половины 80-х годов XX века, которую А. Юрчак называет «последним советским поколением» [19]. В. Радаев приводит то же описание для молодёжи этого периода: «Родившиеся накануне перестройки квалифицируются как... ..“потерянное поколение”, а также “безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего...”» [20, с. 55]. Для него характерен консьюмеризм, цинизм, безыдейность и безынициативность, отчуждение от ценностных идеалов. Радаев не соглашается с пессимизмом прогнозов относительно будущего данного поколения, но не спорит с его описанием. Е. Омельченко констатирует, что такая молодёжь «описывалась как морально дезориентированная, экономически и социально маргинализованная и апатичная, как потерянное и невостребованное поколение» [21, с. 17]. Среди ключевых для неё рисков В. Чупров, Ю. Зубок и К. Уильямс выделяли проблемы интеграции в новую капиталистическую реальность, рост конфликтов между молодёжью и обществом, нарастание неразрешаемых ситуаций риска для разных групп молодёжи, эскалацию риска, — отчего формировались условия маргинализации молодёжи [22, с. 160]. Чупров, Зубок и Уильямс приведённые здесь условия формирования потерянного поколения относят к ключевым характеристикам общества риска.

Связь между социально-экономическим контекстом и факторами самоопределения молодёжью себя как потерянного поколения достаточно ясна. Период застоя был периодом материальной стабильности и отсутствия потрясений [23]; 90-е годы XX века, напротив, — периодом множественных изменений, аномии. Возможно, в таком ключе можно говорить о двух возможных типах потерянных поколений: тех, чья молодость пришлась на период стабильности, и тех, чья молодость сопровождалась радикальными общественными преобразованиями. В соответствии с этим авторы придерживаются широкой трактовки потерянного поколения и, с опорой на работу Х. Садыковой, определяют потерянным поколением такое, которое не смогло реализовать свои способности и планы ввиду обстоятельств конкретного временного периода [24].

А. Сумская выдвигает гипотезы о связи отчуждённости современного цифрового общества с возможным становлением нового потерянного поколения: «можно предположить грядущие или уже существующие кардинальные травмирующие изменения в цифровой среде и способах коммуникации в глобальном контексте... и/или глубокие культурно-ценностные страновые трансформации, влияющие на самоощущения каждого человека и приводящие к утрате прежней “нормальности”» [25, с. 177]. О ключевой роли цифровых технологий в самоопределении современного поколения и их разобщённости пишет В. Васильева [26]. Подробнее этот процесс описан в работе Д. Иванова и Ю. Асочакова, которые констатируют сегодняшний кризис доверия к коллективному действию, разрабатывая собственную оригинальную трактовку категории отчуждения. Надежды публичных мыслителей рубежа XIX–XX веков связывались с многомиллионным рабочим движением, в 60-е годы XX века — с многотысячными разнообразными активистскими группами (за расовое равенство, экологическое движение и т.д.), а в настоящий момент — с теми, кого можно охарактеризовать как «беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков» [27, с. 25]. Коллективное действие, требующее доверия и кооперации, сменяется уже упоминавшимися нигилизмом и отчуждением.

Поскольку современное общество характеризуется индивидуализацией переживания отчуждения, приобретает важность трактовка отчуждения, предложенная М. Микиртумовым: «...отчуждение есть аффект, и он встроен в комплекс аффектов, которые образуют resentment, или мстительную зависть, входящую в социально-психологическое основание борьбы масс за эмансипацию» [28, с. 41–42]. В соответствии с этим операционализация отчуждения будет включать в себя «мстительную зависть», выражаемую в признании молодёжью себя безыдейной, ленивой, безынициативной, а также зависть к условиям развития и жизни предыдущих поколений.

Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи в условиях социальных изменений. Чтобы говорить молодёжи о себе как о части коллективной общности поколения, ей необходимо обращаться к пространству intersubjectивного смысла, для анализа которого справедливо воспользоваться теорией саморегуляции В. Чупрова и Ю. Зубок. Её содержание изложено отечественными социологами в ряде монографий ([29; 30; 31] и др.), а её развитие содержится, например, в трех статьях о коллективных представлениях молодёжи о будущем [32; 33; 34].

Саморегуляция представляет собой координацию действий, смыслов, мотивации и интенций, а также образов социальной реальности при взаимодействии молодёжи друг с другом [35]. Процесс саморегуляции жизнедеятельности молодёжи включает воспроизводство коллективных представлений о должном, принятых нормах, приемлемом и генерирование новых: «Субъективная реальность формируется на основе многообразия смыслов и их сложных сочетаний — традиционных и современных. Традиционные смыслы передают опыт предшествующих поколений, который содержится в архетипических и ментальных структурах коллективного бессознательного и отрефлексирован в групповом и индивидуальном сознании» [29, с. 30]. Нарушение таких представлений, как показано в работе Сумской, является риском для формирования потерянного поколения [25, с. 177]. Человек, когда совершает какое-либо действие, ориентируется в своём замысле на ожидания других людей от него, самостоятельно регулируя, тем самым, данное действие и исключая нежелательные для визави его действий последствия. Авторам особенно значимо, что в теории саморегуляции присутствуют два онтологических компонента: жизненный мир как единство переживаемого опыта и интересубъективность как единство смысла и интерпретации. Это открывает перспективу изучения понимаемого вопроса о необходимости соотнесения ответов молодёжи о переживаемых ими и их сверстниками проблемах (пространство общего опыта) с утверждениями о ценностях современной молодёжи (пространство интересубъективного смысла). Для измерения пространства общего опыта использовались переменные, описывающие совокупность совместно переживаемых проблем: проблемы с получением образования, жильём, самовыражением и саморазвитием, поиском работы и трудоустройством. Для измерения интересубъективного формирования представлений молодёжи о своём поколении использовались вопросы, выражающие степень согласия респондентов с утверждениями о том, что современная молодёжь тянется к высоким идеалам, трудолюбива и готова старательно работать, тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование.

Цель исследования, суммируя вышеописанное, заключается в анализе самоопределения российской молодёжи как потерянного поколения.

Материалы и методы. Эмпирическая база — данные телефонного опроса жителей России, проведённого в июле-сентябре 2022 года. Объем выборочной совокупности составил 2500 респондентов. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту и федеральному округу для Российской Федерации. Опрашивались жители регионов Российской Федерации старше 18 лет. Средний возраст участников исследования — 46,17 лет. Максимальный возраст среди опрошенных — 82 года. Распределение по полу следующее: 46,1% — мужчины; 53,9% — женщины. В опросе приняли участие как горожане (75,3% опрошенных), так и проживающие в сельской местности (24,7%). Для последующего анализа была отобрана выборочная совокупность респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, в которую вошли 840 человек. Такие возрастные рамки обусловлены законодательной нормой, определяющей молодёжь как людей от 14 до 35 лет. Вопросы о возрастных разграничениях позиций по рассматриваемым в исследовании вопросам дополнительно проверялись при помощи статистических методов анализа.

Переменные, включённые в анализ, приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Используемые в анализе переменные и шкалы измерений

Переменная, формулировка вопроса	Шкала измерения
Переменные анализа	
Оцените, насколько Вы согласны с высказываниями о современной молодёжи:	
Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений	1 — совсем не согласен ... 10 — полностью согласен
Современная молодёжь тянется к высоким идеалам	
Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать	
Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование	
Как вы думаете, какая часть людей вашего возраста сталкиваются со следующими проблемами?	
Проблемы с досугом и интересным времяпрепровождением	1 — Почти все 2 — Больше половины 3 — Меньше половины 4 — Почти никто
Проблемы с получением образования	
Проблемы с жильём	
Проблемы в самовыражении и саморазвитии	
Проблемы с поиском работы и трудоустройством	
Материальные проблемы: нехватка денег, высокие цены	
Социально-демографические характеристики	
Финансовое благополучие: Как бы Вы оценили уровень доходов в Вашей семье?	1 — Денег не хватает даже на продукты питания; 2 — На продукты питания денег хватает, но покупка одежды уже вызывает затруднения; 3 — Денег хватает на продукты и одежду, однако покупка вещей длительного пользования для нас является проблемой; 4 — Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но нам сложно приобретать дорогие вещи; 5 — Мы можем позволить себе приобретать такие дорогие вещи, как квартира, дача
Пол (записывается интервьюером).	1 — женский; 0 — мужской
Возраст: Ваш возраст?	Число полных лет

К вопросам интерсубъективного смысла отнесены четыре переменные вопроса «Оцените, насколько Вы согласны с высказываниями о современной молодёжи»: «Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений», «Современная молодёжь тянется к высоким идеалам», «Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать» и «Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование». Отчуждённости соответствовало несогласие с приведёнными высказываниями, то есть значение менее 5 по шкале вопроса. Общий переживаемый опыт измерен вопросом «Как вы думаете, какая часть людей вашего возраста сталкиваются со следующими проблемами?» («Проблемы с получением образования», «Проблемы с досугом и интересным времяпрепровождением», «Проблемы с жильём», «Проблемы в самовыражении и саморазвитии», «Проблемы с поиском работы и трудоустройством», «Материальные проблемы: нехватка денег, высокие цены»).

Для выявления различных устойчивых позиций молодёжи о самой себе использовался метод кластеризации к-средних. Для определения оптимального числа кластеров использовался метод локтя, где метрикой выступала силуэтная мера. Переменная принадлежности к кластеру для последующего анализа была перекодирована в группу дихотомических. Для профилирования кластеров применялся метод корреляции Спирмена. Поскольку для всех переменных распределение значимо отличалось от нормального (тест Колмогорова-Смирнова, $p < 0,05$), для демонстрации значимых межкластерных различий распределений использовался тест Краскела-Уоллиса. Парное сравнение не проводилось.

Структура самоопределения российской молодёжи. Были получены три кластера, силуэтная мера составила 0,3064, что указывает на среднее качество полученных кластеров. Средние значения переменных кластеризации и социально-демографические характеристики получившихся кластеров приводятся в таблице 2.

В получившихся кластерах отчётливо выделяются три позиции молодёжи относительно себя. Первая позиция — строго оптимистическая. Молодёжь полагает, что живёт в такое время, когда обладает наилучшими условиями для самореализации (среднее значение 8,970) и умело ими пользуется: тянется к высоким идеалам (среднее значение 7,34), готова получить образование (среднее значение 7,99) и упорно работать (среднее значение 6,82). В данном кластере преобладают более молодые женщины (доля 62%, средний возраст — 26,91 года) со сравнительно более высоким уровнем финансового благополучия (среднее значение 3,68 балла).

Представители второго кластера, напротив, полагают, что современное общество не предоставляет необходимых условий для самореализации в сравнении с обществами прошлого (среднее значение 2,86). В то же время они скорее склонны констатировать отчуждённость современной молодёжи: она в их понимании не стремится к идеалам (среднее значение 4,2), не готова усердно работать (среднее значение 3,36) и не хочет получить хорошее образование (среднее значение 4,19). В данном кластере преобладают более старшие мужчины (доля мужчин 60%, средний возраст 29 лет) со сравнительно более низким уровнем финансового благополучия (среднее значение 3,42 балла).

Таблица 2

Средние значения переменных кластеризации и социально-демографических

Переменные	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Выборочная совокупность
Количество, чел.	478	247	115	840
Социально-демографические переменные				
Доля женщин	0,62*	0,4*	0,38*	0,52
Финансовое благополучие	3,68*	3,42*	3,72*	3,66
Возраст	26,91*	29*	28,06*	27,54
Переменные кластеризации				
Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений	8,97*	2,86*	8,85*	8,1
Современная молодёжь тянется к высоким идеалам	7,34*	4,2*	4,49*	6,07
Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать	6,82*	3,36*	3,77*	5,45
Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование	7,99*	4,19*	4,57*	6,46

Примечание: * — $p < 0,001$, тест Краскела-Уоллиса.

Третий кластер занимает более критичную позицию в сравнении со вторым. Представители данного кластера согласны с представителями второго в негативных оценках молодёжи: молодёжь не желает учиться (среднее значение 4,57), работать (среднее значение 3,77), стремиться к высоким идеалам (среднее значение 4,49). Однако в их ответах есть имманентный упрёк: молодёжь придерживается таких абсентеистских позиций, несмотря на то, что живёт в наилучших за всю историю условиях (среднее значение 8,85). Представители второго кластера здесь менее категоричны — молодёжь не готова быть активной, но и условий для этого тоже нет. В третьем кластере также преобладают мужчины более старшего возраста (доля мужчин 62%, средний возраст 28,06 года). Однако их финансовое положение оказывается сравнительно более высоким в сравнении с таковым среди представителей второго кластера (среднее значение 3,72 балла).

Если же говорить о всей выборочной совокупности, то молодёжь в целом придерживается умеренно оптимистичных взглядов о собственных ценностях. Средние значения во всех случаях превышают 5 баллов, то есть они скорее согласны с утверждениями, чем несогласны: 6,07 балла для высказывания «Современная молодёжь тянется к высоким идеалам»; 5,45 балла для высказывания «Современная

молодёжь трудолюбива и готова старательно работать»; 6,46 балла для высказывания «Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование». Также молодёжь выражает высокую степень согласия с тем, что живёт во время наилучших возможностей для самореализации — 8,1 балла из десяти.

Рассмотрим далее профилирование кластеров (см. табл. 3).

Таблица 3

**Результаты профилирования кластеров и средние значения переменных
во всей выборочной совокупности**

Переменная	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Выборочная со- вокупность <i>Ср. знач. (ст. откл.)</i>
Проблемы с досугом и интерес- ным времяпрепровождением	0,07*	-0,1**	н/з	3,03 (0,89)
Проблемы с получением образо- вания	0,08*	-0,1**	н/з	3,09 (0,89)
Проблемы с жильём	0,08*	-0,11**	н/з	2,22 (1,0)
Проблемы в самовыражении и саморазвитии	н/з	-0,05**	н/з	2,74 (0,94)
Проблемы с поиском работы и трудоустройством	0,08*	-0,12**	н/з	2,57 (0,94)
Материальные проблемы: не- хватка денег, высокие цены	0,08*	-0,11**	н/з	2,05 (0,94)

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$, тест корреляции Спирмена.

Проведённое профилирование показывает, что на установки относительно са-
мих себя влияет собственный опыт и опыт ближайшего окружения, который со-
ставляет жизненный мир респондента. Так, представители первого кластера чаще
рассказывают, что никто или практически никто из их ровесников не испытывает
проблемы практически во всех сферах, затрагиваемых в вопросе: организация до-
суга (коэффициент 0,07), образование (коэффициент 0,08), жилье (коэффициент
0,08), трудоустройство (коэффициент 0,08), материальное благополучие (коэффи-
циент 0,08). Представители второго кластера, напротив, скорее склонны полагать,
что все или почти все из числа их ровесников сталкиваются с проблемами в пере-
численных сферах (проблемы с досугом — коэффициент -0,1; проблемы с образо-
ванием — коэффициент -0,1; проблемы с жильём — коэффициент -0,11; проблемы с
трудоустройством — коэффициент -0,12; материальные проблемы — коэффициент
-0,11), а также в самовыражении и в саморазвитии (коэффициент -0,05).

Представители третьего кластера, как показывают результаты анализа, не от-
личаются от всей выборочной совокупности, дающей довольно умеренные оцен-
ки числа людей, которые среди их окружения испытывают трудности в обозначен-
ных в вопросе сферах. Наименее тяжёлыми видятся проблемы, связанные с до-
сугом и образованием (средние значения — 3,03 и 3,09 соответственно), наиболее
острая проблема связана с оценкой молодёжи своего материального положения
(2,05 балла). Если принимать за середину шкалы значение в 2,5 балла, то обра-
щает на себя внимание то, что распространёнными (то есть представленными более
чем у половины сверстников) проблемами молодёжь в целом считает проблемы
материального достатка (среднее значение 2,22 балла) и жилья.

Причины самоопределения молодёжи как потерянного поколения. Совмещая полученные результаты распределения переменных кластеризации и итоги профилирования кластеров посредством корреляционного анализа, можно обнаружить, что неудачи окружения (молодёжи) представители второго кластера связывают с (собственной) принадлежностью к группе молодёжи. Значительная часть окружения респондентов второго кластера испытывают трудности по всем приведённым вопросам в связи с тем, что они живут в неудачное время, в сравнении с поколениями, жившими до них; они отчуждены от процесса труда, учёбы, высоких идеалов. Особенное беспокойство вызывает численность второго кластера (247 человек из 840, то есть 29,4%). Однако содержательно полученные результаты не позволяют констатировать становление нового потерянного поколения. Третий кластер (115 человека из 840 — 13,7%) даёт очень смешанные оценки как своим сверстникам, так и распространённости проблем. Занимаемая ими позиция о характеристике себя как группы абсентеистов при высокой оценке современных возможностей для самореализации никак не связывается с распространённостью тех или иных неудач (отсутствует связь на статистически значимом уровне для всех измеренных проблем). Другими словами, в отличие от первых двух кластеров, они причины неудач ищут не в молодёжи и не в условиях, в которых молодёжь живёт, а в чем-то ином. В то же время отсутствие различий с оценками распространённости проблем с остальной выборкой позволяет предположить, что при росте распространённости проблем данный кластер также может мигрировать в своих суждениях ближе ко второму кластеру. В такой ситуации он окажется «потерянным поколением» периода благополучия, поскольку полагает современное ему время благополучным, а второй кластер — «потерянным поколением» периода нестабильности, также из оценок современности. Наибольший по численности первый кластер (478 человек из 840 — 56,9%) даёт оптимистичные оценки как времени, на которое пришлось его молодость, так и качеств современных молодых людей, а также констатируя, что неудачи в рассматриваемых в данном исследовании сферах встречаются относительно нечасто.

Полученные результаты встраиваются сразу в несколько академических дискуссий, дающих конкурирующие объяснения сложившейся ситуации. Наиболее значительные отличия среди социально-демографических характеристик между кластерами наблюдаются в соотношении мужчин и женщин и в уровне финансового благополучия. Отчуждённость второго кластера выглядит синонимичным состоянию разочарования, которое описывают П. Милан с соавторами [36], Д. Милошав с соавторами [37], Т. Капелос с соавторами [38]. Они описывают общее состояние отчуждённости, с которым сталкиваются современные молодые мужчины, часто финансово неблагополучные, в отношении происходящих социальных изменений: падение значимости традиционно мужских индустриальных профессий, рост требований к участию мужчин в домашнем хозяйстве и воспитании детей и т.д. Свою отчуждённость они выражают через нарратив о разочаровании в современном обществе и тех условиях, которое оно им предоставляет: работа в сфере услуг и прекарность против карьеры в промышленности и т.д. А своих современников они характеризуют как бездейных, ленивых, изнеженных. Милан, Милошав и Капелос замечают, что данная группа оказывается склонна к радикализации в сторону правых экстремистских групп. Цитируемые авторы описывают данное положение применительно к зарубежным обществам, однако В. Красиков видит предпосылки для радикализации и в современной России [39].

Вторая дискуссия иначе интерпретирует направление каузальности приведённого в данной статье корреляционного анализа, где жизненный мир (совокупность переживаемых проблем) оказывается причиной для сложившихся абсентеистских представлений о действительности. Пессимистичный взгляд как на собственное поколение, так и на условия жизни второго кластера может быть объяснён сформированной выученной беспомощностью. М. Виноградов и А. Суслова описывают это как «минимизацию деятельностной активности как таковой или даже утрату веры в ценность сегодняшнего дня» [40, с. 123]. При такой интерпретации требует подробного рассмотрения вопрос о том, почему участники второго кластера оказались свидетелями и участниками такого числа неудач, что видится направлением для дальнейших исследований.

Полученные результаты оказываются устойчивыми при изменении понимания логики ответа на вопросы респондентами в континууме от позиции Э. Ноэль-Нойнман [41] к позиции В. Чупрова и Ю. Зубок. Вне зависимости от того, будет ли рассматриваться, например, утверждение «Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать» результатом представления о том, что респондент полагает, что его окружение полагает о молодёжи (позиция Ноэль-Нойнман), либо же он констатирует сонастройку собственной ценности труда и ценности его сверстников, выводы останутся прежними, так как в первом случае итогом окажется инкорпорирование респондентом ценности труда в соответствии с ожиданиями окружения. Среди ограничений же следует назвать количественный дизайн исследования, который не позволяет поднимать более чувствительные темы, такие как опыт личных неудач. Также заслуживает внимания более детальное рассмотрение представленности обозначенных позиций по отдельным возрастным группам среди молодёжи. Несмотря на обнаруженные различия в возрасте между кластерами, они представляются небольшими (не более 2,09 года между средними значениями кластеров). Расширение выборочной совокупности позволит провести такой анализ.

Заключение. Полученные результаты позволяют отрицательно ответить на вопрос, содержащийся в заглавии статьи: есть ли в России третье потерянное поколение? Доля молодёжи, которая негативно отзывалась о себе, регулярно сталкивается с трудностями, полагает, что современное время не располагает к самореализации — представители второго обнаруженного кластера — составляют менее трети от всех респондентов (29,4%). Их превосходит в численности первый кластер (56,9%) — респонденты, которые полагают, что живут в лучшее время для самореализации, верят в современную молодёжь, считают, что она трудолюбива и стремится к идеалам, а также практически не сталкивается с трудностями. Третий кластер (13,7%) также полагает, что современная молодёжь живёт в лучшее из времён, но в то же время находит молодёжь безынициативной, ленивой, без идеалов. Есть опасения полагать, что если частота проблем, с которыми сталкивается третий кластер, возрастёт, он может примкнуть к отчуждённому второму кластеру, что даст больше оснований опасаться появления третьего потерянного поколения.

Библиографический список

1. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual Review of Sociology. 1975. Vol. 1, Issue 1. P. 165–190. DOI [10.1146/annurev.so.01.080175.001121](https://doi.org/10.1146/annurev.so.01.080175.001121).
2. Мальчукова Н. Н., Куликова С. В. Формирование профессионального самоопределения в ракурсе профессиональных династий // Агропродовольственная политика России. 2017. № 12(72). С. 174–178. EDN [YPLLWM](https://elibrary.ru/ypllwmm).

3. *Srinivas V.* Explaining the increase in young adults living with parents // *Journal of Economic Issues*. 2019. Vol. 53, № 4. P. 1017–1028. DOI [10.1080/00213624.2019.1664237](https://doi.org/10.1080/00213624.2019.1664237).
4. *Труфанова Е. О.* Субъект: вызовы цифровизации // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 4. С. 215–234. DOI [10.46539/gmd.v6i4.525](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525). EDN [WMSJIU](#).
5. *Тихонова И. Ю., Кравец А. С.* Парасоциальные отношения в современном мире // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2022. № 1(43). С. 41–49. EDN [PIOADS](#).
6. *Зубок Ю. А., Любутов А. С.* Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // *Россия реформирующаяся*. 2022. № 20. С. 339–378. DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13). EDN [JEIBXB](#).
7. Потенциал рефлексивной технологии в изучении изменяющегося общества / Г. И. Саганенко, А. Э. Гегер, К. К. Боярский [и др.] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13, № 1. С. 40–54. DOI [10.21638/spbu.12.2020.103](https://doi.org/10.21638/spbu.12.2020.103). EDN [IBLHIK](#).
8. *Мальцева В. А., Шабалин А. И.* Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // *Вопросы образования*. 2021. № 2. С. 10–42. DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-10-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42). EDN [VFPICX](#).
9. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ad Marginem, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
10. *Ван Ш., Жданова Л. А.* «Потерянное поколение» в современном русскоязычном публицистическом дискурсе // *Litera*. 2023. № 3. С. 1–10. DOI [10.25136/2409-8698.2023.3.39866](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.3.39866). EDN [INVAEM](#).
11. *Галинская И. Л.* «Потерянное поколение» и Гертруда Стайн // *Культурология*. 2016. № 4(79). С. 56–59. EDN [XIPIRR](#).
12. *Слезин А. А.* Общественные ожидания от построения коммунизма в начале 1960-х гг. // *Перспективы науки*. 2013. № 9(48). С. 74–76. EDN [RTDXGB](#).
13. *Ситицын Ф. Л.* Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 29–39. DOI [10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39). EDN [AATWIK](#).
14. *Гогина Л. П.* Творчество Владимира Маканина в коммуникативном диалоге «эпох безвременья»: социальный статус «потерянного поколения» // *Коммуникология*. 2019. Т. 7, № 1. С. 143–151. DOI [10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151). EDN [ONHLEY](#).
15. *Ряпосов А. Ю.* «Игра в бога» как метасюжет экранных произведений М. А. Захарова // *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2020. № 5(70). С. 126–135. EDN [ZHQTAR](#).
16. *Amninskii L.* The Sixties Generation, The Seventies Generation, The Eighties Generation... Toward a Dialectic of the Generations in Russian Literature // *Soviet Studies in Literature*. 1991. Vol. 27, № 4. P. 11–28. DOI [10.2753/RSL1061-1975270411](https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975270411).
17. *Lipovetskii M.* The Sovok Blues: The Writers of the Sixties Today // *Russian Studies in Literature*. 1998. Vol. 34, № 3. P. 5–27. DOI [10.2753/RSL1061-197534035](https://doi.org/10.2753/RSL1061-197534035).
18. *Канина С. Ю., Кукумова Г. В.* Образ второго «потерянного поколения» в новейшем романе (К. Крахт *Faserland*, С. Минаев *Duxless*) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016. № 1. С. 130–135. EDN [WXOOQP](#).
19. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось : Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. ISBN 978-5-4448-0190-1.
20. *Радаев В. В.* Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. 2018. № 3. С. 51–65. DOI [10.7868/S0869049918030048](https://doi.org/10.7868/S0869049918030048). EDN [XNSBDF](#).
21. *Омельченко Е. Л.* Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2024. Т. 16, № 2. С. 10–28. DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1). EDN [AATYIC](#).
22. *Williams Ch., Chuprov V., Zubok Yu.* Youth, risk and Russian modernity. Aldershot (Hants) : Ashgate, 2003. ISBN 1-85521-915-8. EDN [QODRLX](#).
23. *Третьяков В. Т.* Эпоха застоя — «золотой век» СССР и России // *Философия хозяйства*. 2009. № 5(65). С. 239–251. EDN [OHSRSZ](#).
24. *Садыкова Х. Н.* Генезис научных представлений о поколении как социокультурном феномене // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-2. С. 213. EDN [TXUYDE](#).
25. *Сумская А. С.* «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2022. № 2(44). С. 171–183. DOI [10.47475/2070-0695-2022-10221](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221). EDN [XHUWCI](#).

26. *Васильева В. А.* Теория Штрауса — Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 13–18. EDN [VDUBRP](#).
27. *Иванов Д. В., Асочаков Ю. В.* Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI [10.31857/S013216250024389-0](#). EDN [QSVXAO](#).
28. *Микиртумов И.* Время труда и время досуга: отчуждение в эпоху цифровизации // Stasis. 2022. Т. 10, № 1. С. 38–76.
29. *Чупров В. И., Михеева В. В.* Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине. М. : Норма. 2015. 160 с. ISBN 978-5-91768-587-8.
30. *Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А.* Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019. 208 с. ISBN 978-5-91768-995-1. EDN [HKLNUZ](#).
31. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](#).
32. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Социокультурные установки в саморегуляции представлений молодежи о будущем // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 112–133. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](#). EDN [EIFNDP](#).
33. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](#). EDN [QATYVU](#).
34. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](#). EDN [HMLFLO](#).
35. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, А. С. Любутов, О. В. Сорокин // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23–36. DOI [10.31857/S013216250014766-5](#). EDN [SBPAJB](#).
36. Young Masculinities and Right-Wing Populism in Australia / P. Nilan, J. Roose, M. Peucker, B. S. Turner // Youth. 2023. Vol. 3, No. 1. P. 285–299. DOI [10.3390/youth3010019](#). EDN [YZLQQQ](#).
37. The youth gender gap in support for the far right / Ё. Milosav, Z. Dickson, S. B. Hobolt [et al.] // Journal of European Public Policy. 2025. P. 1–25. DOI [10.1080/13501763.2025.2481181](#).
38. *Capelos T., Nield E., Salmela M.* Narratives of success and failure in resentment: Assuming victimhood and transmuting frustration among young Korean men // Social Sciences. 2023. Vol. 12, No. 5. P. 259. DOI [10.3390/socsci12050259](#). EDN [UXFITK](#).
39. *Красиков В. И.* Онлайн-радикализация молодежи: предпосылки и механизмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 108–122. DOI [10.17223/1998863X/80/10](#). EDN [SNQMLL](#).
40. *Виноградов М. Ю., Суслова А. А.* Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 4(107). С. 123–145. DOI [10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145](#). EDN [FTUSVO](#).
41. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение : Открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с. ISBN 5-85864-035-4.

Поступила: 01.08.2025. Доработана: 02.09.2025. Принята: 08.09.2025.

Сведения об авторах:

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. m.rusakova@spbu.ru
Author ID РИНЦ: [73691](#); ORCID: [0000-0002-4597-2837](#)

Ткач Сергей, ведущий социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. [s.tkach@spbu.ru](mailto.s.tkach@spbu.ru)
Author ID РИНЦ: [1192469](#); ORCID: [0000-0001-5016-9187](#)

М. М. Rusakova¹, S. Tkach¹

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

IS THERE A THIRD LOST GENERATION IN RUSSIA?

Abstract. In the recent history of Russia, it is customary to distinguish two “lost generations” — whose youth fell on the turn of the 1960s–1970s and the 1980s of the twentieth century. A number of contemporary researchers put forward hypotheses about the possible formation of a new, third lost generation. Among the grounds for such assumptions are the growth of alienation in the context of digital society, the transformation of values, and difficulties in social self-realization. To test the stated hypothesis, the authors conducted an empirical study within a quantitative paradigm: a representative telephone survey of Russian residents was carried out in July–September 2022 (N=2500). For analysis, questionnaires of respondents aged 18 to 35 were selected (n=840). The results of cluster analysis revealed three stable youth groups. The first cluster (56.9% of respondents) is characterized by an optimistic assessment of contemporary conditions as the most favorable for self-realization; its representatives evaluate youth as hardworking, striving for knowledge and high ideals, and problems among their peers, according to their assessments, occur rarely. The second cluster (29.4% of respondents), on the contrary, experiences alienation from contemporary society: youth are perceived as lacking initiative and ideals, and respondents’ peers, in their opinion, face a wide range of difficulties, primarily related to housing and material well-being. The third cluster (13.7% of respondents) believes that modern society provides youth with the best opportunities for development, yet considers that youth do not seek to take advantage of them, demonstrating absenteeism. The relatively small size of the second cluster does not allow one to speak of the formation of a new lost generation. The results obtained contribute to the existing academic discussion on the possible causes of youth radicalization, as well as the prevalence of the phenomenon of learned helplessness.

Keywords: youth, life world, self-regulation, life failures, life strategies, lost generation, alienation

For citation: Rusakova M. M., Tkach S. Is there a third lost generation in Russia? *Science. Culture. Society.* 2025;31(3):56–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.4>

References

1. Elder G. H. Age differentiation and the life course. *Annual Review of Sociology.* 1975;1(1):165–190. DOI [10.1146/annurev.so.01.080175.001121](https://doi.org/10.1146/annurev.so.01.080175.001121).
2. Malchukova N. N., Kulikova S. V. Formation of professional self-determination in the perspective of professional dynasties. *Agro-food policy in Russia.* 2017;(12):174–178. (In Russ.).
3. Srinivas V. Explaining the increase in young adults living with parents. *Journal of Economic Issues.* 2019;53(4):1017–1028. DOI [10.1080/00213624.2019.1664237](https://doi.org/10.1080/00213624.2019.1664237).
4. Trufanova E. O. The subject: challenges of the digital. *Galactica Media: Journal of Media Studies.* 2024;6(4):215–234. (In Russ.). DOI [10.46539/gmd.v6i4.525](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525).
5. Tikhonova I. U., Kravets A. S. Parasocial relations in the modern world. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy.* 2022;(1):41–49. (In Russ.).
6. Zubok Yu. A., Lyubutov A. S. Youth in the socio-cultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation. *Rossija reformirujushhajasja.* 2022;(20):339–378. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13).
7. Saganenko G. I., Geger A. E., Boyarsky K. K. [et al.]. The potential of reflective technology in the study of a changing society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology.* 2020;13(1):40–54. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu.12.2020.103](https://doi.org/10.21638/spbu.12.2020.103).
8. Maltseva V. A., Shabalin A. I. The non-bypass trajectory, or the boom in demand for TVET in Russia. *Educational Studies Moscow.* 2021;(2):10–42. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-10-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42).
9. Standing G. The precariat: the new dangerous class. Moscow: Ad Marginem; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-209-8.
10. Wang Sh., Zhdanova L. A. The “lost generation” in modern Russian-language journalistic discourse. *Litera.* 2023;(3):1–10. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8698.2023.3.39866](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.3.39866).
11. Galinskaya I. L. “The Lost Generation” and Gertrude Stein. *Culturology.* 2016;(4):56–59. (In Russ.).

12. Slezin A. A. Social expectations from communism formation in the early 1960s. *Science Prospects*. 2013;(9):74–76. (In Russ.).
13. Sinitsyn F. L. The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982). *Izvestiya of Saratov University. History, International Relations*. 2022;22(1):29–39. (In Russ.). DOI [10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39).
14. Gogina L. P. The writings of Vladimir Makanin in the communicative dialogue of the epochs of troubled times: the social status of the “lost generation”. *Communicology (Russia)*. 2019;7(1):143–151. (In Russ.). DOI [10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151).
15. Ryaposov A. Yu. “Playing god” as a meta-plot of the screen works of M. A. Zakharov. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*. 2020;(5):126–135. (In Russ.).
16. Anninskii L. The Sixties Generation, The Seventies Generation, The Eighties Generation... Toward a Dialectic of the Generations in Russian Literature. *Soviet Studies in Literature*. 1991;27(4):11–28. DOI [10.2753/RSL1061-1975270411](https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975270411).
17. Lipovetskii M. The Sovok Blues: The Writers of the Sixties Today. *Russian Studies in Literature*. 1998;34(3):5–27. DOI [10.2753/RSL1061-197534035](https://doi.org/10.2753/RSL1061-197534035).
18. Kanina S. Yu., Kuchumova G. V. Mage of the second “lost generation” in the latest novel (K. Kracht *Faserland*, S. Minaev *Gudless*). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2016;(1):130–135. (In Russ.).
19. Yurchak A. It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0190-1.
20. Radaev V. V. Farewell to the Soviet Ordinary Man! *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*. 2018;(3):51–65. (In Russ.). DOI [10.7868/S0869049918030048](https://doi.org/10.7868/S0869049918030048).
21. Omelchenko E. L. Forgotten generation X. A Retrospective look from the future. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2024;16(2):10–28. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1).
22. Williams Ch., Chuprov V., Zubok Yu. Youth, risk and Russian modernity. Aldershot (Hants): Ashgate; 2003. ISBN 1-85521-915-8.
23. Tretyakov V. T. The epoch stagnation — the “Goldage” for USSR and Russia. *Filosofija hozjajstva*. 2009;(5):239–251. (In Russ.).
24. Sadykova Kh. N. Genezis scientific ideas about the generation as a sociocultural phenomena. *Modern problems of science and education*. 2015;(1-2):213. (In Russ.).
25. Sumskaya A. S. “Digital natives” as a new Russian “lost generation”? *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2022;(2):171–183. (In Russ.). DOI [10.47475/2070-0695-2022-10221](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221).
26. Vasilyeva V. A. The Strauss-Howe theory and other generational concepts as a basis for analyzing the phenomenon of plagiarism among students. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2023;(7):13-18. (In Russ.).
27. Ivanov D. V., Asochakov Yu. V. Digitalization and critical theory of society. *Sociological Studies*. 2023;(6):16–28. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024389-0](https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0).
28. Mikirtumov I. The Time of Work and the Time of Leisure: Alienation in the Era of Digitalization. *Stasis*. 2022;10(1):38–76. (In Russ.).
29. Chuprov V. I., Mikheeva V. V. Trust in self-regulation of social interactions in conditions of uncertainty. Why is there no peace in Ukraine. Moscow: Norma; 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-587-8.
30. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Trust in self-regulation of a changing social reality. Moscow: Norma; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-995-1.
31. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
32. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Sociocultural attitudes in the self-regulation of youth's ideas about the future. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):112–133. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.8).
33. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
34. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
35. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Lyubutov A. S., Sorokin O. V. Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sociological Studies*. 2021;(10):23–36. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014766-5](https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5).

36. Nilan P., Roose J., Peucker M., Turner B. S. Young masculinities and right-wing populism in Australia. *Youth*. 2023;3(1):285–299. DOI [10.3390/youth3010019](https://doi.org/10.3390/youth3010019).
37. Milosav Đ., Dickson Z., Hobolt S. B. [et al.] The youth gender gap in support for the far right. *Journal of European Public Policy*. 2025:1–25. DOI [10.1080/13501763.2025.2481181](https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2481181).
38. Capelos T., Nield E., Salmela M. Narratives of success and failure in resentment: Assuming victimhood and transmuting frustration among young Korean men. *Social sciences*. 2023;12(5):259. DOI [10.3390/socsci12050259](https://doi.org/10.3390/socsci12050259).
39. Krasikov V. I. Online radicalization of youth: prerequisites and mechanisms. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024(80):108–122. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/80/10](https://doi.org/10.17223/1998863X/80/10).
40. Vinogradov M. Yu., Suslova A. A. The phenomenon of social apathy and its relevance in modern Russia. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"*. 2022;(4):123–145. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145).
41. Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung: Die Entdeckung der Schweigespirale. Moscow: Progress-Akademija, Ves' Mir; 1996. (In Russ.). ISBN 5-85864-035-4.

Received: 01.08.2025. Corrected: 02.09.2025. Accepted: 08.09.2025.

Author information:

Maya M. Rusakova, Candidate of Sociology, Associate professor,
Director of the Center for Applied Sociology,
St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
m.rusakova@spbu.ru
ORCID: [0000-0002-4597-2837](https://orcid.org/0000-0002-4597-2837)

Sergey Tkach, Leading Sociologist, Center for Applied Sociology,
St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
s.tkach@spbu.ru
ORCID: [0000-0001-5016-9187](https://orcid.org/0000-0001-5016-9187)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.5)
EDN [EWLCNB](https://www.edn.ru/ewlcnb)
УДК 316.47

А. В. Швецова¹, А. С. Казько¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ВИЗУАЛЬНЫХ НОВЕЛЛАХ: НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Исследование посвящено изучению влияния социальных паттернов, формируемых в визуальных новеллах (интерактивных текстовых играх), на коммуникативные практики молодёжи. На основе анализа полуструктурированных интервью с игроками (N=8) выявлены механизмы конструирования игровой идентичности и их связь с реальными практиками. Данные демонстрируют три ключевые стратегии выбора персонажа: саморепрезентация (стремление к визуальному и характерологическому соответствию), эстетический эксперимент (создание идеализированного «я») и нарративная иммерсия (подчинение образа логике сеттинга). Игроки проецируют личные ценности на внутриигровые выборы, однако перенос этих моделей в реальность ограничен из-за осознания условности игрового пространства. Доминирующие паттерны взаимодействия (фокус на одном романтическом фаворите, инструментальная дружба, игнорирование второстепенных персонажей) отражают прагматизм и селективность, характерные для современных социальных взаимодействий. При этом игры выступают тренажёром для тестирования ролей, позволяя игрокам экспериментировать с агрессией, альтруизмом или импульсивностью без реальных последствий. Основное влияние визуальных новелл проявляется через саморефлексию (анализ расхождений между «игровым» и реальным «я») и расширение культурного кругозора (изучение мифологии, истории). Социальная активность стимулируется косвенно, преимущественно через сюжеты, связанные с университетской средой. Выявлен конфликт между запросом игроков на инклюзивность (например, реалистичное представление тела) и коммерческими шаблонами, воспроизводящими стереотипы красоты. Результаты подчёркивают потенциал визуальных новелл как инструмента цифровой социализации, особенно для молодёжи, и необходимость разработки механик, преодолевающих нормативные ограничения. Работа вносит вклад в понимание гибридных форм цифровой социализации в условиях роста популярности сюжетно-ориентированных игр.

Ключевые слова: молодёжь, цифровизация, визуальные новеллы, коммуникация, социализация, социальные паттерны

Для цитирования: Швецова А. В., Казько А. С. Социальные паттерны в визуальных новеллах: новые коммуникативные практики молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 72–82. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.5). EDN [EWLCNB](https://www.edn.ru/ewlcnb).

Введение. Современный этап цифровой трансформации необратимо меняет ландшафт досуга молодёжи, смещая привычные формы социального взаимодействия в виртуальное пространство. Особый интерес в этом контексте представляют гибридные медиаформаты, сочетающие игровые механики и нарративные стратегии, среди которых выделяются визуальные новеллы — инте-

активные текстовые игры, где сюжет развивается через выбор игрока, сопровождаемый статичной или анимированной графикой, музыкой и диалогами [1]. Будучи на стыке литературы, кино и гейминга, они не только предлагают развлечение, но и становятся площадкой для моделирования социальных отношений. Визуальные новеллы воссоздают системы коммуникации, имитируя диалоги, принятие решений, управление эмоциями персонажей, что позволяет рассматривать их как социальные симуляторы. Через эти механизмы игры транслируют паттерны взаимодействия, которые, с одной стороны, отражают реальные практики молодёжи, а с другой — формируют новые поведенческие практики, замещая или дополняя офлайн-общение.

Смысл визуальной новеллы заключается в создании чувственного опыта, который позволяет игроку пережить символическое «включение» в культуру через сюжет, визуальные образы и взаимодействие. Игрока привлекает комплексное воздействие: интерактивность (возможность влиять на развитие истории через выбор), визуальная стандартизация (узнаваемые архетипы персонажей и локаций, снижающие когнитивную нагрузку), текстовая плотность (сюжеты, основанные на мифологических и сказочных паттернах), а также производство присутствия (ощущение соучастия в ритуальном действе) [2]. Эти элементы вместе формируют эмоциональное погружение, делегируя игроку роль не пассивного зрителя, а активного участника, который через кинестетические действия (нажатия, выборы) «проживает» цифровую инициацию, компенсируя отсутствие реальных ритуалов в современном мире.

Цель данной работы — исследовать социальные паттерны, встроенные в визуальных новеллах, и их связь с коммуникативными практиками российской молодёжи. В фокусе анализа три ключевых задачи. Во-первых, изучить механику выбора персонажа (конструирование образа, особенности переноса черт собственной внешности и характера). Во-вторых, выявить паттерны взаимодействия с другими персонажами (определённые нормы взаимодействия, интерпретация их игроками и переработка в исходные нарративы). В-третьих, оценить, каким образом усвоенные в играх модели влияют на реальные коммуникативные практики пользователей, формируя гибридные формы социализации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления трансформации общения в условиях цифровизации. Она также подкрепляется значительным охватом аудитории визуальных новелл, что подтверждается данными популярности ключевых платформ (глобальная аудитория приложений, согласно позициям в рейтингах Google Play и App Store, оценивается в десятки миллионов пользователей; российские фан-клубы насчитывают от нескольких тысяч до полутора миллионов участников)¹. Целевая аудитория жанра — преимущественно молодёжь: 70% пользователей составляют женщины 16–35 лет, что отражает гендерно-возрастную специфику, однако рост разнообразия сюжетов (от романтики до фэнтези и хоррора) постепенно расширяет аудиторию. Таким образом, феномен визуальных новелл, будучи тренажёром социальных навыков, становится важным объектом для анализа новых культурных кодов поколения Z и Alpha.

Несмотря на растущий интерес молодёжи к визуальным новеллам, соответствующие исследования в российской академической среде пока остаются

¹ Например, «Лига Мечтателей – визуальные новеллы» — 72 тыс. подписчиков. URL: https://vk.com/league_of_dreamers1; «Seven Hearts Stories – Визуальные новеллы» — 43 тыс. подписчиков. URL: <https://vk.com/sevenheartsstories>; «Клуб Романтики – Мои Истории» — 1,5 млн подписчиков. URL: <https://vk.com/romanceclubofficial> (дата обращения: 16.05.2025).

нишевой темой. Значительная часть работ носит фрагментарный характер или упоминает их в контексте более широких вопросов (например, цифровая культура, геймификация). В качестве наиболее освещённого, стоит выделить направление исследований, фокусирующихся на роли визуальных новелл в формировании языковых и профессиональных компетенций. Филологи описывают преимущества визуальных новелл перед традиционными форматами обучения, которые выражаются в снижении эмоционального фильтра, воздействии на их эмотивную сферу [3], что открывает возможности их использования в качестве инструмента отработки навыков в области чтения, грамматики и для обогащения словарного запаса при изучении иностранного языка [4]. Специалисты считают, что визуальные новеллы воплощают идеи альтернативных методов обучения и создают антураж, стимулирующий заинтересованность обучающихся [5]. Людмила Токарская и коллеги исследуют потенциал визуальной новеллы для обучения детей с ОВЗ социально-бытовым навыкам [6]. С другой стороны, существуют исследования, анализирующие негативное влияние новелл на психику детей и молодёжи. Андрей Голенков и Дмитрий Петров описывают случай самоубийства из клинической практики, когда 15-летний подросток покончил с собой в результате «безответной» любви к героине визуальной новеллы с элементами симулятора свиданий [7]. В целом в психиатрических исследованиях определяется тенденция рассматривать увлечение визуальными новеллами как фактор аутодеструктивного поведения [8].

Теневой статус темы влияния визуальных новелл на коммуникативные практики молодёжи объясняется тем, что, во-первых, визуальные новеллы традиционно воспринимаются как «пассивное» поле, где игрок ограничен выбором готовых реплик. Во-вторых, академическое сообщество лишь недавно обратило внимание на гибридность формата, сочетающего элементы игры, литературы и социальной сети, что требует междисциплинарных подходов на стыке социологии и цифровой коммуникации. В-третьих, сложности методологии, поскольку для изучения коммуникативных практик необходимо анализировать не только внутриигровые механики (диалоги, систему отношений), но и внеигровые ситуации, что усложняется нежеланием игроков обсуждать эту тему с внешними наблюдателями (в том числе, избегая стигматизации и осуждения). Таким образом, пробел обусловлен как теоретическим недооцениванием социального измерения новелл, так и практическими барьерами. Данное исследование впервые рассматривает визуальные новеллы как «лаборатории» цифровой социализации, где моделируются, воспроизводятся и трансформируются социальные взаимодействия.

Методология и методы исследования. Методология исследования построена на междисциплинарном подходе, объединяющем теорию игр и символический интеракционизм. Концепция символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Г. Блумер), акцентирует роль интерпретации знаков и социальных ролей в процессе коммуникации, что позволяет исследовать, как игроки наделяют смыслом выборы персонажа (например, кастомизацию внешности или имени) и взаимодействия с другими героями, конструируя собственную идентичность в цифровом пространстве. Теория игр, в свою очередь, используется для анализа структуры ветвления сюжета и системы отношений как инструментов моделирования социальных ситуаций, где решения игрока отражают рациональный выбор в условиях ограниченной агентности.

Эмпирическая часть основана на серии полуструктурированных интервью с молодыми людьми, играющими в визуальные новеллы. Критерии отбора респондентов: возраст до 35 лет и игровой стаж не менее одного года. В исследовании приняло участие 8 человек, проживающих в г. Екатеринбурге. Все интервью были получены с согласия респондентов, записаны на диктофон, после чего транскрибированы дословно и анонимизированы. Процедура анализа была проведена с помощью программы MAXQDA 24 и включала в себя следующие этапы:

1. Первичное открытое кодирование — на основе задач исследования и вопросов гайда созданы базовые коды;
2. Иерархия кодов — коды сгруппированы в категории, например, «Игровая механика», «Реальные практики»;
3. Сегментирование текста — выделены значимые цитаты, связанные с ключевыми темами.

Анализ и интерпретация полученных данных включает три уровня, соответствующих задачам исследования: изучение механик выбора персонажа, выявление паттернов взаимодействия и оценка влияния на реальные коммуникативные практики. Ограничения исследования связаны с доминированием женской аудитории в выборке и субъективностью интерпретации качественных данных.

Механика выбора персонажа. Отправной точкой нашего исследования было предположение о том, что механика выбора персонажа в визуальных новеллах выступает не просто инструментом создания аватара, а скорее рефлексивным пространством для конструирования идентичности, где пересекаются личные травмы, социальные нормы и цифровые фантазии. Однако шесть из восьми наших респондентов отрицают моделирование образа персонажа на основе схожести с собой, утверждая, что они не соотносят его со своей личностью. Вместе с тем кодирование позволяет выделить три ключевых мотива, определяющих выбор внешности и характера персонажа: саморепрезентация, эстетический эксперимент и нарративная иммерсия. Для некоторых игроков визуальное соответствие персонажа собственной идентичности становится способом преодоления дискриминации:

«Как для человека, который сталкивался с дискриминацией по самым разным причинам для меня 1000% крайне важно, чтобы мой персонаж визуально соответствовал мне по внешности, по телосложению, по цвету кожи, по цвету волос, по цвету глаз, на самом деле — по всем внешним характеристикам» (респондент 1).

«Наверное, все-таки хотелось бы, чтобы был чуть похож. Я оформляю персонажа, следуя своему вкусу, особенно в одежде и причёске. Всегда стараюсь одевать персонажа в то, что мне нравится, даже если наряд неприлично дорогой» (респондент 7).

Однако даже в этом случае дизайн персонажей остаётся заложником «приемлемых общественных стандартов красоты» (например, опция «пышного телосложения» критикуется за явные отличия от реальной полноты). Это отражает конфликт между стремлением к инклюзивности и коммерциализированными шаблонами, воспроизводящими господствующие нормы.

Другая группа игроков использует кастомизацию для эстетического самовыражения, где внешность персонажа дистанцирована от реального «я»:

«Для меня визуальная новелла — возможность побыть на месте той, кем никогда не будешь в жизни, а также в обстоятельствах, которые зачастую в ней просто нереальны... Главное, чтобы мне нравилось то, что я вижу» (респондент 2).

«Я выбираю просто по красоте отрисовки этого персонажа. То есть, я могла создать себе полную противоположность, и она бы меня устраивала чисто за счёт визуала» (респондент 6).

В данном случае персонаж становится «идеальным я» или арт-объектом, что коррелирует с концепцией «парасоциальных отношений» [9], где пользователь проецирует желаемые черты на цифровой аватар. Эстетический выбор часто компенсирует ограничения реальности, например, дорогие вещи, недоступные в жизни, или романтические отношения.

Третья стратегия заключается в выборе персонажа, соответствующего логике сеттинга. Персонаж здесь проявляется не как проекция «я», а как элемент нарратива, усиливающий погружение. Игроки сознательно отказываются от саморепрезентации ради иммерсивности:

«Главное, чтобы героиня соответствовала тому сеттингу, в котором она находится, и история в целом выглядела канонично» (респондент 4).

«Я подбираю внешность персонажа больше под сюжет игры, чем под себя. Например, в славянской истории у меня девушка блондинка, потому что, по моим ощущениям, чаще всего славяне все были блондинами, а в историях про ведьм мои героини рыжие» (респондент 8).

Поскольку большинство протагонистов — женщины, у мужчин-игроков возможности выбора персонажа «похожего на себя» отсутствуют. Однако игра рассматривается как терапевтический инструмент, где «другой опыт» позволяет справиться с эмоциональной пустотой.

«Когда мне было плохо... проживал жизнь лампового персонажа, и было проще вставать с кровати» (респондент 5).

Таким образом, через управление «идеальным» аватаром пользователи компенсируют эмоциональные дефициты, превращая игру в инструмент психологической адаптации. Механика выбора персонажа в визуальных новеллах функционирует как «зеркало» социальных противоречий: она одновременно отражает запрос на инклюзивность, закрепляет стереотипы и предлагает платформу для их деконструкции через игровые эксперименты. Это делает её ключевым элементом цифровой социализации, где молодёжь учится балансировать между конформностью и самовыражением.

Ключевые паттерны взаимодействия. Визуальные новеллы формируют у игроков устойчивые паттерны взаимодействия, которые отражают как игровые механики, так и глубинные социальные установки. Одним из наиболее выраженных паттернов является *инструментальная дружба*, подчинённая прагматическим целям. Она проявляется в установлении связей с персонажами, которые полезны для сюжета или обладают визуальной привлекательностью. Игроки рационально распределяют ресурсы, стремясь к достижению целей. Страх негативных последствий, таких как гибель персонажа при недостаточной «прокачке» отношений, подталкивает игроков к налаживанию дружеских связей для достижения «счастливого финала» вопреки своим собственным представлениям.

«Даже если персонаж мне не очень нравится, стараюсь качать дружеские отношения, потому что так есть хоть какая-то надежда на то, что это как-то поможет в финале» (респондент 8).

«Чем больше дружеских и приятельских взаимоотношений ты поддерживаешь, тем больше шанс, что в финале все останутся живы» (респондент 1).

«...если не качать дружбу, то персонаж в финале может умереть» (респондент 2).

Этот подход напоминает логику отношений, когда взаимодействия рассматриваются как инвестиции, а их ценность определяется потенциальной отдачей. Здесь же присутствует доминанта **романтического выбора**, когда игроки концентрируются на построении отношений с одним персонажем и видят в этом один из ключей, необходимых для «идеальной концовки». Эта стратегия, с одной стороны, воспроизводит моногамные социальные нормы, а с другой — усиливает игровой дизайн, где романтические линии часто связаны с вознаграждениями. Даже в рамках **универсального альтруизма**, когда игроки стремятся поддерживать дружелюбие со всеми, сохраняется иерархия вовлеченности: фавориты получают приоритет, второстепенные персонажи — формальное участие, необходимое лишь для того, чтобы прокаченный уровень отношений расположил их к персонажу игрока в нужный момент.

«Я сразу понимаю, какого фаворита я бы выбрала, и я стараюсь в дальнейшем прокачивать взаимоотношения романтического характера только с ним» (респондент 1).

«Я стараюсь выбрать наиболее интересных для себя персонажей и углубляться в общение с ними. Как правило, это один потенциальный романтический интерес и пара-тройка дружеских отношений» (респондент 3).

«Больше всего вкладываю алмазов в фаворита, конечно» (респондент 8).

В противовес этому возникает **адаптивная романтика**, где выбор фаворита корректируется по мере развития сюжета. Игроки, руководствуясь динамикой персонажей и собственными впечатлениями, откладывают окончательное решение. Этот паттерн отражает гибкость социальных взаимодействий, характерную для реальных практик накопления доверия. Романтический интерес формируется через постепенное раскрытие характеров, решения принимаются на основе накопленной информации. При этом игроки нередко комбинируют стратегии, переходя от инструментальной дружбы к романтике, если персонаж демонстрирует неожиданную глубину.

«Конечно, сначала смотрю на визуал, ну а потом, если что-то изменяется в ходе игры, то мне очень помогает то, что дружеские отношения уже прокачаны, можно переходить и в романтические. Поэтому фаворит выбирается потом, сначала — все друзья» (респондент 6).

Игнорирование второстепенных персонажей становится ещё одним распространённым паттерном, обусловленным как нарративной незначительностью таких героев, так и когнитивной экономией. Игроки экономят ресурсы, фокусируясь на ключевых фигурах. Этот подход отражает реальную селективность внимания в условиях информационной перегрузки, где взаимодействия фильтруются по принципу прагматической полезности. Непривлекательные или «скучные» персонажи маргинализируются, что отражает тенденцию к оптимизации социальных инвестиций.

«Если это скучный или, на мой взгляд, не очень привлекательный внешне персонаж, я не буду на него тратить ресурсы, чтобы он много экранного времени не занимал» (респондент 7).

«В отношении второстепенных персонажей я часто выбираю случайные реплики, порой даже не задумываясь и не волнуясь о том, к чему это может привести» (респондент 3).

Осознанная антипатия к определённым персонажам формируется на основе их действий, черт или нарративных ролей. Игроки сознательно выбирают жёсткий стиль общения, порой намеренно ухудшая отношения. Этот паттерн, коренящийся в нарушении ожиданий, воспроизводит социальный механизм исключения, где «неудобные» индивиды получают соответствующие ярлыки. Антипатия становится не только эмоциональной реакцией, но и инструментом контроля над игровым пространством, позволяя игрокам утверждать собственную агентность в условиях ограниченной свободы выбора.

«Если уж персонаж мне совсем не нравится, я буду настроен к нему достаточно агрессивно, осознанно буду портить отношения» (респондент 5).

«В визуальных новеллах эмоциональных персонажей выдают какими-то немножко истеричными» (респондент 6).

Важно отметить, что специфической особенностью виртуальных коммуникативных практик респондентов является стремление выйти за нормативные рамки традиционных моделей общения. Эксперименты с поведением, такие как выбор импульсивных реплик («Иногда я выбираю не поддающиеся логике реплики и действия... чтобы просто узнать, что может быть дальше и как такую смену поведения прописали авторы. В этом и прелесть игр — такая импульсивность здесь, в отличие от реальной жизни, вполне приемлема», респондент 3), становятся формой цифровой терапии, позволяя игрокам тестировать социальные роли без реальных последствий. С одной стороны, игры воспроизводят конформность через стереотипы и нормы, с другой — дают возможность экспериментировать без физических последствий, проявляя свою агентность. Таким образом, визуальные новеллы выступают не только развлечением, но и тренажёром коммуникативных стратегий, где молодёжь учится балансировать между сотрудничеством, конкуренцией и манипуляцией, перенося эти навыки в реальность или компенсируя ими дефициты реальности.

На рисунке 1 представлены соотношения паттернов в выборке исследования. Данные свидетельствуют о комбинации паттернов игроками, однако ведущим среди них остаётся инструментальная дружба как стратегия «безтравматичного» прохождения новеллы.

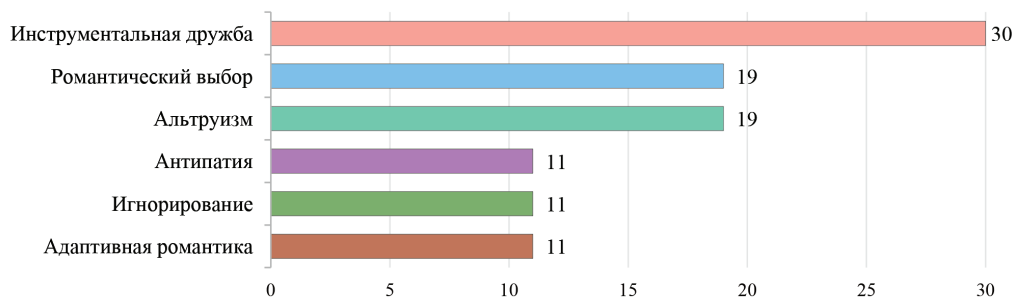

Рисунок 1. Распределение паттернов взаимодействия в визуальных новеллах (%)

Влияние паттернов игрового поведения на реальные коммуникативные практики. Анализ интервью позволяет выявить сложную взаимосвязь между игровым опытом и реальными коммуникативными практиками. Большинство респондентов подчёркивают чёткое разделение между виртуальным и реальным мирами (*«Есть мир игр и реальная жизнь. В мире визуальных новелл всё идёт согласно прописанному сюжету и характерам персонажей»*, респондент 4). Подобное разграничение объясняется осознанием условности игровых отношений, которые, по словам респондентов, не совпадают с тем, что есть в обычной жизни. Личные коммуникативные модели участников часто проецируются на игровые выборы, а не наоборот. Респондент 1 говорит: *«Мой собственный стиль общения всегда влияет на выбор, который я делаю за своего персонажа, потому что, если персонаж отвечает моим критериям по репрезентации, я рада прожить его историю, а если персонаж этим критериям не отвечает, я всего лишь подгоняю историю под свои принципы, вот и все»*. Это подтверждает тезис о том, что игроки склонны переносить в виртуальное пространство собственные ценности и нормы, адаптируя сюжет под свои принципы. Трое участников интервью отметили, что при первом прохождении новеллы выборы полностью отражают их собственный стиль, тогда как повторные прохождения позволяют экспериментировать с альтернативными сценариями.

Важным аспектом становится саморефлексия, которую провоцирует несоответствие между «игровой» и реальной личностью. *«В игре я куда добрее и милее, чем в реальной жизни... можно сделать интересные выводы о себе»*, — делится респондент 3. Кроме того, участники анализируют манипулятивные механики, встроенные в игры (микротранзакции, сюжетные ограничения, «выкачку» денег). Тем не менее, подобные элементы воспринимаются как часть игровой условности и не переносятся в реальность. Игроки подчёркивают рациональное отношение к подобным механикам: *«Игра — только игра. Если стратегия сработала в игре... не значит, что сработает в жизни»* (респондент 4).

Влияние визуальных новелл на социальную активность оказалось минимальным. Большинство респондентов отрицают связь между игрой и участием в волонтерстве или активизме, за исключением единичных случаев. Одна из участниц упомянула, что игровая история, связанная с университетской жизнью, косвенно подтолкнула её к волонтерству: *«Мой персонаж участвует в различного рода активностях... и тем самым с ней происходят события интересные, она обзаводится новым кругом общения. И, я думаю, именно идея того, чтобы расширить своё мировоззрение и попробовать что-то новое, меня подтолкнула к тому, что я приняла участие в этой волонтерской деятельности»* (респондент 6).

Таким образом, паттерны игрового поведения в визуальных новеллах редко трансформируются в реальные коммуникативные практики, однако они выполняют функции зеркала для саморефлексии и катализатора познавательной активности. Как резюмирует один из участников: *«Это проекция. Я воплотил все эти эмоции в игре за своего персонажа и все — закрыл приложение, пошёл спать»* (респондент 5).

Заключение. Проведённое исследование социальных паттернов в визуальных новеллах выявило их двойственную роль в формировании коммуникативных практик молодёжи. С одной стороны, игры выступают пространством для экспериментов с идентичностью, где пересекаются личные ценности, эсте-

тические предпочтения и социальные нормы. С другой — их влияние на реальные взаимодействия остаётся опосредованным, ограничиваясь рефлексией и познавательной активностью. Результаты подтверждают, что механики выбора персонажа функционируют как «цифровое зеркало», отражающее запрос на инклюзивность, но сталкивающееся с коммерциализированными стандартами. Игроки сталкиваются с ограничениями шаблонной кастомизации, тогда как эстетические эксперименты и нарративная иммерсия позволяют компенсировать социальные дефициты. Этот конфликт между конформностью и самовыражением становится ключевым элементом цифровой социализации, особенно для молодёжи, ищущей баланс между принятием норм и их деконструкцией.

Анализ паттернов взаимодействия выявил их параллели с реальными коммуникативными стратегиями. Доминанта романтического выбора, инструментальная дружба и селективное внимание к персонажам отражают как прагматизм современных социальных практик, так и стремление к эмоциональной безопасности. При этом игры предоставляют уникальную возможность тестировать роли без последствий, выступая тренажёром для развития гибкости в общении. Однако перенос этих моделей в реальность остаётся редким, что подчёркивает условность игрового пространства. Влияние на реальные коммуникативные практики проявляется преимущественно через саморефлексию и расширение кругозора. Игроки отмечают, что новеллы стимулируют изучение культурных контекстов или побуждают к социальной активности в исключительных случаях. Однако основная функция новелл заключается в возможности «отдохнуть» от реальности, проживая эмоции, недоступные в повседневной жизни.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с углублением в долгосрочное влияние визуальных новелл на формирование идентичности, особенно среди молодёжи, для которой игровые паттерны могут стать основой социализации. Актуальным направлением является разработка инклюзивных механик, преодолевающих стереотипы, а также интеграция образовательных элементов в сюжеты для усиления познавательного потенциала. В качестве практических рекомендации для исследователей может быть предложен фокус на изучении трансформации игровых паттернов в реальные навыки в условиях цифровизации коммуникации. Визуальные новеллы, воспринимаясь как развлечение, постепенно эволюционируют в площадку для диалога между виртуальным миром и реальностью. Их потенциал как инструмента цифровой социализации требует внимательного осмысления, поскольку они не просто отражают социальные тренды, но и формируют новые способы взаимодействия с миром.

Библиографический список

1. *Kretschmar M., Raffel S.* The History and Allure of Interactive Visual Novels. Bloomsbury, 2023. 272 p. DOI [10.5040/9781501368615](https://doi.org/10.5040/9781501368615).
2. *Баранова У. С.* Инициация в интерактивных визуальных новеллах как ритуальная практика цифровой среды // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 7. С. 107–118. DOI [10.28995/2686-7249-2023-7-107-118](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-7-107-118). EDN [PNPBFB](https://www.edn.ru/npbfbf).
3. *Кузнецова В. И.* Визуальная новелла как компонент виртуальной интерактивной среды в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) // Проблемы современного образования. 2023. № 2. С. 254–261. DOI [10.31862/2218-8711-2023-2-254-261](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2023-2-254-261). EDN [CWEPWQ](https://www.edn.ru/cwepwq).
4. *Яцкая Д. Д., Аниконова А. А.* Развитие языковых навыков через визуальные новеллы // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 7(55). Ст. 23. DOI [10.60797/RULB.2024.55.23](https://doi.org/10.60797/RULB.2024.55.23). EDN [BPRKGR](https://www.edn.ru/bprkgr).

5. *Борщенко Г. М., Рубцова А. В.* Визуальная новелла как инструмент развития навыков иноязычной деловой коммуникации у студентов направлений подготовки в сфере информационных технологий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 1. С. 30–40. DOI [10.24412/2304-120X-2024-11003](https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11003). EDN [JUQATC](https://www.edn.ru/juqatc).
6. *Токарская Л. В., Быстрова Т. Ю., Основина Е. А., Черемных М. Н.* Образовательный потенциал визуальных новелл в коррекционно-развивающей работе // Перспективы науки и образования. 2023. № 3(63). С. 397–421. DOI [10.32744/pse.2023.3.24](https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.24). EDN [VIKKRB](https://www.edn.ru/vikkrb).
7. *Голенков А. В., Петров Д. Н.* Видеоигры и самоубийства подростков: описание случая и краткий обзор литературы // Девиантология. 2020. Т. 4, № 1(6). С. 16–21. DOI [10.32878/devi.20-4-01\(6\)-16-21](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-16-21). EDN [JDEEWL](https://www.edn.ru/jdeewl).
8. *Любов Е. Б., Палаева Р. И.* «Молодые» суициды и интернет: хороший, плохой, злой // Суицидология. 2018. Т. 9, № 2(31). С. 72–81. EDN [UVYHLN](https://www.edn.ru/uvyhlh).
9. *Horton D., Wohl R. R.* Mass Communication and ParaSocial Interaction // Psychiatry. 1956. Vol. 19, Issue 3. P. 215–229. DOI [10.1080/00332747.1956.11023049](https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049).

Поступила: 16.05.2025. Принята: 11.07.2025.

Сведения об авторах:

Швецова Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

shvetsovaav@mail.ru

Author ID РИНЦ: [715435](https://elibrary.ru/715435); ORCID: [0000-0002-3379-1959](https://orcid.org/0000-0002-3379-1959)

Казько Анна Сергеевна, магистрант Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

kazko_ann@mail.ru

ORCID: [0009-0009-5243-9916](https://orcid.org/0009-0009-5243-9916)

A. V. Shvetsova¹, A. S. Kazko¹

¹ Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia

SOCIAL PATTERNS IN VISUAL NOVELS: NEW COMMUNICATIVE PRACTICES OF YOUTH

Abstract. The study explores the influence of social patterns formed in visual novels on the communicative practices of youth. Based on the analysis of semi-structured interviews with players (N=8), the mechanisms of constructing in-game identity and their connection to real-world practices are revealed. The data demonstrate three key strategies for character selection: self-representation (striving for visual and characterological alignment with oneself), aesthetic experimentation (creating an idealized “self”), and narrative immersion (subordinating the character’s image to the setting’s logic). Players project personal values onto in-game choices, yet the transfer of these models into reality is limited due to the perceived artificiality of the game space. Dominant interaction patterns (focus on a single romantic favorite, instrumental friendships, ignoring secondary characters) reflect the pragmatism and selectivity characteristic of modern social interactions. At the same time, games act as a “simulator” for role-testing, allowing players to experiment with aggression, altruism, or impulsivity without real-world consequences. The primary impact of visual novels manifests through self-reflection (analyzing discrepancies between the “game self” and the real self) and cultural horizon expansion (studying mythology, history). Social activity is indirectly stimulated, primarily through plots related to university life. A conflict is identified between players’ demand for inclusivity (e.g., realistic body representation) and commercial templates reproducing beauty stereotypes. The results highlight the potential of visual novels as tools for digital

socialization, particularly for youth, and the need to develop mechanics that overcome normative limitations. The study contributes to understanding hybrid forms of digital socialization amid the growing popularity of narrative-driven games.

Keywords: youth, digitalization, visual novels, communication, socialization, social patterns

For citation: Shvetsova A. V., Kazko A. S. Social patterns in visual novels: new communicative practices of youth. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):72–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.5>

References

1. Kretschmar M., Raffel S. The History and Allure of Interactive Visual Novels. Bloomsbury; 2023. DOI [10.5040/9781501368615](https://doi.org/10.5040/9781501368615).
2. Baranova U. S. The initiation in interactive visual novels as a ritual practice of the digital environment. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2023;(7):107–118. (In Russ.). DOI [10.28995/2686-7249-2023-7-107-118](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-7-107-118).
3. Kuznetsova V. I. Visual novel as a component of a virtual interactive environment in teaching RFL. *Problems of modern education*. 2023;(2):254–261. (In Russ.). DOI [10.31862/2218-8711-2023-2-254-261](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2023-2-254-261).
4. Yatskaya D. D., Anikonova A. A. Development of language skills through visual novels. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024;(7):23. (In Russ.). DOI [10.60797/RULB.2024.55.23](https://doi.org/10.60797/RULB.2024.55.23).
5. Borschenko G. M., Rubtsova A. V. Visual novel as a means of developing foreign language business communication skills among IT specialists. *Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*. 2024;(1):30–40. (In Russ.). DOI [10.24412/2304-120X-2024-11003](https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11003).
6. Tokarskaya L. V., Bystrova T. Yu., Osnovina E. A., Cheremnykh M. N. Educational potential of visual novels in remedial and developmental work. *Perspectives of Science and Education*. 2023;(3):397–421. (In Russ.). DOI [10.32744/pse.2023.3.24](https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.24).
7. Golenkov A. V., Petrov D. N. Videogames and suicides of adolescents: a case report and a brief review of the literature. *Deviant Behavior (Russia)*. 2020;4(1):16–21. (In Russ.). DOI [10.32878/devi.20-4-01\(6\)-16-21](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-16-21).
8. Lyubov E. B., Palayeva R. I. Suicides of youth and internet: the good, the bad and the ugly. *Suicidology*. 2018;9(2):72–81. (In Russ.).
9. Horton D., Wohl R. R. Mass Communication and ParaSocial Interaction. *Psychiatry*. 1956;19(3):215–229. DOI [10.1080/00332747.1956.11023049](https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049).

Received: 16.05.2025. Accepted: 11.07.2025.

Author information:

Anastasia V. Shvetsova, Candidate of Sociology,
Associate Professor at the Institute of Economics and Management,
Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

shvetsovaav@mail.ru

ORCID: [0000-0002-3379-1959](https://orcid.org/0000-0002-3379-1959)

Anna S. Kazko, Master's student at the Institute of Economics and Management,
Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

kazko_ann@mail.ru

ORCID: [0009-0009-5243-9916](https://orcid.org/0009-0009-5243-9916)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.6)
EDN [FBD FEF](https://edn.fdbfef.ru)
УДК 316.422

Л. Н. Вдовиченко¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективные направления исследований исторической социологии, расширяющие её проблематику. В настоящее время особую значимость приобретает изучение взаимосвязи настоящего с прошлым и будущим. Мы живём в эпоху перемен, протекающих более динамично, чем ранее, однако они не возникают на пустом месте — их истоки уходят в прошлые тенденции, определявшие траекторию исторических изменений. Одновременно в настоящем зарождаются новые явления и процессы, способные существенно повлиять на картину будущего, что повышает востребованность социологических исследований, связывающих прошлое, настоящее и будущее в единый временной континуум. Такие исследования естественным образом находят своё место в рамках исторической социологии — дисциплины, прошедшей значительную эволюцию, подробно рассмотренную в трудах зарубежных и отечественных учёных. Поэтому в данной статье на основе уже имеющихся работ и анализа современной ситуации основной акцент ставится на перспективных направлениях развития исторической социологии, ориентированных на решение актуальных проблем нынешнего времени. Цель данной статьи — выявить новые проблемы и задачи исторической социологии, актуализировавшиеся в современных условиях, решение которых необходимо для устойчивого развития российского общества. На основе проведённого анализа сформулирована проблематика новых направлений исторической социологии, требующих дальнейшей разработки. Одним из таких перспективных направлений может стать изучение состояния и динамики общественной памяти о прошлом.

Ключевые слова: историческая социология, социология памяти, ценности, историческая идентичность, интерпретация исторических событий, методология исторической социологии

Для цитирования: Вдовиченко Л. Н. Историческая социология: перспективные направления исследований // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 83–94. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.6). EDN [FBD FEF](https://edn.fdbfef.ru).

Предмет и направления исторической социологии. В публикациях зарубежных и отечественных учёных, которые в разное время пытались определить место, проблематику, задачи и методы исторической социологии, были достаточно подробно проанализированы эти вопросы, а также динамика формирования исторической социологии с научной и практической точек зрения. Для того, чтобы подойти к перспективным направлениям исторической социологии, необходимо кратко отметить основные этапы её развития. Они изучались отечественными и зарубежными исследователями, отмеченными в библиографии в конце статьи [1; 2; 3; 4; 5, 6, 7, 8]. Учитывая то, что целью данной статьи не является исследование всей эволюции исторической социологии, а только её новых задач, автор не везде указывает постраничные ссылки на указанные в би-

блиографии работы. Тем более, что описание предшествующей эволюции исторической социологии часто повторяется в разных работах.

Историческая социология как научное направление начала формироваться в конце XIX века в результате взаимодействия истории и социологии. Исходя из позиции О. Конта, историческая социология должна исследовать законы исторического развития общества. С точки зрения М. Вебера, историческая социология была призвана обеспечивать исторически-эмпирическое обоснование результатов исследований современных ситуаций и проблем. Для этого она должна выявлять исторический контекст изучаемых объектов современности. Историческую социологию на первом этапе также развивали Г. Зиммель, Э. Дюргейм, П. Сорокин и другие учёные [9, с. 527–529].

В дореволюционной России подходы к исторической социологии стали формироваться также с конца XIX века. Эту проблематику затрагивали такие исследователи, как Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. С. Данилевский, М. М. Ковалевский, И. А. Ильин и др. В книге «Социология и сравнительная история права» известный российский социолог М. М. Ковалевский обратил внимание на ряд методологических проблем применения сравнительного метода в исторической социологии. В частности, он предупреждал, что, сравнивая похожие явления в разные временные периоды, нельзя делать строгие научные выводы, не учитывая исторический контекст, в котором они существовали [9, с. 527; 10, с. 442].

Эта тематика была популярна в 20–30 годах XX века, когда многие социологи в разных странах (К. Ламп्रेхт, П. Барт, П. Сорокин) пытались сформулировать законы и тренды исторического развития [9, с. 527].

В 40-е годы XX века стали активно развиваться сравнительные исследования явлений и процессов в исторических периодах прошлого и настоящего в различных странах. Сравнение происходило как во времени, так и в социальном пространстве. Но такого рода исследования критически оценивались некоторыми специалистами в этой сфере за их чисто описательный характер и недостаток динамики. Такие сравнительные исследования в сфере политики в основном сводились к описанию основных политических институтов некоторых ведущих стран мира: США, Великобритании, Германии, Франции и России [9, с. 527].

Развитие прикладной социологии с использованием количественных методов к середине XX века несколько ослабило интерес к исторической социологии из-за ограниченности её методической основы в те годы. Однако позже, во второй половине XX века историческая социология обретает вторую жизнь и новое качество. Появились исследования крупных проблем социального развития на сравнительном историко-социологическом материале, охватывающим большие периоды истории и многие страны мира. Были изданы обширные труды по исторической социологии таких учёных, как А. Гидденс, П. Бурдьё, У. Бек, И. Валлерстайн, Б. Мур, Э. О. Райт, Ч. Тилли и других исследователей. Стали издаваться специализированные журналы, в которых авторы стремились увидеть прошлое глазами современных социологов. Польский социолог П. Штомпка назвал этот поворот «ренессансом исторической социологии» [8].

Необходимо отметить, что определённым стимулом дальнейшего развития исторической социологии после Второй мировой войны стал спрос на результаты таких исследований со стороны государственных органов западных стран (США, Франции, Германии и т.п.). Это объяснялось активизацией международных отношений и заинтересованностью государственных и политических де-

ятелей в результатах их исторического анализа для достижения практических целей внешней политики.

Процесс формирования исторической социологии продолжился и в СССР. Особое внимание привлекали вопросы формулирования законов исторического развития (Н. И. Бухарин), социальных трансформаций в России (Г. В. Осипов, Т. И. Заславская), общественного сознания россиян (Ж. Т. Тощенко), межнациональных отношений (В. Н. Иванов, Л. Н. Вдовиченко) и др. В Российской Федерации были продолжены поиски предмета исторической социологии и его определения.

Профессор Санкт-Петербургского университета Б. Н. Миронов выпустил один из первых учебников для академического бакалавриата по исторической социологии [4], а также двухтомное издание, в котором проанализировал социальную жизнь российского общества в период российской империи [11; 12].

В XXI веке было продолжено исследование проблематики исторической социологии такими социологами, как Н. В. Романовский, О. В. Кильдюшов, Т. А. Дмитриев, А. И. Черных и другими авторами [1; 2; 5; 6; 13; 14].

Определяя предмет исторической социологии в системе социологического знания, можно отметить, что историческая социология — это часть социологии, фокусирующаяся на исследованиях прошлых обществ и использующая в том числе исторические источники. Она позволяет, выходя за пределы современности, устанавливать общие тенденции прошлого и настоящего и более обоснованно прогнозировать будущее. Второе определение исторической социологии — это часть компаративной (сравнительной) социологии, которая фокусирует внимание на сравнении порядков и изменений в разных обществах. Таким образом она соприкасается с общими социологическими теориями социальных изменений [7, с. 211]. Автор статьи руководствуется первым подходом, хотя в исторической социологии используется и сравнительный метод.

Структура исторической социологии как науки практически аналогична структуре социологического знания и включает в себя:

- а) теоретическую часть;
- б) эмпирическую часть: на разных уровнях анализа;
- в) специальные отраслевые направления: экономическое, политическое, культурологическое и т.п.;
- г) методики и технологии анализа [9, с. 528].

На теоретическом уровне изучаются тренды и направления развития общества (линейность, цикличность, эволюция, революция и т.п.) Постепенно исследователи, занимающиеся исторической социологией, от изучения отдельных стран и локальных обществ переходят на региональный и глобальный уровни. Например, в настоящее время очень актуальной является изучение основ многоцентристского международного порядка, не только межгосударственного, но и междивизиационного взаимодействия, например, в мир-системе И. Валлерстайна [15, с. 130–131].

В эмпирической части микроуровень исторической социологии исследует человека, его поведение, мотивации в различных исторических ситуациях и т.п. В последнее время исследования этого уровня сближаются с психологией, особенно когда изучается эмоциональная основа принятия решений и другие аспекты этих процессов.

Перед исторической социологией в XXI веке встают новые задачи и новые требования. Как справедливо отмечает Н. В. Романовский, «Историческая со-

циология помогает обнаруживать ключевые проблемы прошлого и настоящего нашей страны. Она способна предложить видение современных социальных проблем страны в свете присущих её цивилизационных и культурных проблем, грозивших и ныне грозящих серьёзными испытаниями, выдвинуть подлежащие эмпирической проверке гипотезы» [14, с. 79–90].

Это подразумевает включение в сферу анализа не только внутренних проблем страны, но также наднациональных и транснациональных взаимодействий. Формируется новая международная политическая среда, в которой резко нарастает количество таких международных участников, как транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, общественно-политические и иные движения, группы интересов и влиятельные политические деятели. Этих участников мировой политики иногда называют транснациональными акторами. Появляются нетрадиционные каналы и инструменты транснациональных взаимодействий, включая новые информационные и коммуникационные технологии. Таким образом, в историко-социологических исследованиях возникают новые объекты для изучения, что усложняет проблематику, но расширяет спектр работ на международном направлении.

С какими науками взаимодействует историческая социология? Конечно, с историей, которая предоставляет эмпирический материал для историко-социологических исследований. Философия, дающая общее видение трендов исторического развития человеческого общества, роли человека в конкретных исторических ситуациях. Психология, особенно необходимая в микро-социологических исследованиях истории. Этнология, особо важная для осмысления конкретных этнонациональных отношений. Математика — для обобщения больших баз данных (Big Data), а также для моделирования исторических процессов, в том числе с использованием новых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ).

Одной из проблем историко-социологических исследований является разрыв между прошлой социальной реальностью как она осуществилась и тем, как она потом объяснялась аналитиками. Иногда её интерпретации могут не только отличаться, но и противоречить друг другу. Это ещё больше актуализирует задачи по совершенствованию методической основы исторической социологии.

Концептуальные и методические основы исторической социологии. Во второй половине XX века с расширением тематики исторической социологии актуализировались проблемы обновления её методических основ. Это было связано с переходом историко-социологических исследований от изучения функционирования традиционных институтов, таких как государства, партии, режимы правления и т.п., к более широкому спектру социальных процессов в гражданском обществе и тех факторов, которые их обеспечивают, в том числе к конкретным личностям и социальным группам, общественному мнению и другим явлениям, влияющим на особенности изучаемых исторических ситуаций. На новом этапе развития исторической социологии требовалось обновление концептуальных основ и методик исследования конкретно-исторической реальности, переоценка значения общенаучных подходов, таких как системная методология, структурный функционализм, бихевиоризм и других теорий.

Что касается *системного подхода*, то он сохраняет свою значимость для многих исследователей, которые занимаются выявлением схожих и особенных характеристик осуществления политики в разных странах в различных вре-

менных периодах с учётом специфики исторических ситуаций. Возможность применения системного подхода обосновывается допущением, что существуют схожие организационные принципы осуществления политики, а её специфические особенности выявляются в результате сравнительных исторических исследований. Системный подход в XXI веке, конечно, усовершенствовал свой методический аппарат, что позволяет собирать и анализировать большие базы данных, которые создаются на основе обработки специалистами, оцифровываются и хранятся в электронных системах. Это позволяет использовать эти данные для выявления значимости системных факторов в политике и её исторической среде, осуществлять моделирование и прогнозирование политических процессов, а также выполнять и некоторые другие задачи исторического анализа политики.

Другой общенаучный подход — *структурно-функциональный* — стал за прошедшие десятилетия более активно применяться в исторической социологии. Он основан на допущении, что в разных политических системах существуют общие характеристики, похожие функции и структуры, которые позволяют их сравнивать. В конкретно-историческом исследовании с использованием структурно-функционального анализа можно выявлять особенности осуществления таких функций в разных исторических ситуациях.

Третий общенаучный подход — это *сравнительный подход*, который стал одним из основных в историко-социологических исследованиях. Особо широкое применение он нашёл в сравнении разных сфер различных стран во временном, то есть, историческом контексте. Используя сравнительный подход, социологи, изучающие историю, могут достичь таких основных целей, как 1) накопление базы данных в изучаемых социальных сферах в разные исторические периоды в различных странах для последующих сравнений; 2) изучение традиции политики в разных социальных сферах для выявления общих тенденций и различий; 3) прогнозирование дальнейших тенденций развития интересующих процессов и их последствий.

Кроме перечисленных концептуальных подходов, используемых и другими науками, в исторической социологии активно применяются социологические методы из методической базы конкретных социологических исследований. К ним можно отнести следующие:

- метод кейс-стади, особенно эффективно применяемый для анализа конкретных ситуаций;
- вторичный анализ данных ранее проведённых исследований из других отраслевых социологий (политической, экономической, социологии культуры, образования, науки, личности и т.п.);
- контент-анализ документов и других свидетельств прошлого (писем, записей бесед, совещаний, визуальных материалов и т.п.);
- ивент-анализ (событийный анализ, восстанавливающий последовательность и содержание событий, произошедших в связи с исследуемой ситуацией);
- экспертный опрос специалистов по исследуемым ситуациям, процессам и явлениям из прошлого;
- ситуационный анализ;
- сценарный метод (построение возможных сценариев развития той или иной ситуации в прошлом, оценка вероятности их осуществления и сравнение со сценариями, близко подходящими под конкретно анализируемую ситуацию);

- факторный и корреляционный анализ;
- системный анализ;
- метод моделирования (разработка моделей изучаемой ситуации для её объяснения и возможного прогнозирования);
- метод выявления архетипов, повлиявших на возникновение, развитие изучаемой ситуации и её последствий и т.д.

Исследователи, работающие в исторической социологии, используют не только методики из других направлений социологии, но также заимствуют и применяют методы других наук. В результате этого они получают некоторые преимущества, в частности, дополнительные знания по таким важным направлениям, как 1) технологии обработки Big Data, что необходимо в комплексных исследованиях исторической ситуации в одной и нескольких конкретных странах, а также международной обстановки; 2) технологии сетевого анализа, что особенно важно для применения IT-технологий.

Активное использование методов других наук позволило расширить проблематику исследований исторической социологии на сферы политических, экономических, культурологических, других социальных явлений и процессов. Внедрение современных методов и новых технологий в XXI веке значительно увеличило и географическую составляющую историко-социологических исследований.

Историческая социология может быть также полезна для решения задач политического консалтинга. Она позволяет специалистам, проанализировав прошлое, выявить аналогии с ныне существующей или возможной в будущем ситуацией, разработать сценарии её возможного развития и оценить последствия каждого из сценариев. Это помогает заранее подготовить проекты решений.

Учёт особенностей среды социальных процессов в исторической социологии. При изучении конкретных исторических ситуаций и процессов необходимо учитывать среду, в которой они происходят. В понятие среды, во-первых, включается внутренняя ситуация в конкретной стране, регионе, городе или в другом изучаемом пространстве. Вместе с тем, часто для полноты общего анализа исторической ситуации необходимо исследовать и внешнюю среду, например, международные отношения данной страны и международную ситуацию, которая может влиять на динамику внутренних процессов.

Другой важной проблемой, с которой сталкиваются социологи, исследующие разные по времени конкретные исторические ситуации в различных странах, является использование одних и тех же социологических понятий и категорий без их адаптации к контексту. Но для применения понятий, наработанных в предшествующих работах, нужна корректировка их смысла с учётом исторической обстановки и законодательства той страны, где проводится данное социологическое исследование. В качестве примеров можно привести такие широко используемые в историко-социологических исследованиях понятия, как «традиционные ценности», «демократия», «национальные интересы», «самоидентичность», «политические партии», «общественные организации» и т.п. При отсутствии корректировки смысла таких понятий с учётом временной и пространственной характеристик изучаемой исторической ситуации, результаты её исследования могут неадекватно отражать конкретную реальность и существующие тренды её изменения.

В качестве примера можно привести использование в западной социологии таких понятий, как «демократия» и «авторитаризм» как антиподов. Но интер-

претация демократических форм правления и самоорганизации общества во многих странах отличалась от принципов и институтов западной модели демократии. В России с начала формирования российской государственности существовали и авторитарные формы правления, которые позволяли обеспечивать территориальную целостность страны, стабильность общества и государственного строительства. Народовластие в России (в частности, в СССР) имело иное содержание и иные характеристики, чем в Соединённых Штатах и западноевропейских странах.

Таким образом, в историко-социологических исследованиях при использовании понятийного аппарата должна учитываться специфика стран, исследуемых объектов и предметов. Для того чтобы не исказить интерпретацию собираемых данных, социологам нужно изучать особенности образа жизни людей, политической культуры и другие характеристики изучаемого социума.

В исторической социологии, особенно в XXI веке, перспективы историко-социологических исследований международной ситуации зависят от осмысления глубоких изменений международных отношений, противоречий и неоднозначности тенденций мирового развития. Все это повышает значимость изучения пространственно-временных факторов для продвижения историко-социологических исследований. При том что сохраняется значимость территориального, географического понимания пространства, возникают новые, не сводимые только к размеру территории, смыслы его употребления. Например, такие маленькие, с точки зрения географического пространства государства, как Сингапур, повышают своё влияние на международные экономические, финансовые потоки и международную политику больше, чем некоторые территориально обширные государства. Хотя понятие «пространство» часто используется для характеристики социума, связанного с определённой территорией, но сейчас его уже расширяют, применяя понятия экономического, политического, культурного, правового и информационного пространства.

Дальнейшее развитие историко-социологических исследований будет зависеть от теоретического и методического осмысления этих проблем. Их сложный характер вытекает из неоднородности внутреннего и международного пространства, отличий в культурах, языках, политических режимах и традициях разных социумов. Активизация мировых процессов в XXI веке, сопровождаемая развитием современных технологий, требует расширения международных историко-социологических исследований. Их тематика и объём будут увеличиваться в ближайшие годы.

Восприятие истории в российском общественном мнении. Существенные изменения, произошедшие в российской истории, не только изучаются социологами, но и отражаются в общественном мнении и индивидуальном сознании россиян. То, как россияне относятся к отечественной истории, какие события и личности выделяют, также является предметом рассмотрения в рамках исторической социологии. В последнее время в их поле зрения попадает вопрос о том, меняется ли в общественном мнении восприятие прошлого. Одной из задач исследователей, работающих в исторической социологии, является изучение динамики влияния крупных перемен и событий, затрагивающих Россию, на сознание людей. Эмпирическую базу для таких исследований, в частности, дают опросы общественного мнения (наряду с другими методами). Этому посвящены мониторинги ВЦИОМ, ФОМ, других российских центров изучения обще-

ственного мнения, сюда же можно отнести данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года [15]. Их результаты настраивают на размышления.

Один из последних всероссийских опросов об отношении россиян к истории провёл Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ). Его результаты были обобщены в Аналитическом обзоре под названием «Путешествие по отечественной истории»¹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение россиян к истории России
(закрытый вопрос, один ответ, N=1600, % от всех опрошенных)

Вы в целом интересуетесь историей России или нет?	Все опрошенные	Муж.	Жен.	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Очень интересуюсь	31	36	27	10	16	29	39	41
Интересуюсь время от времени	59	56	61	64	72	58	57	51
Скорее не интересуюсь	7	6	8	24	8	10	3	3
Никогда не интересовался и сейчас не интересуюсь	2	2	3	3	4	2	0	3
Затрудняюсь ответить	1	0	1	0	0	1	1	2

Источник: Путешествие по отечественной истории: аналитический обзор // ВЦИОМ. 27.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 22.07.2025). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», проведён 11.03.2023 по стратифицированной случайной выборке. N=1600. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Как видно из таблицы 1, «очень интересуются» российской историей около трети опрошенных, «интересуются время от времени» почти две трети респондентов. Однако, распределение интересующихся историей по половозрастным признакам неоднородно. Наиболее интересующейся группой являются мужчины шестидесяти лет и старше. Обращает внимание, что процент «скорее не интересующихся» и «никогда не интересовавшихся» выпадает на молодёжь 18–24 лет (в сумме 27%). Это молодое поколение, которое недавно изучало историю в школе, часть из них обучается в гуманитарных вузах, где преподаётся история как одна из общих дисциплин. И тем не менее, как показывают данные опроса, они не интересуются историей. Специалистам по исторической социологии необходимо более глубоко изучить причины такого игнорирования истории.

Второй, не менее важный аспект данной темы — это то, как в российском общественном мнении относятся к изменению представлений о различных событиях и процессах в истории, т.е. к стремлению «переписывать историю». В уже упомянутом исследовании ВЦИОМ был задан соответствующий вопрос по данной теме.

¹ Путешествие по отечественной истории: аналитический обзор // ВЦИОМ. 27.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 22.07.2025).

Таблица 2

Отношение россиян к переосмыслению исторических событий
(закрытый вопрос, один ответ, N=1600, % от всех опрошенных)

В последние годы многие исторические события переосмысливаются, получают новую трактовку. Каково Ваше отношение к этому процессу?	Все опрошенные	Муж.	Жен.	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Оценка исторических событий должна быть единой и неизменной. Следует однажды зафиксировать, как все на самом деле произошло в истории, и больше ничего не обсуждать	54	56	53	47	53	57	54	55
Написание истории — это бесконечный процесс. Исторические события не могут иметь однозначной трактовки. История пишется людьми. Каждое поколение трактует её по-своему	37	35	39	48	40	36	37	33
Затрудняюсь ответить	9	9	8	5	7	7	9	12

Источник: Путешествие по отечественной истории: аналитический обзор // ВЦИОМ. 27.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 22.07.2025). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», проведён 11.03.2023 по стратифицированной случайной выборке. N=1600. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Из таблицы 2 следует, что хотя более половины всех опрошенных считают, что оценка исторических событий должна быть единой и неизменной, сторонников такой позиции среди молодёжи 18–24 лет несколько меньше, чем по России в целом. Вместе с тем, у этой группы молодых респондентов самый высокий процент (48%) отмечающих, что каждое поколение трактует историю по-своему и исторические события не могут иметь однозначной трактовки. Таким образом, молодёжь более других социальных групп открыта для принятия иных трактовок (в том числе зарубежных) исторической роли России. Этот результат также ставит перед работающими в рамках исторической социологии специалистами задачу дополнительных исследований прошлого с целью поиска аргументов, понятных молодёжи для адекватной трактовки прошлого.

Заключение. В завершение можно отметить, что в статье отражены результаты исследования, в котором выявлены перспективные направления, расширяющие проблематику исторической социологии:

- изучение современных социальных проблем с учётом их прошлого и возможного будущего развития;
- расширение анализа международных ситуаций и проблем на основе их исторических корней (неслучайно сейчас неоднократно подчёркивается, что для урегулирования ситуации в отношениях с Украиной нужно учитывать исторические корни, откуда такая ситуация возникла);

- исследование исторической среды конкретной современной внутренней и внешней политики разных стран;
- сравнительный анализ культурно-исторических основ политики конкретных стран;
- выявление традиций осуществления конкретной политики в историческом контексте;
- изучение исторической памяти разных социальных общностей в различных странах;
- изучение методом кейс-стади различных исторических ситуаций в прошлом и настоящем;
- выявление исторических ситуаций в прошлом, близко подходящих к анализируемым ситуациям в настоящем;
- изучение влияния исторических событий на общественное мнение различных социальных групп и т.п.

Нужно учитывать, что современная ситуация в России и в мире, появление новых актуальных проблем, связанных с осознанием прошлого и прогнозированием его воздействия на будущее развитие (исторические перемены, крупные события, прошедшие конфликты, войны, социальные кризисы и т.п.) расширяют проблематику исторической социологии и ставят перед ней новые задачи. Эти изменения повышают приоритетность, актуальность и значимость проблем историко-социологических исследований. Их результаты востребованы не только в научном, но и в практическом плане. Поэтому необходима подготовка соответствующих кадров, расширение преподавания исторической социологии на разных факультетах гуманитарных вузов и учёт этой тематики в различных направлениях политического консалтинга.

Библиографический список

1. Дмитриев Т. А., Кильдюшов О. В. Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы // Социология власти. 2024. Т. 36, № 3. С. 14–34. DOI [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34). EDN [WIAUSJ](https://www.edn.ru/WIAUSJ).
2. Кильдюшов О. В. Между историей и социологией: к проблематике исторической социологии // Социология власти. 2024. Т. 36, № 3. С. 8–13. DOI [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-8-13). EDN [QVUNKW](https://www.edn.ru/QVUNKW).
3. Кудинов В. В. Социология историческая // Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М. : ИСПИ РАН, 1995. С. 716–718.
4. Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб : СПбГУ, 2009. 536 с. EDN [WJRFJR](https://www.edn.ru/WJRFJR).
5. Романовский Н. В. Историческая социология в России: ретроспектива и горизонты // Россия и современный мир. 2003. № 1(38). С. 57–75. EDN [BJIPNX](https://www.edn.ru/BJIPNX).
6. Черных А. И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 87–88.
7. Jary D., Jary J. The Harper Collins dictionary of sociology. New York : HarperPerennial, 1991. 601 p. ISBN 978-0062715432.
8. Sztompka P. The Renaissance of historical orientation in sociology // International Sociology. 1986. Vol. 1, No. 3. P. 321–337. DOI [10.1177/026858098600100308](https://doi.org/10.1177/026858098600100308). EDN [JMVOKN](https://www.edn.ru/JMVOKN).
9. Романовский Н. В. Социология историческая // Социологическая энциклопедия : в 2 томах / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. Том 2. М. : Мысль, 2003. С. 527–529.
10. Бороноев А. О. Ковалевский Максим Максимович // Социологическая энциклопедия : в 2 томах / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. Том 1. М. : Мысль, 2003. С. 442.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

- государства : в 2 томах. 3-е изд., испр. и доп. Том 1. СПб : Дмитрий Буланин, 2003. 548 с. EDN [QOTNBH](#).
12. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 томах. 3-е изд., испр. и доп. Том 2. СПб : Дмитрий Буланин, 2003. 583 с. EDN [QOTNBR](#).
13. *Романовский Н. В.* Историческая социология: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 114–121.
14. *Романовский Н. В.* Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. № 6(410). С. 79–90. DOI [10.7868/S0132162518060077](#). EDN [XQOMNF](#).
15. *Тюрина И. О.* Валлерстайн Иммануил // Социологическая энциклопедия : в 2 томах / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. Том 1. М. : Мысль, 2003. С. 130–131.
16. Какживешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#).

Поступила: 28.07.2025. Доработана: 28.08.2025. Принята: 08.09.2025.

Сведения об авторе:

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

vdlarissa45@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [286695](#)

L. N. Vdovichenko¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

HISTORICAL SOCIOLOGY: PROMISING AREAS OF RESEARCH

Abstract. The article examines promising areas of research in historical sociology that expand its scope. At present, particular importance is attached to studying the interconnection between the present, the past, and the future. We live in an era of change unfolding more dynamically than before; however, these changes do not emerge out of nowhere — their origins lie in past trends that shaped the trajectory of historical transformations. Simultaneously, new phenomena and processes are emerging in the present, capable of significantly influencing the shape of the future, thereby increasing the demand for sociological research that integrates the past, present, and future into a single temporal continuum. Such research naturally finds its place within the framework of historical sociology — a discipline that has undergone significant evolution, thoroughly examined in the works of both foreign and domestic scholars. Therefore, based on existing scholarly contributions and an analysis of the current situation, this article places primary emphasis on promising directions for the development of historical sociology aimed at addressing the pressing challenges of our time. The purpose of this article is to identify new problems and tasks facing historical sociology that have become particularly relevant under contemporary conditions — the resolution of which is essential for the sustainable development of Russian society. Based on the analysis conducted, the article formulates the key problem areas of emerging research directions in historical sociology that require further elaboration. One such promising direction may be the study of the state and dynamics of public memory of the past.

Keywords: historical sociology, sociology of memory, values, historical identity, interpretation of historical events, methodology of historical sociology

For citation: Vdovichenko L. N. Historical sociology: promising areas of research. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):83–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.6>

References

1. Dmitriev T. A., Kildyushov O. V. Russia in the perspective of historical sociology: heuristic perspectives and methodological problems. *Sociology of Power*. 2024;36(3):14–34. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34).
2. Kildyushov O. V. Between history and sociology: towards the issues of historical sociology. *Sociology of Power*. 2024;36(3):8–13. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-8-13).
3. Kudinov V. V. Historical sociology. In: Osipov G. V. (ed.). *The Encyclopedic Sociological Dictionary*. Moscow: ISPI RAN; 1995. P. 716–718. (In Russ.).
4. Mironov B. N. *Historical sociology of Russia*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2009. (In Russ.).
5. Romanovsky N. V. Historical sociology in Russia: retrospect and horizons. *Russia and the contemporary world*. 2003;(1):57–75. (In Russ.).
6. Chernykh A. I. Historical sociology in the West (late XX century). *Sociological Studies*. 2002;(2):87–88. (In Russ.).
7. Jary D., Jary J. *The Harper Collins dictionary of sociology*. New York: HarperPerennial; 1991. ISBN 978-0062715432.
8. Sztompka P. The Renaissance of historical orientation in sociology. *International Sociology*. 1986;1(3):321–337. DOI [10.1177/026858098600100308](https://doi.org/10.1177/026858098600100308).
9. Romanovsky N. V. Historical sociology. In: Semigin G. Yu., Ivanov V. N. (eds.) *The Sociological Encyclopedia: in 2 vol. Volume 2*. Moscow: Mysl'; 2003. P. 527–529. (In Russ.).
10. Boronoev A. O. Kovalevsky Maxim Maksimovich. In: Semigin G. Yu., Ivanov V. N. (eds.) *The Sociological Encyclopedia: in 2 vol. Volume 1*. Moscow: Mysl'; 2003. P. 442. (In Russ.).
11. Mironov B. N. The social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In 2 volumes. 3rd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2003. (In Russ.).
12. Mironov B. N. The social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In 2 volumes. 3rd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2003. (In Russ.).
13. Romanovsky N. V. Historical sociology: problems and prospects. *Sociological research*. 2002;(10):114–121. (In Russ.).
14. Romanovsky N. V. Our historical sociology: fruits and worries. *Sociological research*. 2018;(6):79–90. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162518060077](https://doi.org/10.7868/S0132162518060077).
15. Tyurina I. O. Wallerstein Immanuel. In: Semigin G. Yu., Ivanov V. N. (eds.) *The Sociological Encyclopedia: in 2 vol. Volume 1*. Moscow: Mysl'; 2003. P. 130–131. (In Russ.).
16. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).

Received: 28.07.2025. Corrected: 28.08.2025. Accepted: 08.09.2025.

Author information:

Larisa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
vdlarissa45@yandex.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.7)
EDN [NEXUAL](#)
УДК 316.354

В. Л. Ланцев¹

¹ Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС. Орёл, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Аннотация. В условиях трансформации института образования возрастает потребность в квалифицированных педагогах. Молодые учителя являются ресурсом для развития системы образования и достижения оптимального качества образования. В условиях внедрения профессиональных стандартов и механизмов профессионального развития возрастает значимость профессиональных стратегий молодых учителей. Поэтому целью работы стало выявление условий формирования стратегий и их оценка. Профессиональные стратегии фундируются на основе установок личности и определяют эффективность профессиональной деятельности учителя. Важное влияние на профессиональное развитие оказывает высокий уровень неопределённости образовательных результатов, затяжной характер модернизации, наличие нормативно-ценностных феноменов, уровень субъектности молодого педагога в принятии решений в области профессионального и личностного развития. В контексте проведённого исследования выделены несколько типов профессиональных стратегий молодых учителей: активная и пассивная, адаптивная и конфликтная, инновационная и консервативная. Выбор стратегии определяется актуальными условиями труда и зависит от участия профессионального сообщества в развитии молодого педагога. Автором делается вывод о необходимости целенаправленного управления формированием профессиональных стратегий. Большое значение в этом вопросе отводится возрождению наставничества и построению в образовательной организации системы сопровождения молодых педагогов.

Ключевые слова: профессиональные стратегии; молодёжь; молодые учителя; система образования; установки личности; траектории развития

Для цитирования: Ланцев В. Л. Профессиональные стратегии молодых российских учителей // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 95–109. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.7). EDN [NEXUAL](#).

Введение. Модернизация системы образования, происходящая на протяжении многих лет, обуславливает значимость решения вопроса кадрового обеспечения образовательных организаций. Достижение ключевых показателей функционирования социального института образования, интегрирующихся в понятие «качество образования», напрямую зависит от ряда факторов, среди которых особое место занимает обеспеченность квалифицированными специалистами. На фоне высокого темпа трансформации подходов к организации образовательного процесса, повышается уровень требований к педагогическим и административным работникам, формируется запрос на специфические профессиональные и личностные компетенции.

В условиях трансформации социального института образования особое значение приобретает исследование вопросов привлечения и адаптации молодых учителей, создания условий для адресного развития их компетенций и профессионального становления в целом [1, с. 32]. Поскольку последнее представляет собой направленный процесс, определяющий вектор развития в трудовой де-

тельности, возникает необходимость исследования профессиональных стратегий начинающих педагогов, что особенно актуально ввиду значительного «старения» педагогических кадров и снижения динамики процесса ротации [2, с. 196].

Изучение профессиональных стратегий молодых учителей требует выявления установок, оказывающих влияние на формирование стратегий, а также специфических особенностей траекторий развития. Это обусловлено как изменением системы ценностных ориентаций современной молодёжи, так и структурно-функциональными изменениями в социальном институте образования [3, с. 53].

Методы и методология. Исследование профессиональных стратегий молодых учителей в логике нашего исследования опирается на три методологических подхода. Первый сопряжён с изучением специфики трудовой деятельности молодых учителей с позиций социологии молодёжи, второй учитывает социологическое осмысление проблемы профессиональных и жизненных стратегий, а третий ориентирован на концептуальные подходы социологии образования, в том числе в вопросах управления профессиональным и личностным развитием специалистов.

Важной особенностью исследований проблем молодёжи является опора на различные подходы. Это позволяет решить проблему ограниченного применения отдельных теорий и методологических приёмов. В процессе исследования профессиональных стратегий молодых учителей мы учитываем такие категории как неопределённость (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров) [4; 5], поливариативность траекторий развития (А. И. Ковалева) [6] и возникновение комплексов профессионально-личностных установок и ценностных ориентаций, формирующих профессиональную идентичность (Вал. А. Луков) [7; 8].

Выбор профессиональных стратегий во многом зависит от системы профессиональных и личностных установок индивида. В работах В. А. Ядова отмечается, что диспозиции оказывают решающее влияние на поведение личности [9]. При этом, по мнению Т. И. Заславской существует зависимость между результативностью трудовой деятельности и системой профессиональных ценностей [10]. В особенности, это важно для трансформирующихся систем, находящихся в состоянии значительной неопределённости планируемых результатов и механизмов их достижения, что актуально для современного российского общества и системы образования, в частности.

Формирование профессиональных стратегий молодых учителей происходит в контексте управленческих решений, модернизирующих механизмы вовлечения молодёжи в педагогическую профессию, выстраивание траектории профессионального развития в системе «требования — механизмы — результаты». На современном этапе индивидуальные профессиональные стратегии молодых педагогов формируются в условиях внедрения новых инструментов развития: профессиональных стандартов, национальной системы роста педагогических работников, а также национального проекта «Образование». Контент-анализ концептуальных документов по каждому из инструментов способствует выявлению условий, в которых происходит профессиональное и личностное развитие учителей.

В процессе формулирования положений данной работы мы опирались также на теоретические подходы П. Бурдье [11], А. В. Тихонова [12], В. А. Ядова [9].

Эмпирическая база работы представлена данными всероссийских и региональных исследований, посвящённых изучению ценностных ориентаций молодых учителей и особенностей их профессионального развития [2; 13; 14; 15; 16; 17].

Подходы к осмыслению профессиональных стратегий молодых учителей. Профессиональные стратегии учителей представляют собой интегральные характеристики субъектности педагога в процессе трудовой деятельности [18, с. 129]. Среди значимых характеристик следует отметить профессиональную активность, творчество, внедрение инноваций, коммуникативную культуру и другие. Свою профессиональную субъектность педагог реализует прежде всего в социальном поле института образования, являясь при этом частью различных социальных тел, оказывающих влияние на формирование системы установок и ценностей [11]. Каждое тело характеризуется особой структурой, социальным порядком и содержанием, а индивиды обладают системой собственных установок и ценностей, формируемых под действием определённых диспозиций. Это накладывает отпечаток на характер действий индивида, направленность и силу социальных связей, образуемых с другими индивидами в конкретном социальном теле. Важнейшей характеристикой личности, обуславливающей свободу выбора, творчества и профессионального самоопределения становится её субъектность. Профессиональные стратегии могут рассматриваться как комплексные характеристики поиска и обоснования собственной значимости, реализации личных целей и задач, определяемые жизненными потребностями, ценностями, подходами к самореализации и самоутверждению, а также личной активностью.

Формирование трудовых стратегий молодых учителей происходит в условиях трансформации как общественных институтов, так и содержания образовательного процесса. Их профессиональные траектории определяются целым рядом социальных, культурных и управленческих детерминант. Среди них следует особо выделить неопределённость, которая определяется в том числе отложенностью во времени образовательных результатов. Фактически система образования в целом и отдельный педагог работают на результат, который будет достигнут в отдалённой перспективе. При этом сама возможность его достижения тоже не является однозначным событием. Возрастает неопределённость образовательных результатов и на фоне противостояния либеральных и консервативных подходов к организации образовательного процесса. Влияние перечисленных факторов приводит к непоследовательности проводимых реформ, постоянному поиску эффективных механизмов и способов достижения декларируемого уровня качества образования. В этой связи регулярно обновляются требования к уровню профессионального и личностного развития педагога. Для молодых педагогов такое состояние профессиональной неопределённости дополняется поиском своего места в жизни и социуме.

Неопределённость как важнейшее качество социального института образования и современной социальной реальности в целом в проблемном поле социологии молодёжи рассматривается в рамках рискологического подхода [4]. При этом, как отмечают Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, «кризис усиливает состояние неопределённости в процессе конструирования людьми социальной реальности» [5]. Данный подход с учётом перманентного характера модернизации системы образования позволяет нам выявить такие черты профессионального

поведения современных молодых учителей как неопределённость, поливариативность, нелинейность, изменчивость, а также высокую динамичность. Они не только оказывают влияние на выбор определённой стратегии, но и обуславливают смену стратегий в процессе профессионального становления. Среди них следует выделить поливариативность, которая формирует множественность выбора и рассматривается в плоскостях влияния внешних факторов, субъектности индивида, осваивающего траекторию, и диспозиций личности [6, с. 114].

Тезаурусный подход к изучению проблем молодёжи основывается на выявлении в молодёжной среде нормативно-ценностных комплексов, передающихся между поколениями [7]. Как отмечает Вал. А. Луков, субъектное конструирование социальной реальности невозможно без осмысления системы ценностей [8, с. 11]. Этот подход позволяет рассматривать проблему формирования профессиональных стратегий молодых учителей под влиянием референтных групп и опыта профессионально-педагогического сообщества: учителя, вдохновившие личным примером [19], коллеги-педагоги, являющиеся ключевым носителем усреднённых профессиональных норм и ценностей, а также яркие представители профессионального сообщества, формирующие профессиональную элиту и имеющие определённый статус (руководители методических объединений, победители и лауреаты конкурсов профессионального мастерства, члены аттестационных комиссий и другие). В этой связи стратегии формируются не только исходя из личных установок педагога, но и под влиянием социального пространства, в котором происходит профессиональное и личностное становление молодых специалистов. Доминирующие субъекты могут участвовать в формировании системы профессиональных ценностей и оказывать влияние на становление и развитие специалистов.

Наращение противоречий между высокой неопределённостью условий, в которых функционирует современная система образования, и избыточной её консервативностью, способствующей поддержанию существующего социального порядка, порождает целый ряд социальных проблем. Среди них возрастание частоты конфликтов между участниками образовательного процесса, закрытость от инноваций, снижение мотивации и профессиональное выгорание, которое в настоящее время встречается среди всех категорий специалистов системы образования вне зависимости от опыта или стажа работы [20]. Указанные противоречия вносят вклад в формирование профессиональных стратегий. Важными основаниями для анализа становятся активность актора и его ожидания от трудовой деятельности. Последние чаще всего имеют ярко выраженный материальный характер, обусловленный неудовлетворённостью педагогических работников уровнем заработной платы [16, с. 103].

Исследование феномена профессиональных стратегий молодых учителей было бы неполным без выявления системных и социокультурных особенностей института образования, в условиях которых осуществляется не только трудовая деятельность педагогов, но и их подготовка. Среди наиболее важных на наш взгляд специфических черт следует отметить высокую консервативность сферы образования. Данная особенность, с одной стороны, затрудняет внедрение инноваций в образовательных организациях и лимитирует процессы модернизации, позволяет в некоторых пределах нивелировать внешнее воздействие, выводящее систему из состояния динамического равновесия. С другой стороны, консервативность способствует сохранению традиций и критической оценке внедряемых инструментов. Это способствует реализации воспитательных

функций и формированию личности обучающегося в контексте сохранения традиционных ценностей.

Молодые учителя, вливаясь в социальное тело педагогического коллектива, интериоризируют профессиональные установки и нормативно-ценностные комплексы. В этой связи большое значение на выбор траектории профессионального развития оказывают социокультурные особенности не только всей системы образования, но и социальных систем отдельных организаций. Последние участвуют в профессиональном воспитании, которое зачастую выпадает из процесса подготовки молодых педагогов при обучении в профессиональных организациях высшего, среднего или дополнительного образования.

Одним из ключевых инструментов, определяющих вектор развития педагогов, является отраслевой профессиональный стандарт, с учётом требований которого разрабатываются профессиональные программы, а также происходит аттестация учителей на квалификационную категорию¹. Данный инструмент описывает трудовые функции специалиста, включающие комплексы трудовых действий, знаний и умений, необходимых для достижения результатов в области обучения, развития и воспитания. Неоднократный перенос сроков имплементации профстандарта указывает на несовершенство подходов к его внедрению [21, с. 229]. В этой связи практически сразу была разработана концепция национальной системы учительского роста, включающая социально-управленческие механизмы, позволяющие устранять профессиональные дефициты педагогов и выстраивать индивидуальную траекторию развития. Некоторые мероприятия системы содержали внутренние противоречия и могли существенно изменить социальный порядок в организациях, что стало одним из факторов, препятствующих внедрению её в реальную практику. Кроме того, разработанные механизмы, не подкреплённые соответствующими условиями, не могли стать эффективными инструментами мотивации и стимулирования профессионального роста работников. Решению данной проблемы способствовала реализация в период с 2019 по 2024 годы национального проекта «Образование». Таким образом, сложилась управленческая триада «требования — социально-управленческие механизмы — условия и ресурсы», в рамках которой в настоящее время происходит осмысление векторов формирования профессиональных стратегий молодых учителей. Выбор профессиональной траектории во многом определяется начальным уровнем развития знаний и умений, имеющимися профессиональными дефицитами, а также социокультурными особенностями среды, в которую погружается педагог. При этом педагог становится частью сложного социального тела образовательной организации, что оказывает влияние на формирование профессиональной стратегии в дальнейшем [12].

Установки педагогов в контексте профессионального развития. Формированию профессиональных стратегий предшествует выстраивание системы ценностей и установок различного уровня. Изучение установок молодых учителей позволяет выявить причины выбора конкретных векторов профессионального и личностного развития. Установки могут оказывать как положительный, так и отрицательный эффекты на формирование профессиональных стратегий учи-

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”». URL: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения 02.06.2025).

телей. Так, И. А. Маланов указывает на такие профессиональные установки молодых педагогов в начале трудовой деятельности, как неуверенность в своих силах (26%), критику профессионального уровня, повышенный запрос на развитие [1, с. 34]. Сходные данные получены и в других исследованиях [2, с. 199]. При этом сами молодые педагоги указывают, что хотели бы видеть в опытных коллегах богатый опыт (63,7%), знания (62,4%), сформированные навыки коммуникации (60,0%), определённые личные качества (47,8%), умение мотивировать (40,8%) и мудрость (36,5%). Полученные результаты вероятнее всего отражают особенности профессиональных установок молодых учителей в области собственного профессионального развития.

Установки молодых педагогов зачастую более подвержены влиянию общественного мнения по сравнению с более опытными учителями. Общественное мнение в этом случае предъясняет определённые ожидания и требования, которые выступают в роли внешнего стимула в процессе выбора стратегий и построения индивидуальных траекторий развития. Транслируются эти ожидания представителями разных социальных групп: обучающимися, родителями (законными представителями), общественными организациями и средствами массовой информации. Фактически профессиональные траектории могут формироваться под влиянием не только самого учителя, являющегося субъектом собственного развития, но и других субъектов. Как отмечает А. В. Тихонов, среди всех субъектов, регулирующих отдельные социальные процессы или механизмы, существует доминирующий, выявление которого позволяет объяснить и понять смысл лежащих на поверхности явлений [12, с. 423]. В этой связи отмечается значимость метода установления, позволяющего оценить регулирующее воздействие отдельных субъектов. Для молодых педагогов доминирующим субъектом могут становиться опытные коллеги, администрация, личный учитель, вдохновляющий собственным примером и другие. Велика роль и общественного мнения, от которого может сильно зависеть педагог. Исследование ВЦИОМ, проведённое в 2022 году в две волны, показало, что образ учительской профессии может изменяться даже в краткосрочной перспективе². При этом изменение представлений об образе учителя в обществе накладывает отпечаток на формирование профессиональных установок начинающих специалистов. Высокая динамика изменения восприятия профессии учителя в современном российском обществе также может выступать внешним фактором формирования профессиональных установок, а, следовательно, и стратегий. Так, в феврале 2022 года среди наиболее привлекательных качеств настоящего учителя выделены: уровень образования (23%), доброжелательность и любовь к детям (по 19%), необходимость быть хорошим педагогом (15%) и быть терпеливым и стрессоустойчивым (14%). Однако уже в октябре этого же года происходит смещение акцентов с одних характеристик на другие. Наиболее важными для респондентов во второй волне исследования стали: доброжелательность (32%), порядочность и справедливость (25%), любовь к детям (21%), уровень образования (20%) и профессиональная грамотность (18%). Такое достаточно резкое изменение восприятия образа идеального учителя может указывать и на возможность изменения профессиональных стратегий молодых учителей, зависящих от имиджа профессии. Описываемое нами исследование выявило возрас-

² Профессия: учитель! // ВЦИОМ. 05.10.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privlekatelnost> (дата обращения: 13.06.2025).

тание престижа педагогической деятельности, произошедшее в течение последних лет. Это может указывать на положительный эффект управленческих инициатив в сфере повышения статуса профессии педагога, а также способствовать выбору стратегий, направленных на повышение социального статуса и получение общественного признания.

Профессиональные стратегии и траектории развития молодых учителей.

Т. И. Заславская выделяет два типа стратегий трудового поведения в условиях трансформационных процессов: максимум дохода ценой максимума труда и гарантированный доход ценой минимума труда [10]. Анализируя эффективность трудовых стратегий работников, Н. В. Балашова дополняет классификацию, предложенную Т. И. Заславской, таким типом как «гарантированный доход при среднем уровне выполнения работ», выражающим адаптивный тип поведения [22, с. 278]. Как показывают результаты исследования Н. В. Балашовой, проведённого на работниках предприятий различных форм собственности, большинство молодых специалистов в первые годы работы избирают адаптивную стратегию (57%). При этом в первые 2–3 года некоторые работники склонны к агрессивной позиции, которая выражается не только в повышении частоты возникновения конфликтов, но и в стремлении к нарушению корпоративных норм и правил для достижения собственных целей. Также выявлена смена стратегии на активную через 2–3 года у тех работников, которые придерживаются адаптивных стратегий [22, с. 277–278]. Стратегии, направленные на получение гарантированного дохода ценой минимального труда в данном исследовании выявлены не были, что может быть обусловлено как небольшим размером выборки, так и спецификой профессиональной деятельности работников и эффективностью механизмов материального и нематериального стимулирования на предприятиях реального сектора экономики. Следует отметить, что указанная классификация учитывает в большей мере экономические факторы труда. На этом фоне возникает необходимость выделения и других оснований для классификаций, учитывающих специфику профессионального поведения молодых специалистов в условиях современной системы образования с учётом перманентного характера проводимых в ней реформ.

Опираясь на описанные подходы, а также социокультурные и управленческие реалии сферы образования можно выделить несколько основных типов профессиональных стратегий молодых учителей. В основание авторской классификации положены такие выделенные исследователями факторы, как динамика деятельности актора, поливариативность траекторий, а также нелинейность и изменчивость [5; 6]. В этой связи можно выделить следующие пары стратегий: активная и пассивная (динамичность), адаптивная и конфликтная (вариативность), консервативная и инновационная стратегии (нелинейность развития). При этом реальная профессиональная деятельность молодых учителей может быть описана как в рамках отдельной стратегии, так и их комплекса.

1. Активная. Данная стратегия формируется в связи с пониманием роли и миссии учителя. Несмотря на снижение социального статуса учителя в обществе, затяжной характер модернизации системы образования и целый ряд проблем бюрократического характера, большое число молодых педагогов приходят в профессию осознанно. А среди наиболее сильных мотивов преобладают любовь к детям (54,9%), заинтересованность в предметном содержании (48,6%) и осознание наличия у себя определённых способностей к педагогиче-

ской деятельности и желание их развивать [19, с. 163–164]. Активная стратегия характеризуется высокой динамичностью профессиональной деятельности. Стоит отметить, что без внедрения эффективных механизмов стимулирования в организации данная стратегия может смениться другими за счёт проявления признаков профессионального выгорания, которое, в свою очередь, может приводить к стагнации в педагогических коллективах и снижению качества образования. Исследование, проведённое в столичных школах, показало, что зачастую более активной профессиональной стратегии привержены педагоги из числа приезжих из других субъектов РФ. Такие учителя, по мнению авторов исследования, более активны и мобильны, но также и легко попадают в зависимость от школьных администраций [2, с. 197]. Зачастую это позволяет выпускникам столичных педагогических вузов из других регионов быстрее достигать желаемого уровня по сравнению с коренными жителями, избирающими стратегии, связанные с достижением гарантированного дохода на фоне среднего уровня труда [2, с. 198].

2. Пассивная. Выбор пассивной стратегии позволяет получать гарантированный доход ценой минимального труда. В этой связи данная стратегия не предполагает наличие установки на профессиональное развитие, а только на осуществление трудовой деятельности в рамках должностной инструкции. Пассивную стратегию могут избирать молодые педагоги, не мотивированные на профессиональную деятельность в системе образования. Выбор данной стратегии может быть обусловлен как отсутствием значимых стимулов, отсутствием альтернативы при выборе профессиональной деятельности, нежеланием работать вообще. Так, в исследовании О. В. Коршуновой и Л. В. Бересневой показано, что часть студентов и молодых педагогов оказались в профессии исходя из выбора родителей (4,9%), близости работы к месту проживания (10,6%) и желания поступить на бюджетное место «куда-нибудь» (12,0%) [19, с. 164]. Полученные данные указывают на риск того, что немотивированная молодёжь вообще не приступит к трудовой деятельности, либо будет работать без всякого желания ввиду отсутствия установок на достижение даже удовлетворительного результата.

3. Адаптивная. Каждый молодой педагог, приходящий в образовательную организацию, проходит период адаптации [16]. Продолжительность адаптации напрямую зависит от ряда внутренних (профессиональная и психологическая готовность молодого учителя, мотивация к профессиональному развитию) и внешних факторов (наличие и эффективность системы наставничества, психологический климат в коллективе и другие). Этот период должен завершиться выбором профессиональной стратегии, которая в наибольшей мере будет соответствовать профессиональным и личностным установкам педагога. В то же время для ряда молодых специалистов адаптация становится профессиональной стратегией. Среди наиболее значимых факторов её выбора следует отметить несоответствие имеющихся знаний и навыков реальным условиям педагогической деятельности, сложности в коммуникации с коллегами, отсутствие наставника или его формальное участие, сложности в работе с родителями. Значительные затруднения возникают на фоне недостатка свободного времени, проблем с поддержанием высокого уровня учебной мотивации обучающихся, трудностей при составлении календарно-тематических планов и рабочих программ, выборе форм и методов обучения, отборе содержания уроков и неуверенности в собственных силах [15, с. 18; 2, с. 198].

Несмотря на то, что указанные затруднения испытывают практически все молодые педагоги, отношение к ним, как и способы преодоления, формируются разные [14]. Представители активных стратегий поведения пытаются преодолеть профессиональные затруднения путём преобразования не только своих профессиональных и личностных компетентностей, но и социальной реальности вокруг себя. Однако большинство молодых педагогов в силу неопытности и отсутствия помощи опытных коллег выбирают более осторожную стратегию, позволяющую получать допустимый результат. Адаптация, по мнению молодых учителей и экспертов, происходит эффективнее под присмотром опытных членов педагогического коллектива. В рамках исследования, проведённого среди молодых учителей города Москвы, выявлено отсутствие наставника более, чем у четверти респондентов [13, с. 14]. При этом в регионах ситуация зачастую хуже. По данным А. А. Марголиса с коллегами, только 23% молодых учителей предпочитают индивидуальную помощь со стороны наставника [14, с. 145]. В этой связи можно согласиться с выводами указанного исследования о том, что «адаптация в современной российской школе остаётся стихийным процессом, в котором отсутствует системность и контроль...» [14, с. 145]. Таким образом, выбор адаптивной профессиональной стратегии вовсе не означает достижение оптимального результата. Избирать адаптивную стратегию педагог может и ввиду отложенности результатов профессиональной педагогической деятельности во времени. В этой связи возрастает неопределённость профессиональных и личностных ожиданий. Существует вероятность, что выбор адаптивной стратегии в долгосрочной перспективе может не позволить педагогу раскрыть собственный творческий потенциал, внедрять инновации, участвовать в конкурсах профессионального мастерства и выстраивать как вертикальную, так и горизонтальную карьеру. Постоянное балансирование в попытке достичь гарантированного результата на фоне среднего уровня выполнения работы приводит к психоэмоциональному напряжению, что способствует профессиональному выгоранию, оказывает негативное влияние на состояние обучающихся. Существует риск, что в отдельных случаях молодые учителя от адаптивной перейдут к пассивной стратегии ввиду усталости и перманентного перенапряжения, возникающего из-за постоянного ожидания преобразования на фоне растущей неопределённости подходов к сохранению средних гарантированных показателей результата и трудозатрат.

4. Конфликтная. Поливариативность траекторий профессионального развития подразумевает не только множественность выбора, но и определённую гибкость. Конфликтная стратегия подразумевает достаточно жёсткое следование собственным профессиональным и личностным установкам, в том числе вопреки правилам и нормам организации, требованиям управленческой системы и ожиданиям других акторов. Это может привести к отклонению от социально одобряемого поведения [6, с. 111]. Молодые учителя, приходящие работать в образовательные организации, также могут выбрать эту стратегию не только после, но и уже во время периода адаптации. Происходить это может также на фоне недостаточной сформированности эмоционального интеллекта [15, с. 19]. Несмотря на высокую активность приверженцев данной стратегии, она не способствует формированию устойчивых социальных интеракций и способствует нарушению существующего социального порядка. Молодые учителя, выбирающие данную стратегию, рискуют оказаться выброшенными из коллектива. В то же время выбор конфликтной стратегии может быть

оправдан при необходимости отстоять свои права, добиться уважения и внимания к себе. В этой связи кратковременный переход к данной стратегии может быть оправдан и способствовать профессиональному росту и получению признания в коллективе. Данная стратегия может быть эффективна в случае перехода к стратегиям, позволяющим выстраивать социальные связи в коллективе (активная, адаптивная).

5. Инновационная. К важным особенностям организации профессиональной деятельности в системе образования в условиях модернизации относится нелинейность, позволяющая находить оптимальные пути решения задач на фоне высокой неопределённости [5]. В исследовании Л. В. Вандышевой и Ю. В. Карповой показано, что молодым учителям присущи установки на получение новых знаний и навыков, а также профессиональную самореализацию [17, с. 89]. При этом творчество и реализация собственных инициатив в профессии мотивирует молодых учителей к участию в образовательных событиях, позволяющих выстроить собственную траекторию профессионального развития (51,8%). Высокий творческий потенциал и гибкость мышления в совокупности с установкой на профессиональное совершенствование становятся естественной причиной выбора молодыми учителями инновационной стратегии. Главным отличием данной стратегии от других стратегий с высоким уровнем активности актора является потребность в конструировании социальной реальности индивидом путём имплементации новых подходов и инструментов. При этом новаторская деятельность является важной составляющей не только профессионального, но и личностного роста [19].

6. Консервативная. Этот вид профессиональных стратегий в большей мере характерен для опытных учителей, имеющих определённый профессиональный опыт и не готовых к внедрению инноваций. Вместе с тем, высокий уровень консервативности самой системы образования, а также существование нормативно-ценностных комплексов педагогической профессии могут становиться причиной выбора данных стратегий начинающими педагогами. В большей степени следовать этой стратегии могут молодые учителя, имеющие определённый положительный профессиональный опыт и стремящиеся к воспроизведению этого опыта в дальнейшем. Этот опыт может быть приобретён непосредственно молодым педагогом как в процессе получения профессии или в период адаптации, так и имплементирован в процессе общения с опытными и авторитетными коллегами. Ценностно-нормативные комплексы, формирующие тезаурусы педагогической профессии, зачастую становятся причиной выбора профессии учителя (пример любимого учителя — 30,3%, желание стать настоящим Учителем — 15,5%, следование семейным традициям — 9,9%) [19, с. 164]. Для таких молодых учителей выбор профессиональной стратегии порой предопределён наличием референтной группы или авторитетного педагога. В этой связи траектория развития выстраивается исходя из выбора практик, неоднократно доказавших свою эффективность. Фактически выбор консервативной стратегии сопряжён с доверием традициям и почитанием профессиональных артефактов. Молодые специалисты, выбирающие подобную стратегию, не склонны к лишнему риску, однако часто имеют хороший уровень базовой подготовки, позволяющий в дальнейшем перейти к активным стратегиям на фоне возникновения необходимости обобщения опыта работы коллеги или собственных наработок, участия в конкурсах профессионального мастерства, деятельности по сохранению и популяризации научных школ [22, с. 278].

Следует отметить, что в соответствии с предлагаемой нами классификацией могут существовать и комбинированные типы стратегий, что создаёт матрицу стратегий. Например, активная стратегия конкретного молодого педагога может быть одновременно конфликтной и инновационной. Данный подход расширяет возможности интерпретации выбора профессиональных траекторий и прогнозирования возможного результата деятельности.

Выводы. Профессиональные стратегии молодых учителей — это социальный феномен, характеризующий систему профессиональных и жизненных установок и ожиданий в контексте активности педагога и степени его субъектности.

Специфика профессиональных стратегий во многом определяется состоянием института образования. Среди наиболее значимых факторов можно выделить высокую консервативность образования, наличие нормативно-ценностных комплексов, зависимость от общественного мнения, а также влияние среды социального тела образовательной организации, в которой происходит становление и развитие педагога.

Анализируя специфику профессиональных стратегий, можно выделить активную и пассивную, адаптивную и конфликтную, консервативную и инновационную стратегии. К наиболее часто избираемым на начальном этапе трудовой деятельности стратегиям относятся адаптивная, позволяющая молодому педагогу успешно социализироваться в коллективе и профессии, а также активная, в рамках которой предпринимаются попытки не только профессиональной самореализации, но и изменения существующей социальной реальности. Выбор каждой из них сопряжён с необходимостью поддержания достаточно высокого уровня профессиональной активности, что предопределяет необходимость помощи молодым педагогам извне. Молодые учителя, избирающие инновационную стратегию, должны иметь наставников из числа педагогов-новаторов. Это позволит обеспечить сохранение высокого уровня их мотивации к творчеству на фоне учета существующих в системе образования традиций и практик, доказавших свою эффективность. Поддержка специалистов, придерживающихся инновационной стратегии, имеет важное значение для развития системы образования, в том числе в условиях высокой динамики модернизационных процессов. К наименее продуктивным следует отнести конфликтную и пассивную стратегии, следование которым не позволяет раскрыть творческий потенциал педагога и выстраивать профессиональные интеракции. При этом отсутствие поддержки коллектива и администрации, неэффективность системы мотивации и отсутствие профессионального роста могут стать причиной выгорания, что в итоге приводит к профессиональному отчуждению и выбору пассивной стратегии. В этой связи от администрации образовательных организаций и наставников требуется организация целенаправленной работы с молодыми специалистами в части формирования их профессиональных стратегий. В организациях должны быть созданы условия, поощряющие выбор активной стратегии и включающие комплекс механизмов, обеспечивающих сохранение высокой активности и предупреждение профессионального выгорания. При этом для предупреждения выбора только адаптивной стратегии должна быть разработана система внутриорганизационного стимулирования, опирающаяся на внутренние потребности начинающих учителей. На этом фоне необходим индивидуальный подход к представителям педагогических династий, а также молодым учителям

с низким уровнем стартовой мотивации, позволяющий сохранить их в профессии и направленный на устранение профессиональных дефицитов. Это особенно актуально в условиях необходимости обеспечения оптимального уровня динамики ротации и решения проблемы старения педагогических кадров. При этом наличие в коллективе молодых учителей с разными типами эффективных стратегий способствует поддержанию социального порядка в теле организации и позволяет достичь баланса в поддержании высокого уровня открытости инновациям на фоне сохранения существующей системы ценностей и традиций, оказывающих значительное влияние на функционирование воспитательной системы.

Важным остаётся вопрос выбора профессиональных стратегий и их смены в зависимости от условий профессиональной деятельности. Существует вероятность неоднократной смены стратегий на протяжении трудового пути молодых специалистов [22, с. 279]. В этой связи предметом дальнейших исследований может стать изучение механизмов становления и изменения профессиональных стратегий начинающих педагогов.

Разнообразные типы профессиональных стратегий молодых учителей формируют необходимость выстраивания многокомпонентной системы методического сопровождения, включающей усиление института наставничества, адресное повышение квалификации и организация профессионального взаимодействия с коллегами. Учитывая вероятность смены профессиональных установок молодыми учителями, а также выбор стратегий, не предполагающих направленность на активный профессиональный рост, в сфере образования должны быть выработаны подходы к управлению профессиональным развитием молодёжи. Важным фактором при этом может стать привлечение наставников из числа представителей профессиональных педагогических сообществ, победителей конкурсов профессионального мастерства, выдающихся педагогов, опыт и авторитет которых могут оказать значительное влияние на установки и ценности молодых учителей, а также выбор профессиональной стратегии.

Библиографический список

1. Маланов И. А. Проблемы профессионального становления и развития современных молодых учителей // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 3. С. 32–36. DOI [10.18101/2307-3330-2021-3-32-36](https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-3-32-36). EDN [NHQDSL](https://www.edn.ru/entry/2021-3-32-36).
2. Шевелев А. Н., Кузина Н. Н., Смольников В. Ю. Социопедагогическое исследование молодых учителей: проблемы, характерные черты и готовность к профессиональной деятельности // Человек и образование. 2018. № 4(57). С. 196–201. EDN [YXTOVF](https://www.edn.ru/entry/2018-4-57).
3. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники в социальной структуре вуза и общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 2(89). С. 53–64. DOI [10.69571/SSPU.2024.89.2.003](https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.89.2.003). EDN [WMOKWO](https://www.edn.ru/entry/2024-89-2-003).
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48. EDN [ZFB DYV](https://www.edn.ru/entry/2017-15).
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41–57. DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3). EDN [YGKGXZ](https://www.edn.ru/entry/2017-1-49-3).
6. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1(225). С. 109. EDN [OOMWYX](https://www.edn.ru/entry/2003-1-225).
7. Лукова В. А. Научная школа Московского гуманитарного университета по социологическим наукам: концепции и исследования молодежи // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 5–22. EDN [TBUAZT](https://www.edn.ru/entry/2014-10).

8. Луков В. А. Тезаурусный подход и молодежная тематика в гуманитарных науках // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 3–14. DOI [10.17805/ggz.2018.4.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.4.1). EDN [VMPYEV](#).
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов, А. А. Семенов, В. В. Водзинская [и др.]. Второе расширенное издание. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. ISBN 978-5-906001-04-7. EDN [SWYNQU](#).
10. Заславская Т. И. Творческая активность масс: социальные резервы роста // ЭКО. 1986. № 3. С. 3–25.
11. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Алетейя, 2007. 288 с. ISBN 5-89329-762-8. EDN [QOECDF](#).
12. Тихонов А. В. Социология управления. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Канон+, 2007. 472 с. ISBN 978-5-88373-153-1. EDN [TVIOWP](#).
13. Моисеев А. М. Потребности молодых педагогов в наставничестве и методической поддержке // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 4(50). С. 8–24. DOI [10.25688/2076-9121.2019.50.4.01](https://doi.org/10.25688/2076-9121.2019.50.4.01). EDN [COCXBX](#).
14. Марголис А. А., Аржаных Е. В., Хуснутдинова М. Р. Институционализация наставничества как ресурс профессионального развития российских педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 133–159. DOI [10.17323/1814-9545-2019-4-133-159](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-133-159). EDN [LYKQWU](#).
15. Гундуев А. В. Проблемы и трудности профессиональной социализации молодых педагогов: мнение молодых педагогов и позиция управленцев // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 3. С. 16–20. DOI [10.18101/2307-3330-2021-3-16-20](https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-3-16-20). EDN [FSATPN](#).
16. Буланова М. Б. Проблемы и перспективы трудоустройства и занятости молодых российских педагогов // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 94–113. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.6). EDN [AOCUOP](#).
17. Вандышева Л. В., Карпова Ю. В. Методическое сопровождение профессионального становления молодых педагогов Самарской области // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 3(48). С. 81–94. EDN [AXTXCJ](#).
18. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с. ISBN 5-244-00380-1. EDN [SGBTRN](#).
19. Коршунова О. В., Береснева Л. Н. Мотивы выбора педагогической профессии и востребованные качества педагога: исследование представлений студентов вуза // Перспективы науки и образования. 2021. № 5(53). С. 154–177. DOI [10.32744/pse.2021.5.11](https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.11). EDN [GWCRXW](#).
20. Егорышев С. А. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 61–73. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73). EDN [KZGKTD](#).
21. Ланцев В. Л. Социально-управленческие механизмы внедрения профессионального стандарта педагога: установки и ожидания работников // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 227–245. DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-5). EDN [YZHOCH](#).
22. Балашова Н. В. Трансформация стратегий трудового поведения работников в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 67. С. 270–284. DOI [10.17223/19988648/67/16](https://doi.org/10.17223/19988648/67/16). EDN [RRQHEU](#).

Поступила: 14.06.2025. Доработана: 26.08.2025. Принята: 01.09.2025.

Сведения об авторе:

Ланцев Виктор Леонидович, кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий,
Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС. Орёл, Россия.
vic_lan@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1006430](https://elibrary.ru/1006430); ORCID: [0000-0001-8869-5174](https://orcid.org/0000-0001-8869-5174)

V. L. Lantsev¹¹ Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa. Orel, Russia

PROFESSIONAL STRATEGIES OF YOUNG RUSSIAN TEACHERS

Abstract. In the context of the transformation of the institute of education, the need for qualified teachers is increasing. Young teachers are a resource for developing the education system and achieving optimal quality of education. The importance of professional strategies of young teachers is increasing in the conditions of the introduction of professional standards and professional development mechanisms. Therefore, the purpose of the work was to identify the conditions for the formation of strategies and their assessment. Professional strategies are based on personal attitudes and determine the effectiveness of a teacher's professional activity. An important influence on professional development is exerted by a high level of uncertainty in educational outcomes, the protracted nature of modernization, the presence of normative and value phenomena, and the level of subjectivity of a young teacher in decision-making in the field of professional and personal development. Several types of professional strategies of young teachers have been identified: active and passive, adaptive and conflict, innovative and conservative strategies. The choice of strategy is determined by the current working conditions and depends on the participation of the professional community in the development of a young teacher. The author concludes that it is necessary to purposefully manage the formation of professional strategies. The revival of mentoring and the creation of a support system for young teachers in educational organizations are of great importance in this regard.

Keywords: professional strategies; youth; young teachers; education system; personality attitudes; development trajectories

For citation: Lantsev V. L. Professional strategies of young Russian teachers. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):95–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.7>

References

1. Malanov I. A. Problems of professional formation and development of modern young teachers. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*. 2021;(3):32–36. (In Russ.). DOI [10.18101/2307-3330-2021-3-32-36](https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-3-32-36).
2. Shevelev A. N., Kuzins N. N., Smolnikov V. Yu. Sociopedagogical research of young teachers: problems, characteristics and readiness for professional activity. *Man and Education*. 2018;(4):196–201. (In Russ.).
3. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Research and pedagogical staff in the social structure of the university and society. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2024;(2):53–64. (In Russ.). DOI [10.69571/SSPU.2024.89.2.003](https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.89.2.003).
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2017;(15):12–48. (In Russ.).
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017;10(1):41–57. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3).
6. Kovaleva A. I. Concept of youth socialization: norms, deviation, socializing trajectory. *Sociological Research*. 2003;(1): 109–115. (In Russ.).
7. Lukov V. A. The school of thought in sociological sciences at Moscow University for the Humanities: conceptions and studies of youth. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2014;(10):5–22. (In Russ.).
8. Lukov V. A. Thesaurus approach and youth theme in the humanities. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*. 2018;(4):3–14. (In Russ.). DOI [10.17805/ggz.2018.4.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.4.1).
9. Yadov V. A., Semenov A. A., Vodzinskaya V. V. Self-regulation and forecasting of social behavior of a person: Dispositional concept. 2nd ed. Moscow: CSPiM; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-04-7.
10. Zaslavskaya T. I. Creative activity of the masses: social reserves of growth. *ECO*. 1986;(3):3–25. (In Russ.).
11. Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social*. Moscow: Aleteya; 2005. (In Russ.). ISBN 5-89329-762-8.

12. Tikhonov A. V. Sociology of management. Moscow: Canon+; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-153-1.
13. Moiseev A. M. Needs of young teachers in mentoring and methodical support. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2019;(4):8–24. (In Russ.). DOI [10.25688/2076-9121.2019.50.4.01](https://doi.org/10.25688/2076-9121.2019.50.4.01).
14. Margolis A. A., Arzhanykh E. O.V., Khusnutdinova M. R. Institutionalization of mentoring as a resource for professional development of Russian teachers. *Educational Studies Moscow*. 2019;(4):133–159. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2019-4-133-159](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-133-159).
15. Gunduev A. V. Problems and difficulties of professional socialization of young teachers: young teachers' opinion and the position of managers. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*. 2021;(3):16–20. (In Russ.). DOI [10.18101/2307-3330-2021-3-16-20](https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-3-16-20).
16. Bulanova M. B. Problems and prospects for employment of young Russian teachers. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):94–113. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.6).
17. Vandyshva L. V., Karpova Yu. V. Methodological support for professional development of young teachers of the Samara region. *Scientific support of a system of advanced training*. 2021;(3):81–94. (In Russ.).
18. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Strategy of life. Moscow: Mysl'; 1991. (In Russ.). ISBN 5-244-00380-1.
19. Korshunova O. V., Beresneva L. N. Motives for choosing of the teaching profession and the qualities of teacher in demand: a study of university students' ideas. *Perspectives of Science and Education*. 2021;(5):154–177. (In Russ.). DOI [10.32744/pse.2021.5.11](https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.11).
20. Egoryshev S. A. Emotional burnout of teachers as a factor of their professional inefficiency. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(1):61–73. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73).
21. Lantsev V. L. Social and managerial mechanisms for the implementation of the professional standard of teachers: attitudes and expectations of employees. *Research Result. Sociology and Management*. 2025;11(1):227–245. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-5).
22. Balashova N. V. Transformation of strategies of employees' labor behavior in modern conditions. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2024;(67):270–284. (In Russ.). DOI [10.17223/19988648/67/16](https://doi.org/10.17223/19988648/67/16).

Received: 14.06.2025. Corrected: 26.08.2025. Accepted: 01.09.2025.

Author information:

Viktor L. Lantsev, Candidate of Sociology,
Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies,
Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA. Orel, Russia.
vic_lan@mail.ru
ORCID: [0000-0001-8869-5174](https://orcid.org/0000-0001-8869-5174)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.8)
EDN [NYZKYI](https://edn.nyzyki.ru)
УДК 314.15

А. П. Багирова¹, Е. Ю. Соколова¹

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОРПОРАТИВНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. Исследование посвящено анализу репродуктивных ориентаций студенческой молодёжи и их взаимосвязи с восприятием корпоративных демографических мер поддержки. Актуальность работы обусловлена демографическими вызовами, включая снижение рождаемости и старение населения, а также необходимостью реализации государственных инициатив, направленных на поддержку семей. В фокусе исследования — студенты как ключевая группа, чьи репродуктивные решения определяют демографическую динамику в ближайшие десятилетия. На основе социологического опроса (2024 г.; СЗФО, СФО, УрФО; n=2550) выявлено, что на многодетность ориентированы 16% студентов и что их ожидания от работодателей включают комплексные меры поддержки семей. Установлена статистически значимая взаимосвязь между репродуктивными ориентациями и запросом на корпоративные социальные гарантии. Предложены два возможных объяснения этой взаимосвязи: традиционное (корпоративная поддержка как условие реализации существующих намерений, т.е. рождения ожидаемого числа детей) и инновационное (меры работодателей как фактор смещения ориентаций к желаемому числу детей). Результаты подчёркивают необходимость повышения информированности молодёжи о корпоративных демографических программах через образовательные кампании, институционализацию рейтингов социальной ответственности бизнеса и развитие трёхстороннего взаимодействия «государство — вузы — работодатели». Исследование вносит вклад в разработку мер демографической политики, направленных на сокращение разрыва между репродуктивными ориентациями и возможностями их реализации.

Ключевые слова: репродуктивные ориентации, корпоративная демографическая политика, студенческая молодёжь, многодетность, социальная ответственность бизнеса

Для цитирования: Багирова А. П., Соколова Е. Ю. Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодёжи: поиск взаимосвязи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 110–125. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.8). EDN [NYZKYI](https://edn.nyzyki.ru).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>

Введение. Актуальность исследования репродуктивных ориентаций студенческой молодёжи и их отношения к корпоративным демографическим мерам поддержки обусловлена комплексом социально-демографических вызовов, с которыми сталкивается современная Россия. В связи с такими неблагоприятными демографическими тенденциями, как снижение уровня рождаемости, переход к малодетности, откладывание рождения детей в семье на более поздний период, старение, сбережение населения и его приумножение выступает одним из важнейших национальных приоритетов [1, с. 179].

На протяжении всего 2024 года, объявленного Годом семьи в России, тема поддержки семей с детьми в целом и многодетности в частности находилась в центре внимания государственной политики и общественных обсуждений. В своём послании Федеральному Собранию, представленном 29 февраля 2024 г., Президент Российской Федерации акцентировал внимание на важности пересмотра подходов к поддержке семей с детьми через призму экономического развития: «В горизонте ближайших шести лет мы должны добиться устойчивого роста рождаемости. Для этого будем принимать дополнительные решения в системе воспитания и образования, регионального и экономического развития»¹. Эта позиция была подтверждена и на заседании Государственного совета РФ 20 декабря 2024 г., посвящённого поддержке семей, где глава государства неоднократно акцентировал внимание на многодетности и призывал к созданию условий для того, «чтобы в семьях было трое, четверо и больше детей». По словам Президента РФ, чтобы ответить на демографический вызов, «необходимо более активное участие бизнеса, работодателей в решении проблем демографической повестки страны»².

Отметим, что демографические цели Российской Федерации, заложенные в Указе о национальных целях, предусматривают достижение необходимого суммарного коэффициента рождаемости 1,8 к 2036 г.³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. предусматривает существенный (в 1,3 раза) рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей — с 0,372 в 2023 г. до 0,485 в 2035 г. Это, в свою очередь, предусматривает значительное увеличение числа многодетных семей.

В соответствии с установленными задачами и показателями действует «Стратегия действий по развитию и реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года»⁴, в которую Правительство РФ закладывает подход «плюс один ребёнок в каждой семье». Ключевым механизмом реализации утверждённой Стратегии становится новый национальный проект «Семья», в котором в рамках федерального проекта «Поддержка семьи» особое внимание уделяется молодым и студенческим семьям (в отдельную целевую группу от группы «молодые люди 18–35» вынесена группа «студенты»)⁵.

В контексте реализации государственных инициатив в области демографической политики особую значимость приобретает изучение репродуктивных ориентаций и установок именно студенческой молодёжи как высококачественного человеческого капитала, чей репродуктивный потенциал будет опреде-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс. 29.02.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения 20.05.2025).

² Заседание Государственного Совета // Президент России: [официальный сайт]. 20.12.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75918> (дата обращения 20.05.2025).

³ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России: [официальный сайт]. 07.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/2> (дата обращения 20.05.2025).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. 15.03.2025. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-15032025-n-615-r-ob-utverzhdenii/> (дата обращения 20.05.2025).

⁵ Паспорт федерального проекта «Поддержка семьи» национального проекта «Семья» // Минтруд России. 24.02.2025. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_semya?ysclid=m7vgrzpo-gm409416137 (дата обращения 20.05.2025).

лять демографические тенденции страны в ближайшие десятилетия. Исследования Института демографических исследований ФНИСЦ РАН показывают, что среднее желаемое число детей среди студентов составляет 1,94 для мужчин и 1,91 для женщин, при этом 19,7% мужчин и 16,6% женщин выражают намерение иметь троих и более детей, однако эти ориентации часто не реализуются из-за социально-экономических барьеров, включая отсутствие стабильного дохода и поддержки на ранних этапах создания семьи [2, с. 41].

В то же время, исследование, проведённое ВЦИОМ в феврале 2025 года, свидетельствует о том, что «россияне все чаще называют идеальной многодетную семью, и эта модель постепенно вытесняет семью с двумя детьми». Характеризуя результаты изучения репродуктивных планов россиян, ВЦИОМ делает вывод о том, что «тезис “идеальная семья — многодетная” укрепляется ...активнее всего среди 18–24-летних (в 1,4 раза больше в сравнении с 2017 г.)»⁶.

Все это обосновывает важность изучения тех факторов, которые могут способствовать реализации задач государственной политики в области рождаемости. В научной литературе можно найти результаты исследований и репродуктивных установок студентов [3; 4; 5; 6; 7], и многодетности [8; 9], и распространения корпоративных демографических мер [10; 11], однако, комплексный анализ, объединяющий эти аспекты, пока отсутствует. Особую научную и практическую ценность настоящего исследования представляет изучение того, как именно студенты, ориентирующиеся на многодетность, воспринимают и оценивают корпоративные меры поддержки семей работников, рассматривают ли они это в качестве фактора привлекательности работодателя.

Соответственно, в качестве цели настоящего исследования было обозначено выявление специфики восприятия работодателей, реализующих меры поддержки семей работников, студентами, ориентированными на многодетность.

Эмпирическая основа исследования. В октябре-ноябре 2024 г. в Северо-Западном, Сибирском и Уральском федеральных округах было проведено социологическое исследование, направленное на изучение представлений студентов высших учебных заведений этих округов о работодателях и их социальной ответственности в сфере поддержки семей работников. Каждый федеральный округ в выборке представлен двумя субъектами РФ, распределение респондентов (студентов 3–4 курсов бакалавриата и 4–5 курсов специалитета 20 высших учебных заведений) в регионах соответствует генеральной совокупности по профилю обучения и составляет 2550 респондентов.

Расчёт выборки опирался на официальные статистические данные Министерства науки и высшего образования РФ (форма № ВПО-1), содержащие детализированную информацию о численности и структуре обучающихся по программам бакалавриата и специалитета в организациях высшего образования. Методология формирования выборки предусматривала процедуру стратификации, при которой каждое направление подготовки было соотнесено с соответствующими профилями в Общероссийском классификаторе специальностей по образованию. Такой подход позволил достичь пропорционального представительства различных образовательных профилей в выборочной совокупности. Распределение респондентов представлено в таблице 1.

⁶ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? // ВЦИОМ. 25.02.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения 20.05.2025).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов
(2024, студенты, N=2550)

Социально-демографические характеристики	Число респондентов, чел.	Доля респондентов, %
Пол		
Мужской	1241	48,7
Женский	1309	51,3
Возраст		
18-19	338	13,3
20-21	1771	69,4
22-23	375	14,7
24-28	66	2,6
Регион проживания		
Свердловская область	425	16,7
Челябинская область	425	16,7
Санкт-Петербург	425	16,7
Вологодская область	425	16,7
Новосибирская область	425	16,7
Иркутская область	425	16,7
Профиль обучения		
Гуманитарный, социальный, экономический	1117	43,8
Естественно-научный	499	19,6
Технический	934	36,6

В ряд анализируемых в данном исследовании переменных вошли представления об идеальном работодателе (оценка отдельных параметров, в том числе — мер поддержки семей работников), мнение о важности/неважности наличия мер поддержки семей с детьми при выборе места работы, предпочтения по структуре имеющихся у работодателя мер поддержки. Все эти переменные анализировались в разрезе групп студентов, ориентированных на разное число детей.

В ходе анализа использовались следующие методы: описательный анализ, анализ сопряжённости, оценка статистически значимых различий между группами респондентов по критерию Краскела-Уоллиса.

Репродуктивные ориентации респондентов и ожидания от работодателя. В таблице 2 представлены ориентации опрошенных студентов на то или иное число детей. Доминанта — двухдетность, распространённость ориентаций на многодетность и бездетность среди студентов почти одинакова.

В таблице 3 приведены данные о социально-демографических характеристиках респондентов, ориентированных и неориентированных на многодетность. Видны три переменные, по которым эти группы студентов статистически значимо отличаются: пол; наличие в окружении человека, с которым хотелось бы заключить официальный брак; детность родительской семьи.

Таблица 2

Репродуктивные ориентации опрошенных студентов
(2024, N=2550)

Репродуктивные ориентации	Доля, %
Не ориентированы на рождение детей	15,1
Один ребёнок	23,2
Два ребёнка	45,8
Многодетность	15,9
Итого:	100

Таблица 3

Структура ориентированных и неориентированных на многодетность респондентов
(2024, студенты, N=2550)

Переменные	Студенты, ориентированные на многодетность, %	Студенты, не ориентированные на многодетность, %	Коэфф. Крамера	Асимп. значимость
Пол				
Мужчины	56,5	47,2	0,068	0,001
Женщины	43,5	52,8		
Федеральный округ				
УрФО	32,1	33,6	0,030	0,321
СЗФО	31,4	33,7		
СибФО	36,5	32,7		
Численность населения в месте проживания до поступления в вуз				
Более 1 млн	27,7	30,3	0,044	0,184
От 400 до 1 млн	22,0	17,7		
От 200 до 400 тыс.	24,0	23,3		
Менее 200 тыс.	26,4	28,6		
Профиль подготовки в вузе				
Гуманитарный, социальный, экономический	40,5	44,4	0,034	0,229
Естественно-научный	19,3	19,6		
Технический	40,2	35,9		
Наличие в окружении человека, с которым хотелось бы заключить официальный брак				
Да	50,7	37,9	0,094	0,000
Нет	35,4	45,4		
Затрудняюсь ответить	14,0	16,7		
Количество детей в семье, в которой прошло взросление				
1	17,3	27,7	0,140	0,000
2	46,4	51,2		
3	24,4	14,7		
4	7,7	4,1		
5 и более	4,2	2,3		

Данные показывают, что среди студентов, ориентированных на многодетность, чаще встречаются мужчины (56,5%), в то время как среди студентов, не планирующих многодетность, чаще встречаются девушки (52,8%). Среди ориентированных на многодетность более трети тех, кто сам вырос в многодетных семьях (около четверти респондентов, ориентирующихся на многодетность, выросли в семьях с тремя детьми, 11,9% — в семьях с четырьмя и более детьми). Этот результат, отмечаемый и в других исследованиях, ещё раз подтверждает значимость «семейного кода», который формируется при воспитании в многодетной семье и закладывает устойчивые репродуктивные представления для последующего их воспроизведения в личных сценариях молодого поколения. Федеральный округ, размер населённого пункта, в котором проходило детство, а также профиль подготовки не связаны с какими-либо устойчивыми различиями в репродуктивных ориентациях студентов.

Студенты последних двух курсов обучения либо скоро выйдут на рынок труда, либо уже имеют занятость (о последнем факте свидетельствуют, например, результаты мониторинга трудоустройства выпускников, согласно которым в 2024 г. 53% студентов бакалавриата и специалитета очной формы обучения совмещали учёбу с работой [13, с. 297]), поэтому они с определённой степенью компетенций могут оценивать те или иные аспекты трудовой деятельности. На рис. 1 показана значимость этих аспектов (по 5-балльной шкале) для групп студенческой молодёжи, различающихся по репродуктивным ориентациям. Заметно, что первые места во всех группах отдаются высокой заработной платой и комфортным условиям труда, а меры поддержки работников и их семей во всех группах студентов занимают последнее место.

Отметим, что независимо от ориентаций на ту или иную детность студенты в целом имеют схожие приоритеты в отношении большинства аспектов работы. Однако в отношении мер поддержки работников и их семей обнаружены статистически

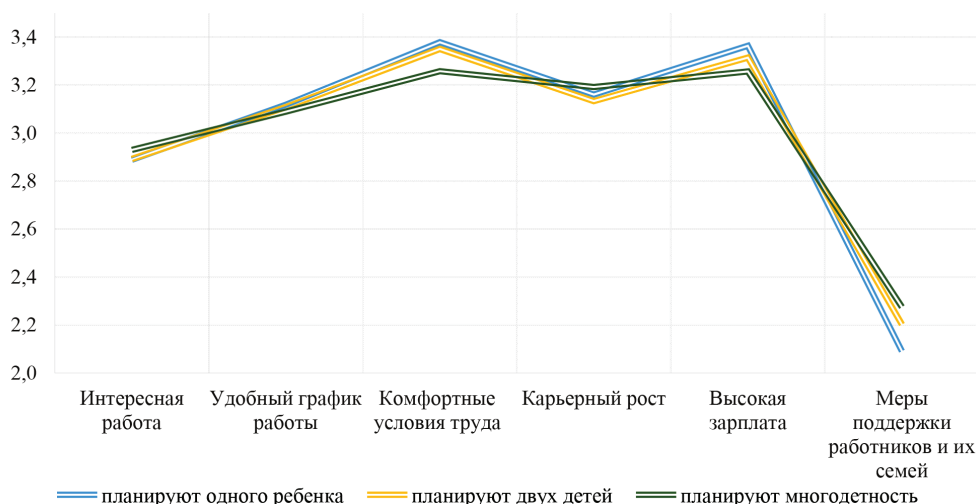

Рисунок 1. Средние показатели значимости аспектов трудовой деятельности для студентов с разными репродуктивными ориентациями (2024, студенты, N=2550)

значимые различия в группах респондентов с разными репродуктивными ориентациями: студенты, ориентированные на многодетность, оценивают значимость мер поддержки работников и их семей гораздо выше в сравнении с теми, кто не ориентирован на такое количество детей, хотя, как и все, отдают этим мерам последнее место (значимость различий, оценённая по критерию Краскела-Уоллиса, представлена в таблице 4). Это может свидетельствовать как о том, что студенты, ориентированные на многодетность, воспринимают поддержку работодателями членов своей семьи в качестве важного аспекта, который может существенно облегчить их жизнь и работу, так и о том, что они рассматривают поддержку членов семьи как дополнительный бонус, который может улучшить их качество жизни, но не является решающим фактором при выборе работодателя. Студенты с высокими репродуктивными ориентациями, скорее всего, считают, что многодетные семьи требуют большего внимания и поддержки со стороны работодателя, вследствие чего и ценят эту поддержку выше в сравнении с теми, кто не ориентирован на многодетность.

Таблица 4

Критерий Краскела-Уоллиса по оценкам значимых аспектов работодателя в группах респондентов, ориентированных на разное количество детей

Переменные	Хи-квадрат	df	Асимп. значимость
Интересная работа	0,557	2	0,757
Удобный график работы	0,583	2	0,747
Комфортные условия труда	5,172	2	0,075
Карьерный рост	1,349	2	0,509
Высокая зарплата	3,132	2	0,209
Меры поддержки работников и их семей	7,926	2	0,019

Данные таблицы 4 показывают, что существует устойчивая взаимосвязь между репродуктивными ориентациями и отношением к корпоративной поддержке работников с детьми (коэффициент Крамера =0,137; $p=0,000$). Доля респондентов, считающих такие меры необходимыми, последовательно возрастает от 55,8% среди не планирующих детей до 81,0% среди ориентированных на многодетность (табл. 5).

Стоит отметить, что по мере возрастания репродуктивных ориентаций происходит не только количественный рост значимости мер поддержки семьи со стороны работодателя, но и качественная трансформация в восприятии этой значимости. Если среди не планирующих детей респондентов их мнения практически равномерно распределились между позитивными и негативными оценками важности семейной поддержки работодателем, то в группах, ориентированных на двоих и более детей, уже сформировалось положительное мнение большинства (77% и 79% соответственно). Эти данные представлены на рисунке 2.

Рисунок 3 демонстрирует существенные различия в предпочтениях относительно распределения мер корпоративной поддержки в зависимости от репродуктивных ориентаций респондентов (значимость различий подтверждена критерием

Таблица 5

Мнения опрошенных студентов о необходимости поддержки работников с детьми работодателем в соотношении с их репродуктивными ориентациями (2024, N=2550)

Мнение о необходимости поддержки работников с детьми работодателем	Группы студентов, ориентированные на... (% от численности группы)			
	отсутствие детей	одного ребёнка	двоих детей	многодетность
Есть необходимость	55,8	71,7	78,3	81,0
Нет необходимости	25,5	15,7	10,0	9,6
Затруднились ответить	18,7	12,5	11,7	9,4
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0

Краскела-Уоллиса, $\chi^2=16,420$, $df=3$, $p=0,001$ для мер поддержки самого работника и $\chi^2=55,206$, $df=3$, $p=0,000$ для мер поддержки членов семьи работника). Приоритеты распределяются в соответствии с тенденцией, при которой доля респондентов, отдающих большее значение мерам поддержки непосредственно работника, снижается с 66,9% среди не планирующих детей до 58,8% среди ориентированных на многодетность. Соответственно, по мере повышения репродуктивных ориентаций наблюдается рост значимости мер, направленных на членов семьи работника, — от 33,1% среди не планирующих детей до 41,2% среди ориентированных на многодетность.

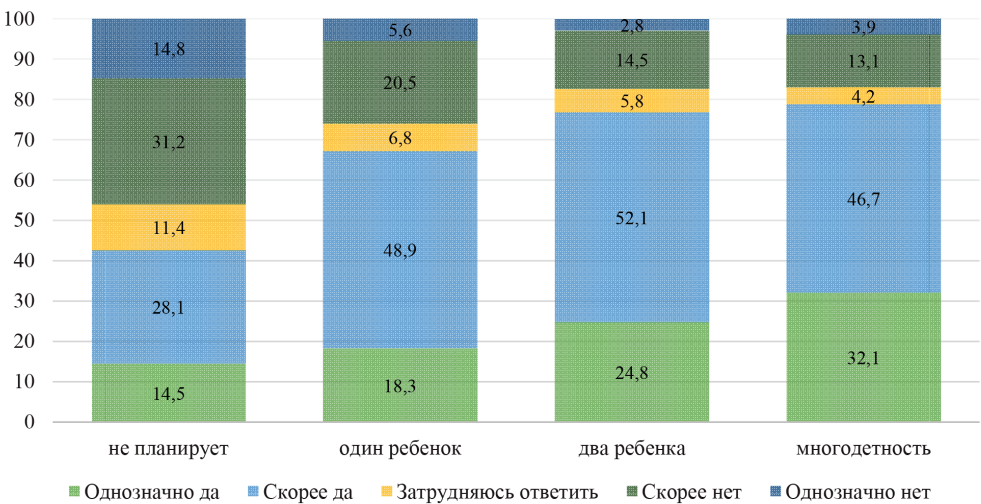

Рисунок 2. Мнения опрошенных студентов о поддержке работодателем сотрудников с семейными обязанностями как важном факторе выбора места работы: группы респондентов с разными репродуктивными ориентациями (2024, N=2550, %)

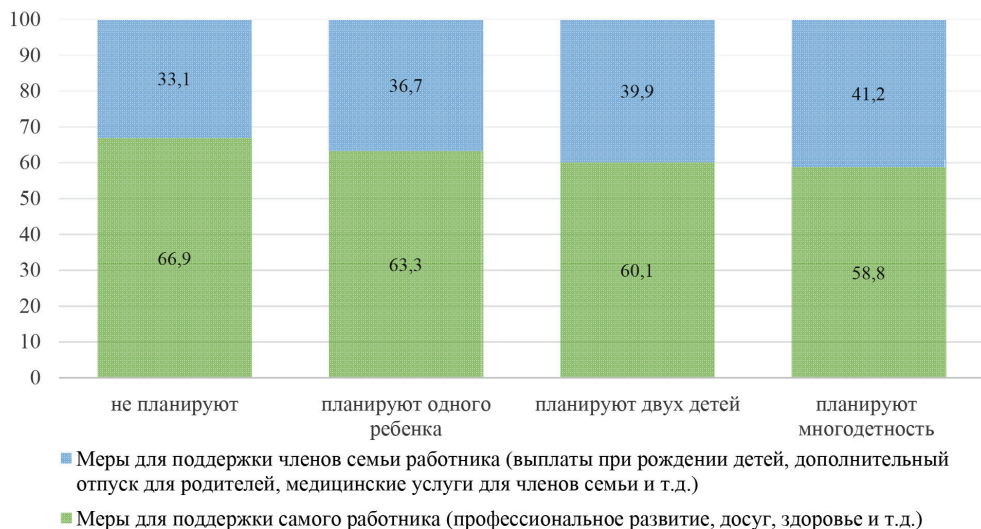

Рисунок 3. Структура предпочтений в отношении мер поддержки со стороны работодателя у респондентов с разными репродуктивными ориентациями (2024, N=2550, %)

Таким образом, студенты последних двух курсов обучения, ориентированные на многодетность, имеют специфический взгляд на меры поддержки со стороны будущего работодателя. Во-первых, они выше, нежели остальные опрошенные, оценивают важность наличия таких мер как черту идеального работодателя, при этом, как и все остальные, отводят этой черте работодателя последнее место в сравнении с высокой зарплатой, комфортными условиями труда и другими характеристиками; во-вторых, они более однозначны во мнении, что наличие мер поддержки семей с детьми — это та характеристика работодателя, которую они будут учитывать при выборе места работы; в-третьих, идеальный работодатель, с их точки зрения, определяя структуру мер поддержки, большую часть мер перераспределяет в пользу поддержки членов семей работников, сокращая, соответственно, долю социального пакета, предназначенного для поддержки самого работника.

Корпоративная поддержка как фактор или следствие репродуктивного выбора. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о наличии статистически значимой взаимосвязи между репродуктивными ориентациями студентов и их ожиданиями в отношении корпоративной поддержки семей работников со стороны работодателя. Характер этой взаимосвязи допускает неоднозначные интерпретации относительно специфики причинно-следственных отношений.

С одной стороны, можно предположить, что заложенные в границах «семейного кода» репродуктивные ориентации на многодетность формируют поведенческий паттерн, когда молодые люди занимаются активным поиском форм поддержки, способных создать благоприятные условия для реализации имеющихся планов. Наше исследование показывает, что студенты с ориентацией на многодетность демонстрируют осмысленное видение своей жизненной стратегии, подходя к пониманию корпоративной поддержки со стороны работодателя

как к важному элементу социальных гарантий для своей семьи. В этом случае именно расширение доступных мер поддержки семей с детьми со стороны работодателя может выступать катализатором воплощения в жизнь уже существующих намерений.

Однако, как показало исследование, лишь каждый шестой студент ориентирован в настоящее время на многодетность. Данный показатель может объясняться сформировавшейся ещё до активной пронаталистской политики российской социальной нормой относительно двухдетной семьи (формула «не менее одного ребёнка, но и не более двух»), что выражалось в небольшой доле никогда не рожавших женщин и одновременно в ограниченном числе женщин с тремя и более детьми [14, с. 70]. По мнению ряда исследователей, несмотря на поддержку рождаемости и работу по формированию установок на сохранение и укрепление семьи, данные социологических исследований и сейчас не позволяют делать уверенный положительный прогноз относительно демографического будущего России [15, с. 31].

Второе возможное объяснение причинно-следственных взаимосвязей заключается в том, что осведомлённость о мерах корпоративной поддержки семей работников как новое явление в российской действительности может стать фактором, способствующим смещению репродуктивных ориентаций молодёжи в сторону желаемого числа детей (традиционно более высокого, чем ожидаемое). Включение бизнеса в систему комплексной поддержки семей с детьми может снижать субъективно закладываемые риски семьи, связанные с рождением и воспитанием более чем двух детей, оно может способствовать созданию у молодого поколения чувства безопасности и предсказуемости будущего. Нашу гипотезу поддерживает, например, проведённое в 2022–2023 гг. исследование Н. Д. Бледновой, посвящённое изучению степени распространённости мер корпоративной демографической политики в российских организациях на основании данных опроса работающих женщин с детьми. Его результаты демонстрируют, что работники признают необходимость поддержки лиц с семейными обязанностями на корпоративном уровне, говорят о недостаточности существующих механизмов стимулирования таких сотрудников и считают, что оказываемая работодателем поддержка формирует благоприятный социально-психологический климат в компании и способствует более сбалансированному совмещению профессиональной и семейной жизненных сфер [16, с. 128–132]. Доказательной базой выступает и наше более раннее исследование, где показано, что студенты с повышенной осведомлённостью о мерах корпоративной поддержки семей работников больше доверяют работодателям и чаще выбирают такие предприятия в качестве мест работы [17, с. 93].

Стоит отметить, что вне зависимости от выявления первичных и вторичных позиций в причинно-следственной взаимосвязи корпоративных мер поддержки и ориентаций на многодетность, полученные результаты подтверждают значимость учёта обоих аспектов при развитии семейной и демографической политики государства, а также корпоративных демографических политик предприятий.

За последние годы на государственном уровне усилилось понимание важности вовлечения предприятий в решение демографических проблем. Государственная политика перешла от простого обозначения данного вопроса к его глубокой конкретизации, что выразилось в определении приоритетных направлений для дополнительной поддержки многодетных семей, введении регулирую-

щих механизмов, обеспечивающих прозрачность результатов этой деятельности, а также в анонсировании мер стимулирования предприятий, активно участвующих в решении демографических задач. Так, например, в июле 2025 г. внесены изменения в Налоговый кодекс РФ, одно из которых предусматривает расширение налоговых льгот на корпоративную материальную помощь семьям с детьми: необлагаемая НДФЛ и страховыми взносами единовременная корпоративная выплата (в том числе материальная помощь) на каждого ребёнка увеличена с действовавших 50 тыс. рублей до 1 млн рублей⁷.

Однако, несмотря на усилия государства в инициировании эффективного взаимодействия с работодателями в вопросах поддержки молодых семей, недостаточный уровень информированности молодых специалистов об уже существующих на отдельных предприятиях мерах корпоративной поддержки может препятствовать полноценному функционированию трёхсторонней модели взаимодействия (государство — бизнес — вузы), работающей на преодоление демографического барьера. Одна из составляющих этого препятствия — ограниченное представление студентов о возможностях смягчения конфликта между профессиональным и родительским трудом, которого как раз и возможно достигнуть благодаря корпоративным демографическим мерам.

Отсутствие оптимального механизма распространения сведений о реальных преимуществах корпоративной поддержки семейных работников ограничивает осведомлённость студентов о доступных ресурсах и возможностях, которые могли бы способствовать реализации репродуктивных ориентаций. Студенты, находящиеся в процессе принятия решений в отношении своего семейного будущего, зачастую остаются вне информационного поля об инициативах работодателей, лишаясь стимулов, которые могли бы сгладить ощущение невозможности совмещения родительства с построением карьеры. Такой подход предполагает разработку структурированного комплекса действий, направленных на повышение информированности молодёжи о корпоративных демографических мерах, уже реализуемых российскими предприятиями.

На основании полученных результатов сформулируем основные направления возможной работы в сфере продвижения информации о корпоративных демографических политиках российских предприятий среди российской молодёжи:

1. формирование единой упрощённой системы подачи информации для молодого поколения о существовании механизмов поддержки рождаемости и родительства со стороны работодателей. Информация может быть собрана в методические рекомендации с обозначением существующих направлений поддержки и форм их представления предприятиями;
2. проведение регулярных информационных кампаний с акцентом на преимущества и возможности, предоставляемые региональными работодателями для семей с детьми. Эти кампании могут быть реализованы через лекции, семинары, вебинары, регулярные информационные посты, видеоролики и другие формы транслирования, которые обеспечат доступ к владению актуальной информацией о возможностях, предоставляемых работодателями. При выборе страниц в социальных сетях, через которые будет осуществляться коммуникация, следует обратить внимание на организации, выступающие стейкхолдерами в решении демографических

⁷ Президент подписал закон о ряде налоговых льгот для бизнеса и граждан // Минфин России. 23.07.2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39834 (дата обращения 11.09.2025).

задач в регионе — государственные структуры, бизнес, вузовская среда и некоммерческий сектор;

3. организация экскурсий на предприятия, на которых появляется возможность увидеть, как реализуются корпоративные демографические политики на практике и задать прямые вопросы потенциальным работодателям. Такие экскурсии позволяют молодёжи получить наглядное представление о том, как предприятия поддерживают своих сотрудников с детьми, и как эти меры влияют на их жизнь и работу. Можно организовать онлайн-запись экскурсии с последующей публикацией на онлайн-платформах и в социальных сетях;
4. усиление коммуникационной значимости ЭКГ-рейтинга для молодёжной среды. На сегодняшний день классификация корпоративных демографических мер поддержки, включённых в ЭКГ-рейтинг, даёт комплексное представление о том, каким образом предприятия могут поддерживать своих сотрудников на протяжении всего жизненного пути их семей, обеспечивая баланс между материальными и организационными мерами, а также адаптируя свою политику к разным этапам семейного цикла. Однако ключевыми моментами невозможности представления ЭКГ-рейтинга как механизма информирования молодёжи остаются невысокий охват предприятий, прошедших процедуру анкетирования — экспертной оценки дополнительной информации от участников рейтинга (посредством именно этой процедуры формируются данные раздела «Социальный пакет», раскрывающего наличие мер социальной поддержки на конкретном предприятии), а также нераспространённость информации об этом рейтинге потенциальных работодателей в студенческой среде.

Стоит отметить, что именно совокупность реализации предложенных инициатив, от систематизации информации о существующих мерах поддержки до её продвижения и практического вовлечения молодёжи в работу организаций, позволит создать устойчивую и актуальную систему информирования о поддержке ориентаций молодого поколения на многодетность. Комплексный подход не только повышает уровень информированности, но и моделирует у молодого поколения осознанный запрос на корпоративные меры поддержки семьи, что в перспективе будет стимулировать бизнес к расширению соответствующих программ, а молодёжь — к реализации репродуктивных ориентаций при достойном экономическом положении семьи и чувстве социальной защищённости.

Заключение. Результаты проведённого исследования позволяют сформировать новый взгляд на портрет современной студенческой молодёжи, ориентированной на многодетность. Эмпирическая база исследования ограничена тремя федеральными округами (Северо-Западный, Сибирский и Уральский), что следует учитывать при интерпретации результатов. Выявлено, что эта группа отличается особым восприятием корпоративных демографических мер, рассматривая меры поддержки семьи как неотъемлемый элемент социальных гарантий будущего работодателя. Примечательно, что при общем совпадении приоритетов в выборе места работы (высокая зарплата, комфортные условия труда) именно ориентированная на многодетность молодёжь демонстрирует наиболее требовательное отношение к семейной политике предприятий.

Ключевыми выводами исследования стало установление статистически значимой взаимосвязи между репродуктивными ориентациями студентов и их

ожиданиями в отношении корпоративной поддержки со стороны работодателя. Это позволило предположить два возможных объяснения причинно-следственной взаимосвязи между этими переменными.

Первое характеризуется традиционным представлением, в котором целенаправленный поиск корпоративных мер поддержки накладывается на существующие репродуктивные ориентации. В этом случае ожидание семейных мер поддержки со стороны работодателя выступает как рациональное дополнение к существующим репродуктивным планам, обеспечивая условия для их реализации в ближайшие сроки. Студенты, ориентированные на многодетность, рассматривают корпоративную поддержку как важный фактор, который помогает им реализовать свои планы по созданию большой семьи.

Вторая интерпретация, которая является скорее инновационной, исходит из представления о мерах корпоративной поддержки семей работников как новом явлении российской действительности, которое может способствовать смещению репродуктивных ориентаций молодёжи в сторону более высокого, чем ожидаемое, числа детей — в сторону желаемого числа детей. В этом случае осведомлённость о распространяющихся мерах поддержки со стороны работодателей, уверенность в доступности этих мер для молодёжи, ориентированной на многодетность, может стать катализатором смягчения негативных демографических трендов в сфере рождаемости.

В целом же ориентация студенческой молодёжи на многодетность может быть реализована при условии многоуровневой поддержки, которая на уровне работодателей будет представлять комплексную систему, сочетающую материальные стимулы, гибкие формы занятости и семейно-ориентированную корпоративную культуру. Это потребует координации усилий всех стейкхолдеров демографической ситуации — от государственных органов до отдельных предприятий и образовательных учреждений. Реализация этих мер позволит создать благоприятные условия для трансформации репродуктивных ориентаций молодёжи в реальные семейные решения, способствуя достижению национальных целей в области демографии.

Библиографический список

1. Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А. Состояние и тенденции семейного потенциала современной России: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 6. С. 178–190. DOI [10.15838/ptd.2023.6.128.11](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.11). EDN [XPGGZW](#).
2. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А. [и др.]. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35–50. DOI [10.21064/WinRS.2024.4.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.3). EDN [DDVNWY](#).
3. Багирова А. П., Нешатаев А. В., Вавилова А. С. [и др.]. Родительство в студенчестве: возможности совмещения жизненных стратегий // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 32–49. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49). EDN [JIRKHO](#).
4. Ростовская Т. К., Пачин А. В. Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9). EDN [FYFRDI](#).
5. Вилкова К. А., Груздев И. А., Шмелева Е. Д. [и др.]. Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 67–83. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83). EDN [MSDITN](#).
6. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Никольский В. С. Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 15–31. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31). EDN [DGYWQL](#).

7. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 13–41. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602). EDN [GTXODD](#).
8. *Журавлева Е. К., Концева О. А.* Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 28–37. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37). EDN [PABRMG](#).
9. *Банных Г. А., Зайцева Е. В., Костина С. Н. [и др.]*. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления. 2019. № 1(56). С. 22–36. DOI [10.22394/2304-3369-2019-1-22-36](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-1-22-36). EDN [CVMCCY](#).
10. *Вавилова А. С., Ясь Р. А.* Роль корпоративной демографической политики в решении вопросов рождаемости: кейс сибирского вуза // Human Progress. 2024. Т. 10, № 2. С. 2. DOI [10.34709/IM.1102.2](https://doi.org/10.34709/IM.1102.2). EDN [UQIVGJ](#).
11. *Багирова А. П., Нештаев А. В.* Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе // AlterEconomics. 2024. Т. 21, № 2. С. 268–285. DOI [10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6](https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6). EDN [MLLYNH](#).
12. *Шубат О. М., Багирова А. П., Янь Д.* Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 4. С. 1121–1134. DOI [10.17059/ekon.reg.2022-4-11](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-11). EDN [KGPWEO](#).
13. *Рожкова К. В., Роцин С. Ю., Травкин П. В.* От совмещения учебы с работой к совмещению работы с учебой? Изменение модели российского высшего образования // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 286–322. DOI [10.17323/vo-2024-17242](https://doi.org/10.17323/vo-2024-17242). EDN [JCPTGU](#).
14. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2006. № 5. С. 70–98. EDN [TTAKXN](#).
15. *Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С.* Влияние альтернативных ценностей и установок на matrimониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2(151). С. 30–39. DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39). EDN [HTXQXM](#).
16. *Бледнова Н. Д.* Корпоративные меры демографической политики как фактор снижения конфликта между семьей и работой // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023) / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 128–132. EDN [CKROMR](#).
17. *Багирова А. П., Колчинская В. Ю., Соколова Е. Ю. [и др.]*. Новые возможности вовлечения вузов в демографическую повестку: региональный кейс // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 4. С. 80–100. DOI [10.31992/0869-3617-2025-34-4-80-100](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-4-80-100). EDN [JGRUXR](#).

Поступила: 20.05.2025. Доработана: 15.07.2025. Принята: 07.08.2025.

Сведения об авторах:

Багирова Анна Петровна, доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

a.p.bagirova@urfu.ru

Author ID РИНЦ: [511263](#); ORCID: [0000-0001-5653-4093](#)

Соколова Екатерина Юрьевна, лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Стратегии регионального развития: устойчивость и безопасность экономических систем», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

e.iu.sokolova@urfu.ru

Author ID РИНЦ: [1304540](#); ORCID: [0009-0009-5114-8025](#)

A. P. Bagirova¹, E. Yu. Sokolova¹

¹ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

PERCEPTIONS OF EMPLOYER FAMILY SUPPORT AND REPRODUCTIVE INTENTIONS AMONG UNIVERSITY STUDENTS: THE SEARCH FOR A RELATIONSHIP

Abstract. This study examines university students' reproductive intentions and their relationship with perceptions of employer family support policies. Its relevance stems from current demographic challenges such as declining birth rates and population aging, along with the need to implement state initiatives aimed at supporting families. Students are considered a key group whose reproductive decisions will determine future demographic trends over the next few decades. Based on sociological survey data (2024; Northwestern, Siberian, and Ural Federal Districts; n=2550), it was found that 16% of students plan to have three or more children, while expecting employers to provide comprehensive family support measures. A statistically significant association was found between reproductive intentions and demand for employer-provided family support. Two possible explanations for this relationship are proposed: traditional (corporate support as a condition for realizing existing intentions — i.e., having the number of children they plan for) and innovative (employer measures as a factor that may shift intentions toward larger family sizes). The findings emphasize the need to enhance young people's awareness of employer family support initiatives through educational campaigns, institutionalization of corporate social responsibility ratings, and fostering collaboration among government, universities and employers. This research contributes to the development of demographic policies aimed at bridging the gap between reproductive intentions and the opportunities to realize them.

Keywords: reproductive intentions, corporate demographic policies, student youth, multichild families, corporate social responsibility

For citation: Bagirova A. P., Sokolova E. Yu. Perceptions of employer family support and reproductive intentions among university students: the search for a relationship. *Science. Culture. Society.* 2025;31(3):110–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.8>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 24-18-00854, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00854/>

References

1. Dobrokhleb V. G., Kondakova N. A. State and trends of family potential in contemporary Russia: Regional aspect. *Problems of Territory's Development.* 2023;27(6):178–190. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2023.6.128.11](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.11).
2. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Solovyeva N. A. [et al.]. Reproductive potential of young families: results of a sociological study. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve.* 2024;(4):35–50. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2024.4.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.3).
3. Bagirova A. P., Neshataev A. V., Vavilova A. S. [et al.]. Parenting during the student period: the possibilities of combining life strategies. *Higher Education in Russia.* 2024;33(7):32–49. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49).
4. Rostovskaya T. K., Pachin A. V. Student family as a key area of the new national project "Family". *DEMIS. Demographic Research.* 2025;5(1):152–166. (In Russ.). DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9).
5. Vilkova K. A., Gruzdev I. A., Shmeleva E. D. [et al.]. What we know about student families: a sociological analysis. *Higher Education in Russia.* 2024;33(7):67–83. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83).
6. Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N., Nikolskiy V. S. The conditions of functioning of the student family in modern Russia: the main problems and resources of well-being. *Higher Education in Russia.* 2024;33(7):15–31. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31).

7. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth life strategies: implementation of expectations and social moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602).
8. Zhuravleva E. K., Koptseva O. A. Supporting points of large families in the transformation of modern family. *Population*. 2024;27(S1):28–37. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37).
9. Bannykh G. A., Zaitseva E. V., Kostina S. N. [et al.]. The phenomenon of large families in Russia: a sociological analysis of changes. *Management Issues*. 2019;(1): 22–36. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2019-1-22-36](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-1-22-36).
10. Vavilova A. S., Yas R. A. Role of corporate demographic policy in solving fertility problems: Siberian University case study. *Human Progress*. 2024;10(2):1–14. (In Russ.). DOI [10.34709/IM.1102.2](https://doi.org/10.34709/IM.1102.2).
11. Bagirova A. P., Neshataev A. V. The potential influence of Russian employers on regional demographic trends. *AlterEconomics*. 2024;21(2):268–285. (In Russ.). DOI [10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6](https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6).
12. Shubat O. M., Bagirova A. P., Yan D. Corporate family-friendly policies: the possibility of implementation in Russian regions. *Economy of regions*. 2022;18(4):1121–1134. (In Russ.). DOI [10.17059/ekon.reg.2022-4-11](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-11).
13. Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Travkin P. V. From combining study and work to combining work and study? The changing model of Russian higher education. *Educational Studies Moscow*. 2024;(2):286–322. (In Russ.). DOI [10.17323/vo-2024-17242](https://doi.org/10.17323/vo-2024-17242).
14. Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. Social and economic factors of fertility in Russia: empirical results and challenges for social policy. *SPERO. Social Policy: Expertise. Recommendations. Reviews*. 2006;(5):70–98. (In Russ.).
15. Blagorozheva Zh. O. Shapovalova I. S. The influence of alternative values and attitudes on the matrimonial strategies of youth. *Social Policy and Sociology*. 2024;23(2):30–39. (In Russ.) DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39).
16. Blednova N. D. Corporate demographic policy measures as a factor in reducing conflict between family and work. In: Vishnevsky Y. R., Pevnaya M. V. (eds.). XXIII Ural Sociological Readings. Personality, culture, society: the legacy of L. N. Kogan and modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, March 17-18, 2023). Yekaterinburg: UrFU; 2023. P. 128–132. (In Russ.).
17. Bagirova A. P., Kolchinskaya V. Yu., Sokolova E. Yu. [et al.]. New opportunities for involving universities in the demographic agenda: a regional case. *Higher Education in Russia*. 2025;34(4):80–100. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2025-34-4-80-100](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-4-80-100).

Received: 20.05.2025. Corrected: 15.07.2025. Accepted: 07.08.2025.

Author information:

Anna P. Bagirova, Doctor of Economics, Candidate of Sociology, Professor,
Deputy Director for Research and Innovation of the School of Public Administration and
Entrepreneurship, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

a.p.bagirova@urfu.ru

ORCID: [0000-0001-5653-4093](https://orcid.org/0000-0001-5653-4093)

Ekaterina Yu. Sokolova, Research Assistant at the Research Laboratory
«Strategies of Regional Development: Sustainability and Security of Economic Systems»,
Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

e.iu.sokolova@urfu.ru

ORCID: [0009-0009-5114-8025](https://orcid.org/0009-0009-5114-8025)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9)
EDN [TOSXAY](https://edn.tosxay.ru)
УДК 314.5

С. Ю. Сивоплясова¹, Е. П. Сигарева¹

¹ ИДИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МОДЕЛИ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ В МОЛОДЁЖНЫХ КОГОРТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению моделей брачности и разводимости молодёжных когорт с целью выявления сходств и различий в формировании брачного потенциала разных поколений. Значительные трансформации в семейно-брачной сфере за последнее пятилетие актуализировали исследования данной проблематики. Для анализа особенностей брачного поведения молодёжи в приорном и постериорном поколениях авторы опирались на статистические данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2020 гг. В ходе исследования были определены основные черты моделей брачности и разводимости современной молодёжи, а также их отличия от моделей поколения «родителей». Выявлена существенная проблема статистической неопределённости брачного статуса, которая имеет тенденцию к росту и требует дальнейшего изучения: формируется большая группа современной молодёжи с неопределённым брачным статусом. Авторы отмечают значительное сокращение брачного потенциала современных молодёжных когорт, обусловленное как демографическим сокращением самой возрастной группы, так и снижением брачной активности по сравнению с поколением молодых людей начала 2000-х годов.

На основе сравнительного анализа в работе детально рассмотрены структурные характеристики брачности и разводимости отдельных возрастных когорт молодёжи. Отмечен высокий уровень подобию моделей в двух поколениях, несмотря на существенные различия в динамике и возрастных паттернах. Особое внимание уделено гендерным различиям в моделях брачного поведения молодого населения России разных поколений. Результаты исследования могут быть полезны для понимания происходящей трансформации в matrimониальной сфере среди молодёжи, а также для разработки научно-обоснованной молодёжной, демографической и социальной политики.

Ключевые слова: брачное поведение, разводимость, гендерные различия в браке, безбрачие, всероссийская перепись населения, молодёжь, приорное поколение, постериорное поколение

Для цитирования: Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 126–141. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9). EDN [TOSXAY](https://edn.tosxay.ru).

Введение. Тема брачного поведения при обсуждении острых проблем демографического развития не всегда находилась в приоритете исследований и научных диспутов. Главный акцент в общенаучной полемике делался на оценку перспектив рождаемости, смертности, естественного и общего прироста населения. Однако в настоящее время данная проблематика заметно актуализировалась. Причиной этого является резкое сокращение числа браков, заключённых в стране в период пандемии COVID-19 (на 18,9% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.) и рост числа разводов (на 21,1% с 2018 г. по 2023 г.). Учёные из разных отраслей науки стараются объяснить причины такой динамики и спрогнозировать варианты развития демографической ситуации. Ключевым фактором, на который целесообразно в первую очередь обратить внимание демографам, является изменение численности населения, участвующего в процессах брач-

ности и разводимости. В предыдущих авторских исследованиях, проводился корреляционный анализ¹, позволивший определить наличие взаимосвязи между динамикой численности населения в наиболее активных брачных возрастах, к которым были отнесены когорты 22–32-летних, и динамикой числа заключённых браков, а также зарегистрированных разводов. Результаты показали, что если число заключаемых браков сильно коррелирует с численностью населения в наиболее активных брачных возрастах (коэффициент корреляции составляет 0,88), то динамика разводов с этим показателем связана слабо (коэффициент корреляции составляет 0,31). То есть динамика такого демографического процесса как разводимость в большей степени обусловлена недемографическими факторами.

Анализ данных статистики за 2000–2024 гг. показал, что в течение последних пяти лет (2020–2024 гг.) значение показателей как брачности, так и разводимости не являлись экстремальными на протяжении рассматриваемого периода (исключение составляет 2020 г., когда число зарегистрированных браков снизилось до 771 тыс., что является наименьшим значением с начала века)². Однако на почти рекордном уровне за последние 24 года находится соотношение числа браков и разводов. На каждые 100 браков в 2020 г. приходилось 73 развода. В 2023 г. этот показатель составил 100:72. А в 2024 он вырос до соотношения 100:76. Этот факт, наряду с другими обстоятельствами, проявленными в последние годы (фиктивные браки и фиктивные разводы) [1; 2] во многом объясняет повышенное внимание научного сообщества к проблематике брачного поведения россиян.

Объективно трансформация матримониального поведения происходит во всех возрастных группах, но в молодёжной когорте она более выразительна. Это связано с тем, что вообще на поведение влияют как эндогенные факторы, которые объясняют в нашем случае сходство моделей брачности и разводимости молодого поколения с моделями старших поколений, так и экзогенные факторы, определяемые быстро меняющимися условиями современной жизни, которые обуславливают наибольшее влияние именно на жизненные стратегии молодёжи и формируют отличия матримониальных моделей последних от моделей населения в старших возрастах. Следует заметить, что тем самым демографические перспективы в контексте брачности и разводимости будут определяться моделью матримониального поведения современной молодёжи, в состав которой мы включили возрастные подгруппы от 16 до 34 лет. Такой подход придаёт особую актуальность представленному исследованию.

Методология исследования. На так называемое «золотое десятилетие» [3], то есть на возраст 21–30 лет, приходится большое число социально, демографически и экономически значимых событий жизни человека: получение образования, выбор профессиональной траектории, сепарация от родителей, создание собственной семьи, рождение детей. При этом дети нередко «копируют» соци-

¹ Коэффициенты корреляции рассчитаны С. Ю. Сивоплясовой на основе данных Росстата. Результаты исследования были представлены в докладе «Брачность и разводимость в условиях социально-экономической турбулентности» на Международной научно-практической конференции XIV Уральского демографического форума «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам» 31 мая – 2 июня 2023 г. (г. Екатеринбург).

² Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за декабрь 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.htm (дата обращения: 01.04.2025).

ально-демографическое поведение своих родителей, о чём неоднократно писали В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный, Н. А. Безвербная, Е. В. Землянова [4], О. В. Гришина [5], Е. С. Митрофанова [6; 7], О. В. Рыбакова, Ю. В. Мокерова, А. Д. Гурарий [8], А. С. Барашкова [9], В. М. Карпова [10] и другие. Например, в работе «Многодетность в России: состояние и перспективы» было подчёркнуто, что модель детности молодого поколения в России обусловлена родительской моделью детности [11].

Учитывая многочисленные факты выявленного подобия моделей поведения поколений родителей и их взрослых детей в различных демографических процессах, цель данного исследования была сформулирована как оценка характера моделей брачности и разводимости у молодёжи разных поколений. Для этого был поставлен исследовательский вопрос: в чем состоят сходства и различия в матримониальном поведении молодёжи разных поколений? Для ответа на этот вопрос были проанализированы данные Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г. (фактически состоялась в 2021 г.) о брачном статусе населения разных возрастных когорт.

Так как указанные переписи проводились с почти 20-летним временным лагом, то возможно говорить о матримониальном поведении поколения «родителей» (данные 2002 г.) и поколения современной молодёжи (данные 2020 г.). В предыдущих исследованиях авторов был применён подход, согласно которому «родительское» поколение обозначено как *приорное*, а «детское» — как *постериорное* [12, с. 140–155]. В настоящем исследовании данный подход также найдёт своё отражение.

Прежде чем оценивать подобие и различия моделей брачности и разводимости в молодёжных когортах разных поколений, следует отметить различия в самих параметрах (объёмах) когорт молодого населения России. Во-первых, если в 2002 г. численность населения молодых возрастов (от 16 до 34 лет) составляла 42 млн человек, то в 2020 г. она сократилась до 34 млн человек, или на 20%.

Во-вторых, категория молодых людей, указавших состояние в браке, снизилась за этот же период на 33%. Это связано с тем, что в переписи 2020 г. доля молодых людей, не ответивших о своём состоянии в браке, была высока и достигала в абсолютном значении 6,4 млн человек. А в относительном выражении её значение составляло почти 19%. Для сравнения укажем, что в 2002 г. число молодого населения, не указавшего состояние в браке, составляло всего 532 тысячи, что исчисляется лишь в 1,2%. То есть, в общей молодёжной модели 2020 г., по сравнению с моделью 2002 г. образовалась статистическая «terra incognita», область, которая вызывает существенные затруднения при сравнительном анализе моделей брачности и разводимости молодёжных групп населения России. Поэтому в данной работе наряду со статистически корректными моделями брачности и разводимости представлены модели, рассчитанные относительно общей численности населения молодёжи, которые, на наш взгляд, больше соответствуют реальным процессам брачности и разводимости молодёжи в современный период.

Следует отметить ещё одно методологическое допущение: несмотря на то, что к молодёжи относятся лица в возрасте от 14 лет до 35 лет включительно³, в настоящей работе в силу особенностей разработки данных переписей анализу подлежали лица в возрасте 16–34 лет.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 01.04.2025).

Брачность в молодёжных когортах приорного и постериорного поколений. Рассматривая группы молодёжи 2002 г. и 2020 г., указавших свой брачный статус, можно отметить, что брачное поведение приорного и постериорного поколений имеет много общего (см. рис. 1).

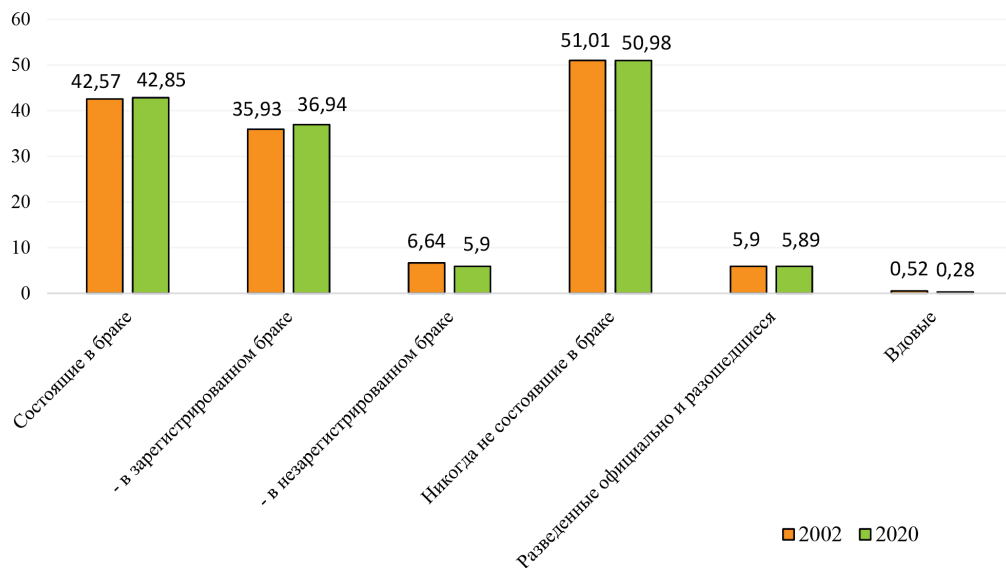

Рисунок 1. Брачная структура молодёжных когорт, % от численности населения в возрасте 16–34 лет, указавшего брачный статус

Источник: здесь и далее составлено по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 20.02.2025).

Около 42–43% молодых людей в возрасте 16–34 лет состояли в браке, причём преимущественно в зарегистрированном (около 36% против 6%, состоящих в незарегистрированном браке). Около 6% были официально разведены или разошлись с партнёром. До 0,5% являлись вдовыми. Примерно половина молодых людей никогда не состояли в браке.

Однако если рассматривать брачную структуру молодёжи двух поколений, производя расчёты относительно общей численности молодых людей в возрасте 16–34 лет, то картина окажется иной (см. рис. 2).

Так, среди поколения молодёжи 2020 г. доли состоящих в браке и никогда не состоявших в браке будут на 7–9 п.п.⁴ ниже, чем среди поколения молодых людей 2002 г. Причём если разница между долями среди состоящих в зарегистрированном браке составляет 5,5 п.п., то среди состоящих в незарегистрированном браке — 1,8 п.п. Лишь значения показателей доли разведённых официально и разошедшихся, а также вдовых среди молодёжи приорного и постериорного поколений являются схожими и составляют около 5–6% и 0,2–0,5% соответственно. То есть возможно говорить, что ввиду большой доли респондентов, не указавших свой брачный статус при проведении переписи 2020 г., сформировалась своеобразная «неизвестная область», то есть группа людей, брачное поведение

⁴ п.п. — процентные пункты.

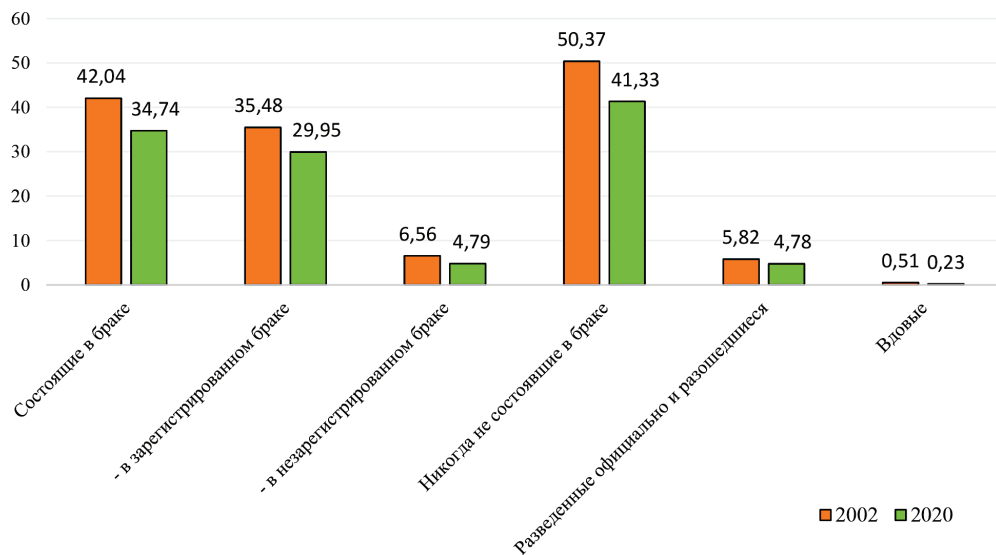

Рисунок 2. Брачная структура молодёжных когорт, % от общей численности населения в возрасте 16–34 лет

которой оценить по результатам Всероссийской переписи населения не представляется возможным. Её существование может быть связано, с одной стороны, с отсутствием понимания среди респондентов своего брачного статуса (например, среди сожительствующих лиц или лиц, состоящих в зарегистрированном браке, но не проживающих совместно); а с другой — с особенностями сбора переписных данных в условиях пандемии COVID-19. В связи с этим дальнейшие расчёты будут производиться относительно численности лиц, указавших свой брачный статус.

Если проанализировать брачный статус молодых людей в разных возрастных группах, то будут заметны значимые межпоколенческие различия. Молодёжь поколения «родителей» во всех возрастных группах интенсивнее вступала в брак и была ориентирована на более раннее заключение брака, чем поколение современной молодёжи (см. рис. 3).

Так, в возрастной группе 18–19 лет доля состоящих в браке среди поколения молодёжи 2002 г. превышала долю состоящих в браке среди молодёжи 2020 г. в 1,6 раза (75 человек против 46 на 1000 населения указанного возраста соответственно). В возрастной группе 20–24 года межпоколенческие различия составляли 1,4 раза также в сторону большей интенсивности вступления в брак представителей приорного поколения (334 человек против 235 на 1000 населения данного возраста соответственно). Лишь в «старших» молодёжных возрастах (прежде всего, 30–34 года) показатели брачного статуса сближаются (716 человек из каждой 1000 населения в возрасте 30–34 года среди поколения «родителей» и 670 человек среди поколения современной молодёжи состояли в браке).

Обращает на себя внимание тот факт, что представители приорного поколения заметно чаще заключали браки в несовершеннолетнем возрасте, чем представители постериорного поколения. В России вступление в брак в несовершеннолетнем возрасте не является распространённым явлением. Вместе с тем, к 2020 г. его интенсивность снизилась. Согласно данным статистики, в «родительском»

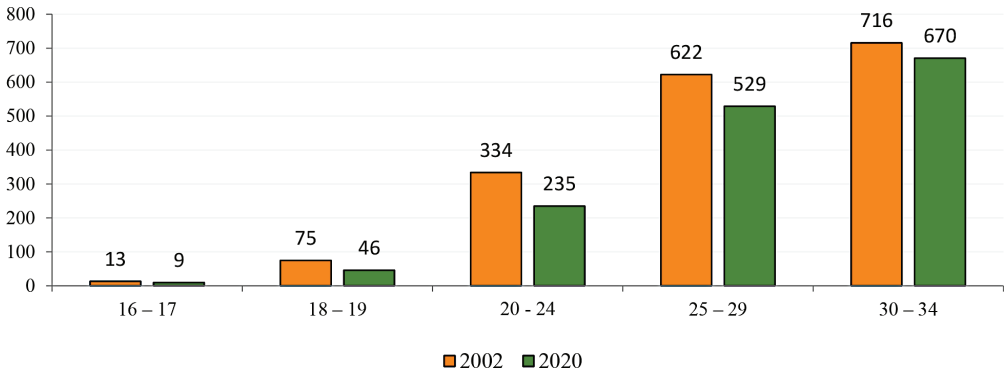

Рисунок 3. Состоящие в браке на 1000 населения, соответствующего возраста, чел.

Примечание: здесь и далее расчёты производились относительно численности населения, указавшего брачный статус.

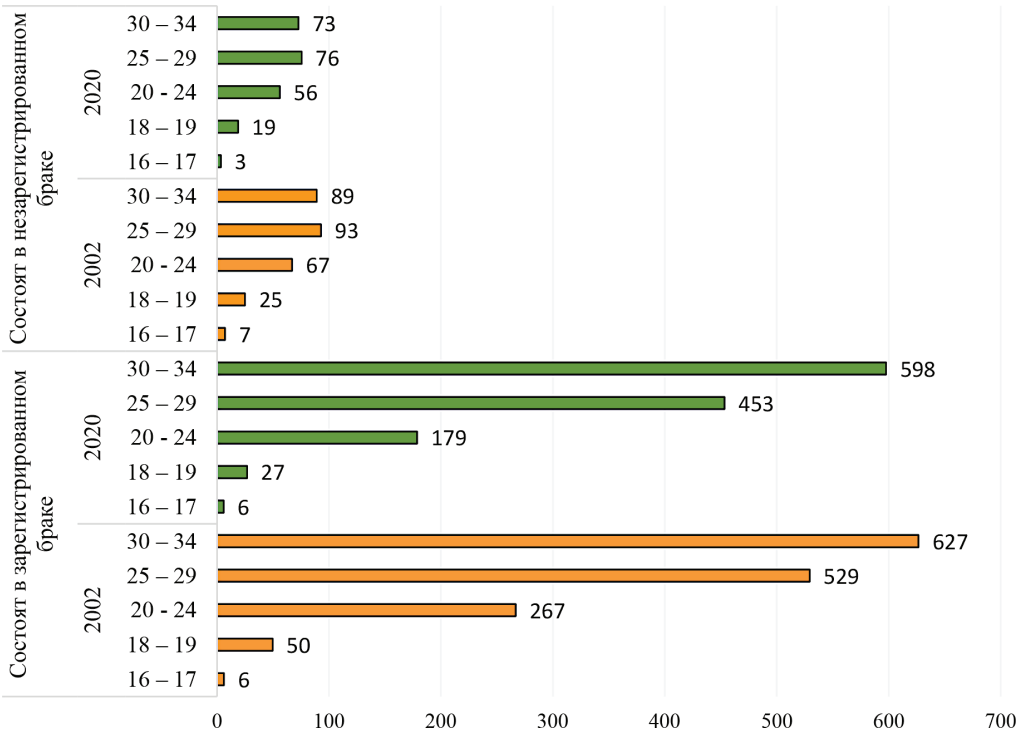

Рисунок 4. Лица в возрасте 16–34 лет, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке на 1000 населения соответствующего возраста, чел.

поколении 13 человек из 1000 в возрасте 16–17 лет состояли в браке, в поколении же современной молодёжи — 9 человек из 1000 населения указанного возраста.

Различия в брачном поведении молодёжи 2002 и 2020 гг. более заметны в динамике официально зарегистрированных браков (см. рис. 4).

В поколении «родителей» доли молодёжи, состоящей в зарегистрированном браке, в большинстве возрастных групп превышали доли современных молодых людей, состоящих в зарегистрированных брачных отношениях. Причём такое превышение было весьма заметным: на 85,2% в возрастной группе 18–19 лет, 49,2% в группе 20–24 года, 16,8% в группе 25–29 лет. В возрастной группе 30–34 года, как отмечалось ранее, разница в долях состоящих в зарегистрированном браке среди приорного и постериорного поколений не столь существенна (4,8%). Следует отметить, что популярность официальной регистрации брака в несовершеннолетнем возрасте среди молодёжи двух поколений оказалась схожей. Как в 2002 г., так и в 2020 г. 6 человек из 1000 в возрасте 16–17 лет состояли в зарегистрированном брачном союзе. Возможно, это связано с особенностями юридической ответственности с обязательной регистрацией брака в случае беременности несовершеннолетней.

Траектория динамики вступления в незарегистрированный брачный союз в приорном и постериорном поколениях является схожей. Однако так же, как в случае с зарегистрированными браками, в незарегистрированные брачные союзы более активно вступали представители поколения «родителей» по сравнению с поколением современной молодёжи. Почти во всех возрастных группах доля состоящих в незарегистрированном браке в 2002 г. почти на 20% превышала долю состоящих в таких союзах в 2020 г. Исключение составляет когорта 16–17-летних, среди которых наблюдались двукратные различия. То есть в этой возрастной группе на каждого несовершеннолетнего молодого человека, состоящего в незарегистрированном браке в 2020 г., приходилось более 2 несовершеннолетних молодых людей с таким же брачным статусом в 2002 г.

Все это даёт основание говорить о том, что поколение «родителей» более активно вступали в брак по сравнению с современной молодёжью, стремились заключить брак в более молодом возрасте и, в целом, были более ориентированы на семейный образ жизни. В настоящее время молодые люди откладывают вступление в брак на более поздний возраст, брачные отношения и семейный образ жизни, особенно в официально зарегистрированном формате, для них заметно менее привлекательны.

Разводимость и безбрачие в поколениях молодёжи. Как в приорном, так и в постериорном поколении молодёжи прослеживается ожидаемая закономерность: чем старше возраст, тем больше доля разошедшихся (см. рис. 5).

Результаты переписей населения свидетельствуют, что поколение «родителей» выделяется высокой интенсивностью разводов в молодёжных возрастных группах. Начиная с 20-летнего возраста (и до 39 лет), они заметно чаще разводились, чем современные молодые люди. При этом разница в долях между двумя аналогичными по возрасту когортами может достигать до 26% (в возрасте 25–29 лет). При дальнейшем анализе данных, представленных на рисунке 5, возможно проследить брачное поведение той же самой части населения (поколения «родителей») в период последней переписи населения 2020 г. Если обратить внимание на возрастные группы 40–55 лет, окажется, что вновь показатели разводов довольно высоки. Они превышают отметку в 160 разводов на 1000 населения соответствующего возраста.

Таким образом, можно констатировать, что показатели разводов среди современной молодёжи заметно ниже по сравнению с поколением «родителей».

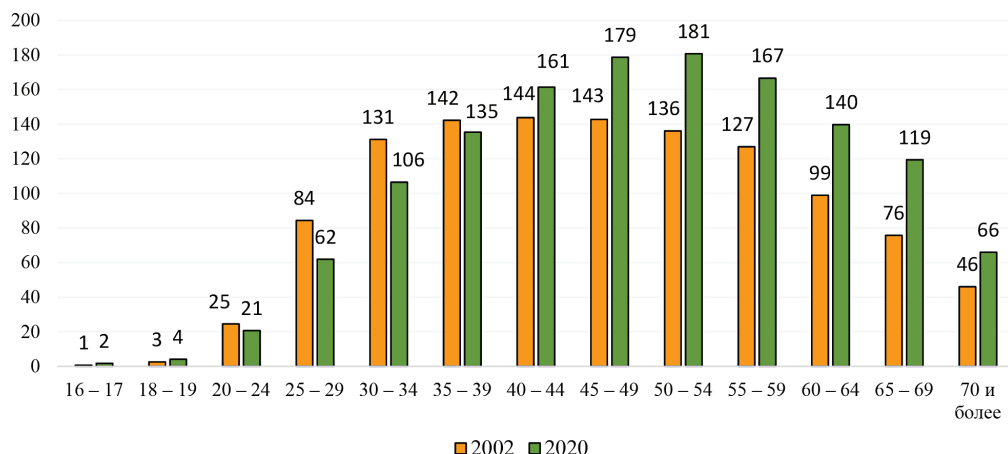

Рисунок 5. Повозрастные показатели числа лиц в статусе разведённых и разошедшихся (на 1000 населения соответствующего возраста), чел.

Доля разошедшихся среди современной молодёжи заметно более низкая по сравнению с поколением «родителей». Такая ситуация может быть связана как с низкой интенсивностью вступления в брак и откладыванием вступления в брачные союзы, так и обусловлена иными факторами. Особенности брачного поведения молодых людей 2020 г. возможно будет более детально оценить, основываясь на результатах будущих переписей населения.

Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что доля разошедшихся в ранних молодёжных возрастах среди постериорного поколения несколько выше, чем среди приорного (2 и 1 человек на 1000 населения соответственно в возрастной группе 16–17 лет, и 4 и 3 человека на 1000 населения соответственно в возрасте 18–19 лет). Являются ли такие результаты свидетельством большей «склонности» к разводам среди самой юной группы молодых людей поколения современной молодёжи по сравнению с аналогичной когортой в поколении «родителей»? Пока ответить затруднительно. Это также возможно будет определить по данным предстоящих всероссийских переписей.

При исследовании моделей брачности и разводимости можно очертить ещё одну грань в образе брачного поведения молодых людей разных поколений, проанализировав масштабы безбрачия. Как в приорном, так и в постериорном поколениях доля тех, кто не имеет брачного опыта, сокращается в каждой последующей возрастной когорте молодёжи (см. рис. 6).

При этом в ранних молодёжных возрастах показатели никогда не состоявших в браке в обоих поколениях близки и составляют 986% в поколении «родителей» и 989% в поколении современной молодёжи среди 16–17-летних, а также 922% и 950% соответственно в возрастной группе 18–19 лет. В возрастной когорте 20–24 года различия становятся более значимыми, а в последующих возрастах усиливаются. Так, если в возрасте 20–24 года доля никогда не состоявших в браке современных молодых людей в 1,2 раза превышает аналогичный показатель в поколении «родителей», то для возрастной группы 25–29 лет разница составляет 1,4 раза, а для группы 30–34 года — 1,6 раза. То есть в приорном поколении только 14% 30–34-летних не имели брачного опыта, в то время как в постериорном поколении его не имела почти четверть когорты.

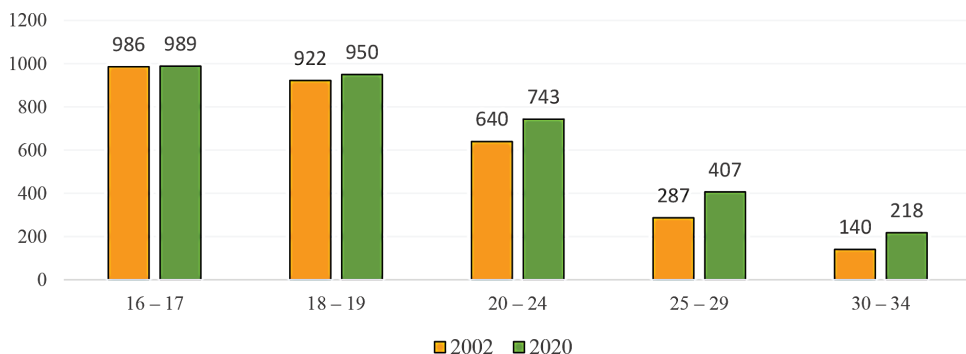

Рисунок 6. Лица в возрасте 16–34 года, никогда не состоявшие в браке (на 1000 населения соответствующего возраста), ‰

Таким образом, современные молодые люди, в отличие от представителей поколения «родителей», не торопятся получить брачный опыт и откладывают создание семьи на более старший возраст или вовсе отказываются от вступления в брачный союз.

Гендерные различия в моделях брачности и разводимости. Несмотря на то, что браки и разводы являются парным демографическим событием (то есть, событием, в котором обязательно участвуют двое), исследователи давно отмечают имеющее место различие в определении брачного статуса среди женщин и мужчин [13; 14]. Наше исследование также показало, что брачное поведение мужчин и женщин в «родительском» поколении и в поколении современной молодёжи имеют как сходства, так и заметные различия. Результаты всероссийских переписей населения показывают, что и в приорном, и в постериорном поколениях в молодёжных возрастных группах женщины более активно вступают в брак, чем мужчины (см. рис. 7).

При этом в возрастных группах 20–24 года, 25–29 лет и 30–34 года разница в долях замужних женщин и женатых мужчин выше в поколении современной молодёжи, чем в поколении «родителей». В постериорном поколении в группе молодёжи 20–24 лет доля женщин, состоящих в браке, в 1,9 раза выше аналогичной доли мужчин, в то время как в приорном поколении разница составила 1,8 раза, в возрастной группе 25–29 лет разрыв составил 1,3 и 1,1 раза соответственно, а в возрастной когорте 30–34 года — 1,1 и 1,0 раза соответственно. В ранних молодёжных возрастах гендерная дифференциация брачности, напротив, выше в поколении «родителей». В возрастной группе 16–17 лет в приорном поколении доля женщин, состоящих в браке, в 5,4 раза превышала долю женатых мужчин, в то время как в постериорном поколении — в 1,8 раза. В возрастной когорте 18–19 лет разница составила 4,7 и 3,2 раза соответственно. Показатели состоящих в браке мужчин и женщин в «родительском» поколении сближаются примерно в возрасте 30–34 года. В поколении же современной молодёжи — в более позднем возрасте 35–39 лет.

То есть характерный для современной молодёжи тренд откладывания вступления в брак сильнее проявляется среди мужчин, чем среди женщин. Хотя снижение интенсивности вступления в брачный союз в ранних молодёжных возрастах (16–19 лет) заметнее среди современных девушек, в то время как доли женатых юношей в двух поколениях являются схожими.

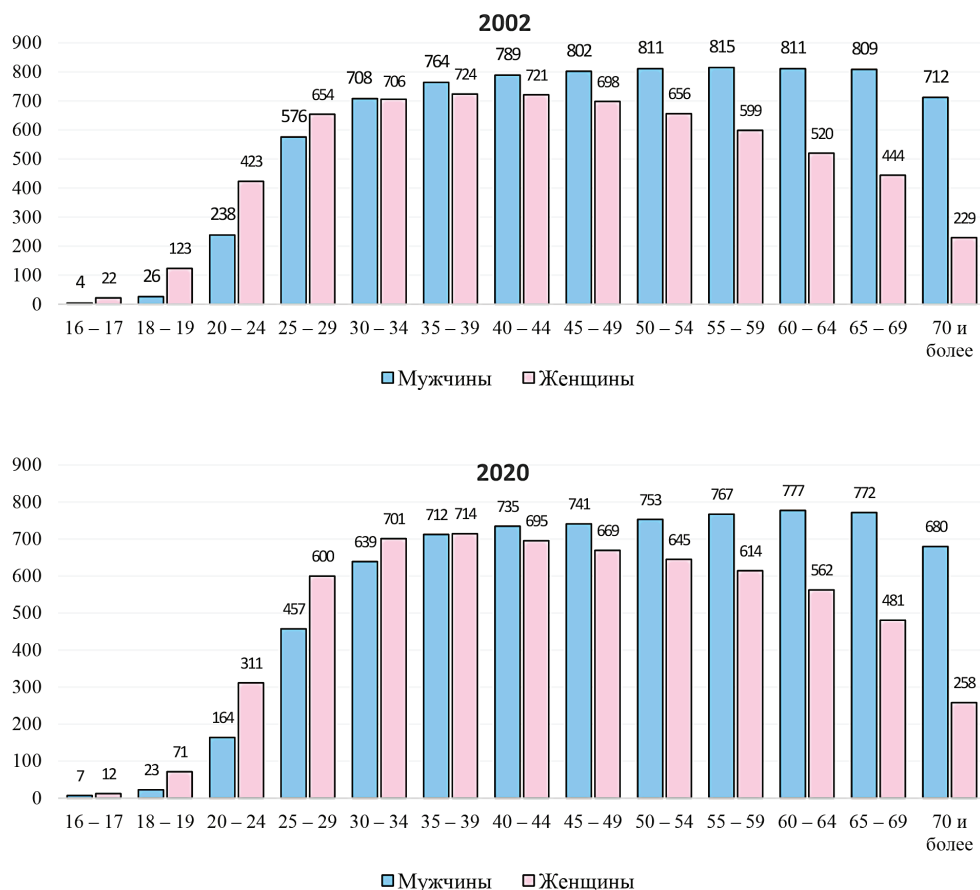

Рисунок 7. Соотношение мужчин и женщин, состоящих в браке, по возрастным группам в 2002 г. и 2020 г., в расчёте на 1000 населения соответствующего пола и возраста, ‰

Аналогичные тренды прослеживаются среди мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке. Среди же состоящих в незарегистрированном браке существуют некоторые особенности.

В молодёжных возрастах девушки как в 2002 г., так и в 2020 г. заметно более активно вступали в брачные отношения без официальной регистрации брака, чем юноши. Причём, разница между долями молодых мужчин и молодых женщин, состоящих в незарегистрированных брачных союзах, заметно выше в поколении «родителей», чем в поколении современной молодёжи, и достигает 31 ‰.п. (в возрастной группе 18–19 лет), в то время, как максимальная разница в долях между женщинами и мужчинами, состоящими в незарегистрированных брачных союзах, в постериорном поколении составляет 24 ‰.п. (в возрастной группе 20–24 года).

Соотношение женщин и мужчин, состоящих в официально не зарегистрированном брачном союзе, изменяется в сторону превышения доли мужчин над долей женщин в возрастной группе 30–34 года. Такое изменение происходит как в приорном поколении, так и в постериорном.

Рассматривая более старшие возрастные группы (35 лет и старше), можно отметить, что в 2002 г. доли мужчин и женщин, состоящих в незарегистриро-

ванных браках, снижались в каждой последующей возрастной когорте. В 2020 г. наблюдается своеобразное плато: в возрастных группах 30–34 года, 35–39 лет, 40–44 года и 45–49 лет доли мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированных брачных союзах, являются схожими. То есть среди когорты молодёжи 2002 г. сформировалась относительно устойчивая группа людей (как мужчин, так и женщин), не стремящихся к официальной регистрации брака. О моделях брачного поведения современной молодёжи в таком ключе, как отмечалось ранее, пока говорить преждевременно.

Для обоих поколений характерно превышение доли разведённых и разошедшихся женщин над разведёнными и разошедшимися мужчинами (см. рис. 8).

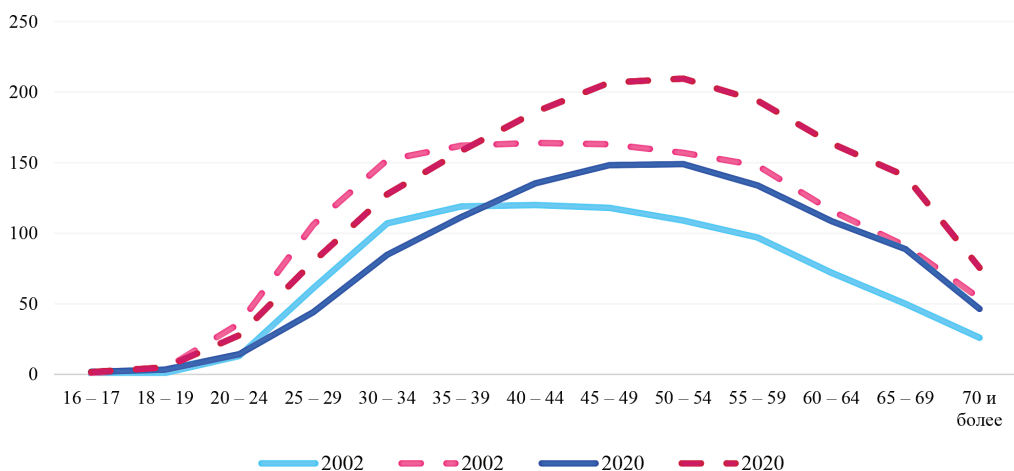

Рисунок 8. Соотношение разведённых и разошедшихся мужчин и женщин по возрастным группам, в расчёте на 1000 населения соответствующего пола и возраста, %

В молодёжных возрастах рост долей разошедшихся мужчин и женщин происходит стремительно от одной возрастной когорты к другой. Однако темпы такого роста различаются как между поколениями, так и между полами. Так среди молодёжи приорного поколения доля разошедшихся мужчин увеличивалась быстрее, чем доля разошедшихся женщин. Темп роста доли разошедшихся мужчин в возрасте 20–24 года относительно доли разошедшихся мужчин в возрасте 18–19 лет в 2002 г. составил 1272,6%. При этом темп роста аналогичной доли женщин составил 867,1%. Темп роста доли разошедшихся в возрасте 25–29 лет по сравнению с группами 20–24-летних составил 484,2% и 291,9%, соответственно, а в возрасте 30–34 года относительно 25–29-летних — 175,2% и 144,1%, соответственно. Такой гендерный дисбаланс отмечался в молодёжных возрастных когортах вплоть до группы 35–39 лет.

В то же время в брачном поведении современной молодёжи есть заметные отличия от прежнего поколения. В возрастных когортах 18–19 лет и 20–24 года темп роста доли разошедшихся по сравнению с предыдущими возрастными группами был выше среди женщин по сравнению с мужчинами (296,5% и 181,6%, соответственно, в возрасте 18–19 лет по сравнению с 16–17-летними, и 555,4% и 424,7%, соответственно, в возрасте 20–24 года по сравнению с 18–19-летними). В последующих возрастных группах темп роста доли разо-

шедшихся мужчин превышал темп роста доли разошедшихся женщин (309,4% и 288,2% соответственно в возрастной группе 25–29 лет по сравнению с когортой 20–24 лет; 192,2% и 160,0% соответственно в возрасте 30–34 года по сравнению с 25–29-летними). То есть современные девушки, вступившие в брачные отношения в более юном возрасте, расторгали эти брачные союзы более активно, чем молодые люди в тех же возрастах.

Таким образом, сопоставляя представленные результаты с результатами анализа брачности, можно говорить, что ранние браки среди современных молодых женщин оказываются и немногочисленными, и довольно непродолжительными.

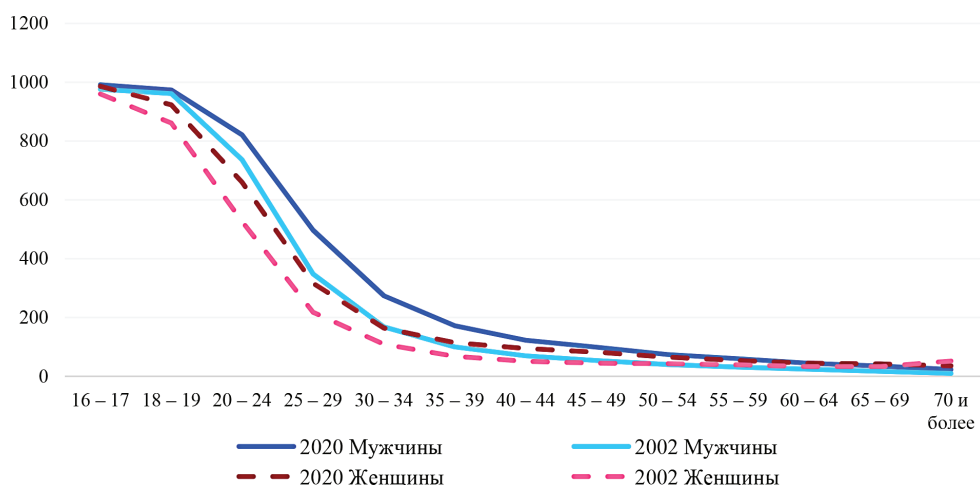

Рисунок 9. Мужчины и женщины, никогда не состоявшие в браке, по возрастным группам, в расчёте на 1000 население, ‰

Обращает на себя внимание тот факт, что в более старших возрастах (35 лет и старше) в когортах 2002 г. в динамике разошедшихся наблюдается своеобразное «плато», когда доля разведённых и разошедшихся как мужчин, так и женщин в разных возрастных группах изменяется несущественно (темп снижения доли разведённых и разошедшихся составлял около 90–98%). В то же время в когортах 2020 г. существует выраженный «пик», приходящийся на возраст 50–54 года, свойственный как мужскому населению, так и женскому. То есть в модели брачного поведения молодёжи 2002 г. прослеживается закономерность: чем в более позднем возрасте расторгнут брак, тем ниже стремление людей к заключению повторных браков.

Полученные результаты анализа брачного поведения представителей молодёжных когорт поколений 2002 г. и 2020 г. позволяют предполагать, и статистические данные всероссийских переписей населения подтверждают, что молодые мужчины заметно реже имеют брачный опыт, чем женщины (см. рис. 9).

При этом среди рассматриваемых групп наибольшие доли лиц, не имеющих брачного опыта, отмечаются среди юношей постериорного поколения. Наименьшие же доли лиц, никогда не состоявших в брачных союзах, составляют молодые женщины приорного поколения. Так, в возрастной группе 20–24 года разница в долях рассматриваемых когорт достигает наибольших

значений — 289 ‰.п. В возрастной группе 25–29 лет своеобразный «разрыв» немногим меньше — 276 ‰.п.

Сравнивая брачное поведение молодых мужчин и женщин поколения «родителей» и поколения современной молодёжи, следует отметить, что юные девушки в приорном поколении более активно, чем юноши приобретали брачный опыт, в то время как брачное поведение молодых людей (женщин и мужчин) в ранних молодёжных возрастах постериорного поколения являлось более схожим. Так, в возрастной группе 16–17 лет в поколении молодёжи 2002 г. разница в долях мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, составляла 19 ‰.п., в то время, как среди молодёжи аналогичной возрастной когорты в 2020 г. — 5 ‰.п., в возрастной группе 18–19 лет разница составляла 102 ‰.п. и 50 ‰.п. соответственно, а в возрастной группе 20–24 года — 214 ‰.п. и 161 ‰.п. соответственно. В более старших когортах ситуация меняется на противоположную. Различия в долях никогда не вступавших в брачные союзы мужчин и женщин становятся выше в постериорном поколении, чем в приорном. В возрастной когорте 25–29 лет разница составляет 180 ‰.п. и 132 ‰.п. соответственно, а в возрастной группе 30–34 года — 110 ‰.п. и 61 ‰.п. соответственно. Такие результаты вновь подтверждают стремление современных молодых людей к откладыванию создания семьи на более поздний возраст. Как следствие, формируется ситуация, когда активность приобретения брачного опыта современными девушками оказывается схожей с активностью получения брачного опыта молодыми мужчинами поколения «родителей».

Выводы. Результаты проведённого исследования доказывают, что в моделях брачного поведения представителей приорного и постериорного поколений существуют как сходства, так и различия. Основное отличие модели брачности и разводимости молодёжи в 2020 г. от модели молодёжи 2002 г. заключается в её сужении, а значит сокращении брачного потенциала в силу как абсолютного уменьшения когорты населения в молодых возрастах, так и в силу большой группы лиц (19%) с неуказанным брачным статусом в переписных данных.

Сходство моделей брачности заключается в том, что в молодёжных когортах как 2002 г., так и 2020 г., около 50% молодых людей имеют брачный опыт. В большинстве случаев молодёжь обоих поколений состоит в зарегистрированном браке. Женщины как в 2002 г., так и в 2020 г. имеют большую брачную активность, чем мужчины.

В качестве различий можно отметить то, что молодёжь 2020 г. откладывает вступление в брак на более старший возраст (причём, откладывается не только регистрация брака, но и вступление в незарегистрированные брачные союзы). Наиболее ярко эта тенденция проявляется среди мужчин. То есть, среди современных юношей создание семьи в период «золотого десятилетия» становится все менее «обязательной» целью, которая уступает свои позиции реализации иных компонентов жизненного успеха.

Одновременно с относительно низкой активностью вступления в брачные союзы для современной молодёжи характерно и изменение модели разводимости, которая демонстрирует более низкие показатели разводимости относительно прежнего поколения. При этом, говоря о поколении «родителей», следует отметить, что после расторжения брака (особенно в старших возрастах) их стремление к повторным бракам снижается. О подобной динамике среди

поколения современной молодёжи возможно будет говорить позже, основываясь на результатах будущих всероссийских переписей населения.

К 2020 г. сформировалась довольно обширная группа населения, состоящая преимущественно из представителей средних возрастов, но включающая и молодёжные когорты, являющаяся устойчивыми сторонниками незарегистрированных брачных союзов. Все это свидетельствует о существенных сдвигах в стратегиях матримониального поведения разных возрастных групп российского населения, особенно в среде молодёжных когорт.

Таким образом, модели матримониального поведения молодёжных когорт 2020 г. отличаются более сильной атомизацией по сравнению со сверстниками 2002 г. Более того, ценность семейного образа жизни для них заметно снижена. Это обуславливает необходимость не только учитывать полученные результаты в молодёжной, социальной и демографической политике, но и стимулировать формирование более результативной модели брака среди молодого поколения всеми доступными методами государственного управления. Подобные аспекты социально-демографической политики позволят снизить риски для демографического развития России в контексте распространения полибрачности, безбрачности, высокой разводимости, малодетности и бездетности.

Библиографический список

1. Лагунова Е. А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85). С. 50–56. EDN [LSOVFM](#).
2. Сакаева З. Л. Фиктивный брак в РФ: понятие и последствия // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 4(19). С. 19. EDN [JIYEPS](#).
3. Сигарева Е. П. Социологическое измерение репродуктивного и семейного поведения, а также мер социальной поддержки в представлениях образованной молодежи // Наука. Культура. Общество. 2014. № 1. С. 115–127. EDN [HUHYSА](#).
4. Архангельский В. Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений в семье // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 3. С. 48–61. DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-48-61](#). EDN [TVGZFP](#).
5. Гришина О. В. Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2008. № 6. С. 29–41. EDN [KVEFRH](#).
6. Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15, № 4. С. 519–542. EDN [OTTMMN](#).
7. Митрофанова Е. С. Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2015. № 2(68). С. 87–100. EDN [TZFRQH](#).
8. Рыбакова О. В., Мокерова Ю. В., Гурарий А. Д. Модели репродуктивного поведения в городской семье: поколенческий конфликт ценностных установок // Социодинамика. 2022. № 11. С. 44–55. DOI [10.25136/2409-7144.2022.11.39129](#). EDN [VHRCPC](#).
9. Барашкова А. С. Когортный анализ поведения населения на брачном рынке // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15. С. 27–32. EDN [NEGOTD](#).
10. Карпова В. М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 117–139. DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139](#). EDN [IFVHIU](#).
11. Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Многодетность в России: состояние и перспективы // СОТИС — социальные технологии, исследования. 2018. № 2(88). С. 83–94. EDN [OVBJSL](#).
12. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. М. : Проспект, 2023. 448 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](#). EDN [GKFMMF](#).

13. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 5–16. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16). EDN [QROBIJ](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).
14. Байбурина Д. Г. Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 651–656. EDN [QQRHEE](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).

Поступила: 12.05.2025. Доработана: 07.07.2025. Принята: 11.07.2025.

Сведения об авторах:

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

svetlankamos84@rambler.ru

Author ID РИНЦ: [611010](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=611010); ORCID: [0000-0002-3239-4230](https://orcid.org/0000-0002-3239-4230)

Сigareва Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

sigarevae@mail.ru

Author ID РИНЦ: [74704](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=74704); ORCID: [0000-0003-3760-795X](https://orcid.org/0000-0003-3760-795X)

S. Yu. Sivoplyasova¹, E. P. Sigareva¹

¹ IDR FCTAS RAS. Moscow, Russia

MODELS OF MARRIAGE AND DIVORCE IN THE YOUTH COHORTS OF MODERN RUSSIA

Abstract. This article examines patterns of marriage and divorce among youth cohorts with the aim of identifying similarities and differences in the formation of marital potential across generations. Significant transformations in the family and marital sphere over the past five years have brought renewed scholarly attention to this issue. To analyze the specific features of marital behavior among youth in the prior and posterior generations, the authors rely on statistical data from the All-Russian population censuses of 2002 and 2020. The study identifies key characteristics of contemporary youth's marriage and divorce patterns, as well as their distinctions from those of the "parental" generation. A significant problem of statistical ambiguity in marital status has been revealed — one that shows a growing trend and requires further investigation: a substantial group of contemporary youth now reports an undefined marital status. The authors note a marked decline in the marital potential of current youth cohorts, driven both by demographic shrinkage of the age group itself and by reduced marital activity compared to the generation of young people in the early 2000s.

Based on comparative analysis, the paper provides a detailed examination of the structural characteristics of marriage and divorce across specific youth age cohorts. Despite significant differences in dynamics and age-related patterns, a high degree of similarity between the two generational models is observed. Particular attention is paid to gender differences in marital behavior models among Russia's youth across generations. The findings may contribute to a better understanding of ongoing transformations in the matrimonial sphere among young people and inform the development of evidence-based youth, demographic, and social policies.

Keywords: marital behavior, divorce prevalence, gender differences in marriage, non-marriage, All-Russian Population Census, youth, prior generation, posterior generation

For citation: Sivoplyasova S. Yu., Sigareva E. P. Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):126–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.9>

References

1. Lagunova E. A. Fictitious marriage and divorce: theory and practice. *Siberian Law Herald*. 2019;(2):50–56. (In Russ.).
2. Sakaeva Z. L. Fictitious marriage in Russia: concept and consequences. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*. 2019;(4):19. (In Russ.).
3. Sigareva E. P. The sociological dimension of reproductive and family behavior and social support measures in the perceptions of educated youth. *Science. Culture. Society*. 2014;(1):115–127. (In Russ.).
4. Arkhangelsky V. N., Bezverbnaya N. A., Bezverbny V. A., Zemlyanova E. V. Relationship of reproductive behavior of generations in the family. *Population*. 2024;27(3):48–61. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-48-61](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-48-61).
5. Grishina O. V. Reproductive behavior of parents and their children in Russia. *Moscow University Economic Bulletin*. 2008;(6):29–41. (In Russ.).
6. Mitrofanova E. S. Demographic behavior of Russians: family and fertility patterns across generations. *The HSE Economic Journal*. 2011;15(4):519–542. (In Russ.).
7. Mitrofanova E. S. Age specifics of the occurrence of starting demographic events among Russian generations. *Population*. 2015;(2):87–100. (In Russ.).
8. Rybakova O. V., Mokerova Yu. V., Gurarii A. D. Models of reproductive behavior in an urban family: generational conflict of values. *Sociodynamics*. 2022;(11):44–55. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2022.11.39129](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39129).
9. Barashkova A. S. Cohort analysis of population behavior in the marriage market. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2011;(15):27–32. (In Russ.).
10. Karpova V. M. Features of the intergenerational transmission of family values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(3):117–137. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139).
11. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Large families in Russia: state and prospects. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2018;(2):83–94. (In Russ.).
12. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Arkhangelsky V. N. Russian society and the state in the conditions of the formation of a new world order: demographic situation in 2022. Moscow: Perspektiva; 2022. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023).
13. Ildarkhanova Ch. I., Yershova G. N., Yershova Yu. N. Russian model of marriage: age and gender profile (2011–2021). *Population*. 2024;27(S1):5–16. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).
14. Baiburina D. G. Gender aspects of transformation marriage and family relations in the modern society. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2014;19(2):651–656. (In Russ.).

Received: 12.05.2025. Corrected: 07.07.2025. Accepted: 11.07.2025.

Author information:

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate of Economics, Associate professor,
Leading researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

svetlankamos84@rambler.ru
ORCID: [0000-0002-3239-4230](https://orcid.org/0000-0002-3239-4230)

Eugenia P. Sigareva, Candidate of Economics, Leading researcher,
Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

sigarevae@mail.ru
ORCID: [0000-0003-3760-795X](https://orcid.org/0000-0003-3760-795X)

EDN VXUGTE
УДК 394.46

СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ И ТРИ ТРАНСФОРМАЦИИ: К 70-летию М. Ф. ЧЕРНЫША

Источник: ФНИСЦ РАН.
URL: <https://chernysh.fnisc.info/#photo>
(дата обращения: 26.08.2025).

26 августа 2025 года академическое и социологическое сообщество поздравило с наступившим юбилеем нашего коллегу, члена-корреспондента РАН, доктора социологических наук, одного из организаторов и руководителей Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Михаила Фёдоровича Черныша! Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество» и коллектив учёных Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН присоединяются к поздравлениям учёного, чьё имя неразрывно связано с развитием российской социологии, теоретическими

и эмпирическими исследованиями социальной мобильности в условиях радикальных общественных перемен. Юбилей — не только личное событие, но и повод для размышлений о судьбе науки и её роли в сложных исторических переходах, через которые прошла Россия за последние десятилетия.

Лейтмотив нашего поздравления «Семь десятилетий и три трансформации» — отражает хронологическую меру времени и значимую часть научного пути Михаила Фёдоровича, включающую проведённые под его руководством в 1998, 2007 и 2015 годах масштабные научные проекты, посвящённые социальной трансформации российского общества. Эти проекты составили этапы мониторинга, позволяющего проследить эволюцию социальной структуры страны. Они не только зафиксировали состояние общества в ключевые моменты его развития, но и позволили увидеть долгосрочные тенденции, устойчивые структуры неравенства и механизмы воспроизводства социальных различий. Каждое из этих исследований выступает как временной срез, фиксирующий положение дел в определённый исторический момент: от хаоса и дезориентации конца 1990-х до относительной стабилизации начала 2000-х и последующего формирования новой социальной архитектуры России в 2010-е годы.

Эти работы начинались сбором данных и продолжились научной аналитической и теоретической работой осмысления закономерностей логики нового социального порядка: кто в обществе получает открывшиеся возможности, а кто оказывается на периферии социальной структуры, какие институты способствуют мобильности, а какие — закрепляют неравенство. Семь десятилетий жизни Михаила Фёдоровича Черныша выпали на период, совпадающий с одним из самых сложных и противоречивых периодов жизни нашей страны. Научный путь юбиляра воплотился в социологическом осмыслении этих перемен, не поддаваясь ни эйфории, ни пессимизму, опираясь на эмпирические данные, теорию и рефлекссию.

Научная деятельность М. Ф. Черныша продолжилась в разработке оригинальных теоретических концепций, позволяющих точнее понять трансформацию российского общества. Он предложил гипотезу о многомерных взаимообусловленных перемещениях в социальном пространстве, выходящую за рамки классических моделей вертикальной мобильности, и разработал концепцию «замещающей мобильности», объясняющую, как в условиях позднего модерна традиционные пути социального продвижения заменяются новыми формами, связанными с формированием среднего класса, управленцев в негосударственном секторе и работников информационной сферы. Значительный вклад внесён и в изучение социальной справедливости: Черныш показал множественность и ситуационную обусловленность её представлений, зависимость от социальной принадлежности и других факторов, что позволило перейти к эмпирическому анализу оценок справедливости в различных сферах жизни. Параллельно им была создана концептуальная основа для анализа гражданской культуры как продукта не только индивидуальных установок, но и структурных характеристик общества и эффективности его институтов.

Научная деятельность М. Ф. Черныша не ограничивается узкоспециализированными исследованиями. Он входит в состав совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, в межведомственный координационный совет РАН по пространственному развитию, в Совет по межнациональным отношениям при Совете Федерации. Эти роли подчёркивают его авторитет как эксперта в вопросах социальной стабильности, межэтнических отношений и институциональных проблем науки. Также он внёс значительный вклад в популяризацию социологического знания, регулярно выступая в СМИ, на научно-популярных телеканалах и в дискуссиях по актуальным темам — от «лихих 90-х» и среднего класса до индекса счастья и причин агрессивности в обществе.

Под руководством Михаила Фёдоровича ФНИСЦ РАН сохранил и укрепил статус одного из ведущих центров социологического анализа в стране. Готовится и задел на будущее, в развитие научных кадров. Преподавательская деятельность юбиляра, начавшаяся ещё в 1977 году в МГПИИЯ им. М. Тореца, продолжившаяся в МГУ и других ведущих вузах, — как для студентов, так и для аспирантов, — реализуется в передаче знаний и формировании научной школы. С 2019 года он продолжил эту работу на посту декана социологического факультета ГАУГН, где с 2008 года заведует кафедрой общей социологии, разработав авторские курсы по общей социологии, конструированию социологических инструментов и др.

В юбилейный год хочется выразить дорогому юбиляру признательность за многолетний вклад в развитие социологической науки, за сохранение научных

традиций, за формирование среды, в которой возможно независимое и научно достоверное исследование. Желаем Михаилу Фёдоровичу крепкого здоровья, внутренней гармонии, благополучия и дальнейших научных достижений. Пусть его работа продолжает вдохновлять коллег, студентов, аспирантов и всех, кто стремится к объективному пониманию российской действительности. Пусть научная социологическая мысль, которую он развивает, остаётся актуальной, социологически значимой и социально ответственной.

*Коллектив учёных Института социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»*

EDN WKPMAN
УДК 394.46

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ СОЦИОЛОГА: К 70-летию В. П. БАБИНЦЕВА

Источник: Из архива НИУ «БелГУ».

19 сентября 2025 года празднует юбилей человек, чья научная жизнь стала мостом между философской глубиной и социальной реальностью — профессор, доктор философских наук, Почётный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета Валентин Павлович Бабинцев. Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество», Российское общество социологов и коллектив учёных Белгородского государственного национального исследовательского университета рады присоединиться к поздравлениям

в связи с 70-летием — знаменательной вехой в жизни выдающегося учёного, организатора и педагога, чьи научные труды для многих стали точкой отсчёта в последующих теоретических и эмпирических исследованиях в целом ряде отраслевых дисциплин: социологии молодёжи, социологии управления, политической социологии, региональной социологии, социологии высшего образования, социологии села, а также изучения ценностей и социального самочувствия населения.

Родившийся в деревне Кузьминская Кировской области, Валентин Павлович вырос в атмосфере крестьянской жизни, где в уважении к труду зародилось то, что позже стало его научной этикой: верность факту, внимание к людям, стремление понимать общество не сверху, а изнутри. После окончания Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского он начал преподавать общественные дисциплины — и с тех пор не прекращал научно-педагогическую деятельность. С 1987 года живёт и работает в Белгороде, ставшем важной частью его научной судьбы. Здесь, в Белгородском кооперативном институте (ныне — БУПК), затем в Белгородском сельскохозяйственном институте (ныне — БСХА им. В. Я. Горина), и, наконец, в НИУ «БелГУ», где он возглавил кафедру и исследовательский Центр социальных технологий, Валентина Павловича не просто читал курсы и заведовал кафедрами — он формировал

мышление поколений. С 2014 г. он возглавляет Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по таким специальностям, как «Социология управления», «Социальные институты, структуры и процессы», «Социология культуры, духовной жизни».

Валентин Павлович пришёл к социологии уже как зрелый философ и историк философской мысли, что во многом определило его дальнейшую работу: он не столько изучает отдельные фрагменты общества, сколько раскрывает его внутренние коды. В 1999 году он защитил докторскую диссертацию и издал монографию «Москва и Иерусалим. Русские мыслители XIX — начала XX вв. о “еврейском вопросе”».

В последующие десятилетия его научная биография стала неотъемлемой и значимой частью российской социологии. Под его руководством были инициированы и реализованы десятки крупных исследовательских проектов, поддержанных грантами РГНФ и РФФИ; он стал одним из создателей и бессменным руководителем Белгородского регионального отделения Российского общества социологов (2004). Из числа оригинальных теоретических построений и социально-технологических проектов Валентина Павловича следует выделить концепцию развития регионального солидарного сообщества, которая стала мейнстримом его научного творчества с конца 2000-х годов по настоящее время. Его социологические изыскания характеризуют талант и высочайшие профессиональные стандарты как теоретика, методолога и эмпирика.

Под руководством Валентина Павловича в 2022–2024 годах был реализован проект «Создание экспертного центра по проблемам воспроизводства территориальных систем» (в рамках программы «Приоритет 2030»). Его цель — создание технологического комплекса для измерения и поддержки уровня регионального благополучия через гибкую, адаптивную систему управления. Отдельные элементы социально-аналитических разработок этого проекта уже использованы при разработке Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2030 года.

Его имя стало синонимом того, что наука может быть не только отвлечённым знанием, но и инструментом жизни. В настоящее время Валентин Павлович как педагог является профессором кафедры социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ» и ведёт аспирантуру по специальности «Социальные структуры и процессы». При этом он не ограничивается аудиториями и журналами — экспертиза Валентина Павловича востребована в структурах государственного и муниципального управления Белгородской области, его голос звучит в региональных СМИ, а его авторитет как эксперта в вопросах социальной политики, социальных проблем молодёжи и развития региона неоспорим.

В. П. Бабинцев награждён нагрудным знаком «Почётный работник сферы молодёжной политики Российской Федерации», нагрудным знаком Почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации (2009), Серебряной Медалью Питирима Сорокина (2008), удостоен звания «Почётный профессор НИУ “БелГУ”» (2015). Он становился лауреатом международной выставки «Лучшее учебно-методическое пособие», а в 2016 году ему было присвоено почётное звание «Почётный работник науки и техники Российской Федерации». Но самые дорогие награды — это сотни учеников и десятки коллег, которые видят в нём не только учителя, но и ориентир.

Многосторонняя и исключительно плодотворная деятельность Валентина Павловича Бабинцева способствовала становлению Белгородской социологической школы, вносящей ощутимый вклад в развитие отечественной социологии. От всей души желаем юбиляру крепкого здоровья, неиссякаемого интереса к миру, продолжения плодотворной работы и той самой внутренней силы, которая подарила региону и стране учёного, помогающего России понять себя — через социологию. Пусть научная социологическая и философская мысль, которую он развивает, сохранит и приумножит свою значимость.

*Коллектив учёных Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

Российское общество социологов

Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ, перечень ВАК, Белый список (ЕГПНИ)

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2025. Том 31. № 3. Дата выхода в свет: 29.09.2025.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru